

ДЭН СИММОНС

ОЛИМП

МАСШТАБНАЯ НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ САГА
ОТ АВТОРА «ГИПЕРИОНА» И «ТЕРРОРА»!

Троя

ДЭН СИММОНС

Олимп

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Симмонс Д.

Олимп / Д. Симмонс — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Троя)

ISBN 978-5-389-22285-4

Современный классик Дэн Симмонс – прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, – масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь разумные роботы-моравеки, прибывшие с лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждая в пути сравнительные достоинства Шекспира и Пруста, отправляются к почти обезлюдевшей Земле на ядерно-импульсном корабле «Королева Маб», срочно построенном на Фобосе по передовому слову земной науки образца 1950-х годов, и прихватывают с собой Одиссея собственной персоной; здесь греки и троянцы объединяются против олимпийских богов, пользующихся всеми чудесами нанотехнологии; здесь шекспировский Просперо, он же аватара земной ноосферы, путешествует эйфельбаном от Эвереста до крайней оконечности Португалии, где начинается Атлантическая Брешь... Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22285-4

© Симмонс Д., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Часть 1	8
Часть 2	104
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дэн Симмонс

Олимп

Dan Simmons

OLYMPOS

Copyright © 2005 by Dan Simmons

All rights reserved

© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2007

© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Если какой автор и вызывает у меня восторженную оторопь, так это Дэн Симмонс.

Стивен Кинг

Для тех из нас, кто превыше всего ценит хорошую прозу, имя Дэна Симмонса – неперенный знак качества.

Харлан Элисон

Дэн Симмонс лихо взял верхнюю планку едва ли не во всех мыслимых жанрах.

Philadelphia Inquirer

В том жанре, где блистают Стивен Кинг и Питер Страуб, Дэн Симмонс не менее яркая величина.

Seattle Post Intelligencer

Мастерство Симмонса в том, что ему удастся объединить несколько разные сюжеты в один и при этом выписать каждый из них с помощью особого колорита. «Троянская» линия пестрит искаженными и прямыми цитатами из Гомера и построена на контрасте между героической поэмой и грубой действительностью. Рассказ о приключениях Ады и компании выдержан в духе превосходного фантастического триллера...

Симмонс вновь продолжает сталкивать лбами машинную и человеческую цивилизации, делая неутешительные прогнозы о финале современной научно-технической революции. Также с помощью фантастического антуража он исследует давнюю проблему соотношения реальности и вымысла, уделяя особенное внимание порождениям гениальных умов – Шекспира, Гомера, Набокова.

Иван Якишин (Книжная витрина)

* * *

*Этот роман посвящен Гарольду Блуму,
который своим отказом от соучастия*

*в нынешней Эпохе Ресентимента
чрезвычайно меня порадовал¹*

* * *

*Откуда же Гомер мог знать, если во время этих событий он был
верблюдом в Бактрии?*

Лукиан. Сновидение

(Перевод Н. Баранова с изменениями)

*Подлинная история Земли в конечном счете сводится к истории
воистину беспощадных сражений. Собратья, боги и собственные
страсти никогда не оставят человека в покое.*

Джозеф Конрад. Заметки о жизни и литературе

*Но пусть вовеки не сгорит
Разрушенная Троя
И Лая гнев не омрачит
Счастливого покоя —
Хотя бы Сфинкс и стал опять
Свои загадки задавать.*

*А если и грозит закат,
То новые Афины
Лучом последним озарят
Иных времен равнины
И, как вечерняя заря,
Погаснут, землю одаря.*

Перси Биши Шелли. Эллада
(Перевод К. Чемена)

---

¹ Этот роман посвящен Гарольду Блуму, который своим отказом от соучастия в нынешней Эпохе Ресентимента чрезвычайно меня порадовал. – Гарольд Блум (1930–2019) – американский литературный критик и литературовед, наиболее известный своими работами о каноне западной литературы. «Школой Ресентимента» Блум называл возникшее в 1970-х направление литературной критики, ставящее на первое место политическую и социальную повестку – марксистскую, феминистскую, постструктуралистскую критику и т. п. Представители этих течений требуют расширить канон за счет представителей меньшинств (вне зависимости от эстетической ценности произведений) и выбросить из канона авторов, чьи взгляды не отвечают современным воззрениям. По мнению Блума, такой подход приведет к уничтожению канона.

Часть 1

1

Елена Прекрасная просыпается перед самым рассветом от сирен воздушной тревоги. Она ощупывает подушки, однако ее нынешний любовник, Хокенберри, опять исчез, ускользнул в ночи, пока спали слуги. Вечно он ведет себя так, будто сделал нечто постыдное. Наверняка пробирается сейчас в свои покои по глухим закоулкам, где еле чадят факелы. Все-таки Хокенберри – удивительный и несчастный человек, думает Елена. И вдруг она вспоминает.

Мой муж мертв.

Парис погиб в поединке с безжалостным Аполлоном девять дней назад. Великая тризна с участием не только троянцев, но и ахейцев начнется через три часа, если божественная колесница, что кружит сейчас над городом, в следующие несколько минут не разрушит Илион до основания, – но Елене все еще трудно поверить, что Париса больше нет. Парис, Приамов сын, убит в бою? Парис низвержен в сумрачные пещеры Аида, его красота исчезла навеки? Немыслимо. Ведь это же *Парис*, прекрасный мальчик, который увез ее от Менелая, мимо стражников, через зеленые луга Лакедемона. Нежнейший из любовников даже после долгой, изматывающей, десятилетней войны. Тот, кого она тайно называла про себя «неудержимым, раскормленным в стойле жеребцом».

Елена встает с ложа, идет к внешнему балкону и раздвигает невесомые занавески, чтобы окунуться в предутренний свет Илиона. Сейчас середина зимы, и мраморный пол холодит босые ноги. В сумеречном покуда небе сорок или пятьдесят прожекторов шарят в поисках богов, богинь и летающих колесниц. От приглушенных плазменных взрывов содрогается уставленный моравеками энергетический купол над городом. Внезапно по всему периметру защитных укреплений Илиона выстреливают вверх бесчисленные когерентные лучи – ослепительные снопы цвета лазури, изумрудов, свежей крови. На глазах у Елены одиночный, но мощный взрыв сотрясает северную часть города; ударная волна раскатывается эхом среди безверхих башен Илиона и стряхивает длинные темные локоны с ее плеч. В последние недели боги начали применять мономолекулярные бомбы, вызывающие квантовые фазотрансформации в моравекском щите. По крайней мере, так разъясняли ей Хокенберри и забавное железное существо по кличке Манмут.

Елене Прекрасной плевать на технологии.

Парис мертв. Мысль попросту не укладывается в голове. Елена готовилась погибнуть вместе с ним в тот день, когда ахейцы под предводительством ее бывшего мужа Менелая и его брата Агамемнона возьмут штурмом городские стены, как предрекала ее подруга-пророчица Кассандра, убьют всех мужчин и мальчиков, а женщин обесчестят и увезут в рабство на греческие острова. Вот в какой день Елена думала наложить на себя руки или погибнуть от Менелая мечом. И почему-то она никак не представляла себе, что ее дорогой, самовлюбленный, богоподобный Парис, ее неудержимый жеребец, ее красавец-воин, умрет первым. Девять с лишним лет осады и славных сражений Елена верила, что боги уберегут ненаглядного Париса от любой беды и он всегда будет с ней на ложе. И боги оберегали его. А теперь убили.

Елена припоминает последний раз, когда она видела троянского супруга. Десять дней назад он покидал город, спеша на поединок с Аполлоном. Никогда еще Парис не выглядел столь уверенно в изящных доспехах из блистающей бронзы, с гордо откинутой головой, длинной, точно у жеребца, гривой льющих по плечам волос и сияющей улыбкой, обращенной к Елене и тысячам троянцев, что, ликуя, взирали на него со стены у Скейских ворот. Быстрые

ноги уверенно несли его «радостно-гордого», по выражению любимого царского азда². Впрочем, в тот день они несли его к гибели от рук разъяренного Аполлона.

И вот он умер, думала Елена, и, если верить подслушанным пересудам, тело его изуродовано и почернело, кости сокрушены, безупречный золотой лик превращен огнем в мерзкую оскаленную маску, синие очи растаяли, клочья зажаренного мяса повисли на обгорелых скулах, словно... словно... *начатки* – первые куски жертвенного мяса, которые швыряют на землю, ибо считают негодными.

Елена зябко ежится на холодном рассветном ветру, глядя, как над крышами курится дым. На юге, со стороны ахейского лагеря, взмыли с ревом вдогонку отступающей колеснице три зенитные ракеты. Елена успевает заметить эту колесницу – короткую, яркую, точно утренняя звезда, вспышку, вслед за которой уже тянутся выхлопные ленты греческих ракет. Блестящее пятнышко без предупреждения квант-телепортируется, и небо пустеет. «Удирайте на свой осажденный Олимп, жалкие трусы», – думает Елена Прекрасная.

Звучит отбой воздушной тревоги. Улица под покоем Елены в доме Париса поблизости от разрушенного Приамова дворца вдруг заполняется бегущими людьми, ведра по цепочке передают на северо-запад, туда, где к зимнему небосводу по-прежнему тянется дым. Над крышами гудят летающие моравекские машины с колючими шасси и вращающимися прожекторами, похожие на черных шершней. Некоторые, как она знает по опыту и полуночным объяснениям Хокенберри, запоздало полетят «прикрывать город с воздуха», другие помогут загасить пламя. Затем троянцы и моравеки будут несколько часов вытаскивать из-под завалов изувеченные тела. Елена, знающая в городе почти всех, гадает, чьи души перенеслись в бессолнечный Аид сегодняшним ранним утром.

«Утром поминальной тризны по Парису. По моему милому. Моему глупому, обманутому любимому».

Начинают ворочаться служанки. На пороге спальни возникает самая старая из них – Эфра, мать царственного Тезея, бывшая афинская правительница, увезенная братьями Елены в отместку за похищение сестры.

– Сказать девушкам, чтобы приготовили ванну, госпожа? – спрашивает она.

Елена кивает. Еще мгновение она смотрит в светлеющее небо. Дым на северо-западе густеет, а затем понемногу рассеивается по мере того, как пожарные команды с помощью моравекских машин расправляются с пламенем. Боевые шершни роквеков продолжают безнадежную погоню за квант-телепортировавшейся колесницей. Проводив их взглядом, Елена Прекрасная возвращается в покои, шлепая босыми ступнями по холодному мрамору. Надо подготовиться к погребальному обряду и встрече с обманутым мужем после десяти лет разлуки. Кроме того, это первое публичное собрание, на которое одновременно явятся Гектор, Ахиллес, Менелай и Елена, а также многие другие троянцы и ахеяне. Мало ли что может случиться.

«Лишь боги ведают, чем кончится этот ужасный день», – думает Елена и, несмотря на печаль, не может сдержать улыбки. В последнее время все молитвы остаются без ответа. Настали дни, когда бессмертные вспоминают о смертных, только чтобы своими божественными руками сеять на земле ужас, погибель и страшные разрушения.

Елена Прекрасная идет совершать омовение и одеваться для тризны.

---

² ...«радостно-гордого», по выражению любимого царского азда. – Везде, где не оговорено иное, цитаты из «Илиады» приведены в переводе Н. Гнедича.

Рыжеволосый Менелай в лучших доспехах, молча, недвижно, гордо выпрямив спину, стоял между Одиссеем и Диомедом в первом ряду ахейской делегации героев, приглашенных в Илион на погребальный обряд в честь его главного врага, этого поганого женокрада, хренова сына Приама, свинячьего козла Париса. Стоял и размышлял, как и когда ему вернее прикончить Елену.

Особых сложностей не предвиделось. Она вместе со старым Приамом была на царской смотровой площадке посередине дворцовой площади в каких-то пятидесяти футах от ахейской делегации. Если повезет, Менелай пробежит это расстояние и никто его не остановит. А даже если не повезет и троянцы все же преградят ему путь, Менелай порубит их, словно бурьян.

Он был невысок – не благородный великан, как его брат, отсутствующий сейчас Агамемнон, и не худородный великан, как муравьиный хер Ахиллес, – и понимал, что не запрыгнет на стену, а вынужден будет бежать по ступеням, прорубаясь через толпу троянцев. Менелая это не смущало.

Главное, Елене некуда было скрыться. С балкона на стене храма Зевса вела лишь одна лестница. Если Елена укроется в храме, Менелай бросится следом и не даст ей уйти. Он знал, что успеет убить ее до того, как сам падет под мечами разъяренных троянцев – включая Гектора, который как раз показался во главе погребальной процессии. И тогда троянцы с ахейцами сойдутся в смертельной битве, забыв о безумной войне с богами. Разумеется, если Троянская война возобновится здесь и сегодня, Менелай обречен – а равно Одиссей, Диомед, а то и сам неуязвимый Ахиллес, – поскольку на погребение собаки Париса собралось лишь три десятка ахейцев, а троянцев тысячи. Они толпились повсюду – на площади, на стенах, между ахейцами и Скейскими воротами.

«Оно того стоит».

Эта мысль пронзила череп Менелая, будто наконечник копья. «Все, что угодно, лишь бы убить вероломную суку». Несмотря на стылый и пасмурный зимний день, из-под шлема бежали ручейки пота. Просочившись по стриженной рыжей бороде, они капали с подбородка на бронзовый нагрудник. Менелая нередко доводилось слышать этот стук тяжелых капель по металлу – но прежде то была кровь противников, багрящая их доспехи. Он в одурающем бешенстве сжал рукоять меча.

«Сейчас?»

«Нет».

«Почему не сейчас? А когда же?»

«Не сейчас».

Спорящие голоса в голове – оба принадлежали ему, поскольку боги с ним больше не разговаривали, – сводили Менелая с ума.

«Как только Гектор зажжет погребальный костер, тогда и действуй».

Менелай сморгнул соленые струйки. Он не знал, какому из голосов принадлежало последнее предложение – тому, что рвался в бой, или другому, который трусливо советовал тянуть время, – но решил ему последовать. Погребальная процессия только что вошла в Илион через огромные Скейские ворота и теперь несла обугленный труп Париса, укрытый шелковым саваном, по главной городской улице в сторону дворцовой площади, где ждали ряды высокогородных сановников и героев, а женщины, в том числе и Елена, смотрели со стены. Еще несколько минут – и старший брат убитого, Гектор, начнет поджигать погребальный костер, внимание зрителей обратится на пламя, пожирающее и без того обгорелый труп. «Самое время действовать. Никто не заметит, пока я не всажу десять дюймов клинка в предательскую грудь Елены».

По традиции похороны членов царской семьи, таких как Парис, сын Приама, один из троянских царевичей, длились девять дней и включали гонки на колесницах, атлетические состязания, метание копий и прочие игры. Однако ритуальные девять дней с тех пор, как Аполлон превратил Париса в уголья, ушли на долгое путешествие дровосеков к лесам, еще уцелевшим на склонах Иды, во многих лигах к юго-востоку. Маленькие машинки, звавшие себя мора-веками, сопровождали телеги на своих шершнях, защищая людей силовым полем на случай нападения богов. И те, разумеется, нападали. Однако лесорубы все же сделали свое дело.

Лишь теперь, на десятый день, дрова привезли в Трою и сложили костер. Впрочем, Менелай и многие его товарищи, включая Диомеда, стоящего с ним бок о бок, считали обряд сжигания вонючего мертвеца напрасной тратой доброго топлива. И город, и мили некогда лесистого побережья давно лишились древесины, растраченной за десять лет на лагерные костры. Поле битвы покрывали бесчисленные пни. Даже хворост давным-давно подобрали. Ахейские рабы готовили пищу для господ на сухом навозе, что не повышало ни вкусовых свойств еды, ни настроения греков.

Возглавляла погребальный кортеж величавая череда троянских колесниц. Копыта коней, обернутые черным войлоком, еле слышно ступали по широким булыжникам главной улицы и городской площади. За спинами возниц в молчании замерли величайшие герои Илиона, воины, пережившие девять с лишним лет осады и ужасную восьмимесячную битву с богами. Первым ехал Полидор, сын Приама, за ним – еще один брат Париса, Местор. На следующих колесницах стояли союзник троянцев Ифей и Лаодок, сын Антенора. За ними на собственной богато украшенной колеснице – Антенор, как всегда среди бойцов, а не с почтенными старцами на городской стене. Затем – полководец Полипет, а далее – прославленный возница Сарпедона Фразимед, замещающий своего господина, предводителя рати ликийцев, убитого Патроком в ту пору, когда троянцы еще искали сражений с греками, а не с бессмертными. Следом благородный Пиларт – нет, разумеется, не троянец, павший от руки Большого Аякса перед самым началом войны с богами, а другой, который так часто бился рядом с Элазом и Мулием. Замыкали процессию Перим, сын Мегаса, Эпистор и Меланипп.

Менелай узнавал каждого из этих мужей, героев, своих противников. Тысячи раз ему доводилось видеть их искаженные гневом, залитые кровью лица под бронзовыми шлемами на расстоянии брошенного копья или даже взмаха мечом. Тысячи раз эти люди преграждали ему путь к двойной цели – к Илиону и Елене.

«До нее пятьдесят футов. И никто не ждет моего нападения».

За колесницами слуги вели предназначенных для костра животных: десять коней Париса (хороших, но не лучших), его охотничьих собак, стадо откормленных овец (очень серьезная жертва, если учесть, что за время божественной осады шерсть и баранина сделались редкостью) и несколько старых коров. Их пригнали не ради пышности жертвоприношения – действительно, кому жертвовать, когда олимпийцы стали врагами? Просто жир закланных животных поможет сильнее и жарче разжечь погребальное пламя.

А следом – издалека, с Илионской равнины, – через Скейские ворота шагали тысячи троянских воинов, сверкая начищенными доспехами в этот хмурый зимний день. Посреди людского потока плыло смертное ложе Париса – на руках двенадцати ближайших соратников по оружию, мужей, которые готовы были отдать жизнь за второго отпрыска Приама и сейчас рыдали, неся его паланкин.

Тело Париса укрывал голубой саван, почти утонувший под прядями волос, отрезанных его воинами и дальними родственниками в знак печали: старший брат и ближняя родня отрежут локоны перед тем, как загорится костер. Троянцы не просили ахейцев жертвовать волосы, а если бы попросили – и если бы Ахиллес, главный союзник Гектора в эти безумные дни, пере-

дал их просьбу или, хуже того, сформулировал ее как приказ, за исполнением которого будут следить его мирмидонцы, – Менелай самолично возглавил бы восстание.

Он пожалел, что рядом нет его царственного брата. Тот всегда знал, как действовать. Агамемнон – вот кто настоящий предводитель аргивян, а вовсе не самозванец Ахиллес и, уж конечно, не троянский ублюдок Гектор, воображивший, будто может командовать аргивянами, ахейцами, мирмидонцами и троянцами. Нет, истинный греческий вождь – Агамемнон. Будь старший брат сегодня здесь, он либо удержал бы Менелая от опрометчивого нападения на Елену, либо рискнул жизнью, помогая тому исполнить намеченное. Однако Агамемнон и пять сотен верных ему людей отплыли на черных кораблях в Спарту и к греческим островам семь недель назад и должны были вернуться не раньше чем через месяц. Они объявили, что будут собирать новобранцев для войны с богами, а на самом деле намеревались искать союзников для мятежа против Ахиллеса.

Ахиллес. Вон он, вероломное чудище, ступает вслед за рыдающим Гектором, который идет за паланкином, бережно держа голову покойного брата в огромных ладонях.

При виде мертвого тела тысячи троянцев на городских стенах и главной площади издали могучий стон. Женщины на крышах и балконах – те, что попроще, не из Приамова рода и не Елена, – завывали в голос. У Менелая по коже побежали мурашки. Бабы причитания вечно на него так действовали.

«Моя сломанная искалеченная рука», – подумал Менелай, разжигая свой гнев, словно гаснувший погребальный костер.

Ахиллес – тот самый полубог, шагающий сейчас подле носилок, которые торжественно проносили мимо делегации ахейских военачальников, – сломал Менелая руку восемь месяцев назад, в тот день, когда быстроногий мужеубийца объявил аргивянам, что Афина Паллада убила его друга Патрокла и в насмешку забрала тело с собой. Затем Ахиллес объявил, что отныне ахейцы и троянцы не будут воевать друг с другом, а возьмут в осаду Олимп.

Агамемнон, конечно, был против: против дерзости Ахиллеса, против узурпации, его, Агамемнона, законной власти царя царей всех греков, собравшихся у стен Трои, против неслыханного кощунства – нападения на богов, чьего бы друга ни убила Афина (если Пелид вообще говорил правду), – и против того, чтобы десятки тысяч ахейских воинов перешли под командование Ахиллеса.

Ахиллес ответил коротко и прямо: он готов драться с любым, кто не примет его власть или не захочет воевать с богами, – драться хоть поодиночке, хоть со всеми сразу. И пусть последний уцелевший правит аргивянами с этого утра.

Сотни ахейских полководцев и тысячи воинов в немом изумлении наблюдали, как гордые сыны Атрея разом бросились на самозванца с оружием.

Менелай хоть и не числился в рядах первых героев у стен Илиона, все же был закаленным в сражениях бойцом, а его брат вообще считался самым яростным из греков – по крайней мере, пока разобиженный Ахиллес отсиживался в своем шатре. Копье великого царя почти всегда било без промаха, меч рассекал семикожные щиты врагов, словно легкие хитоны; Агамемнон ни разу не смилостивился даже над самым благородным противником, молившим о пощаде. Он был таким же статным, мускулистым и боговидным, как белокурый Ахиллес, однако его тело покрывали шрамы, заслуженные в славных боях, когда быстроногий был еще ребенком. Да еще в глазах Атрида полыхало звериное бешенство, в то время как Ахиллес ожидал нападения с хладнокровным, почти рассеянным выражением на юном лице.

Ахиллес управился с братьями, словно с малыми детьми. Могучее копье Агамемнона отскакивало от Ахиллеса, как будто сын Пелея и богини Фетиды закован в невидимую энергетическую броню моравеков. В ярости старший Атрид замахнулся мечом (Менелай подумал тогда, что таким ударом можно разрубить каменную глыбу), но клинок сломался о прекрасный щит Ахиллеса.

Затем Ахиллес обезоружил обоих братьев, швырнул их запасные копья и меч Менелая в океан, поверг соперников на жесткий песок и с легкостью сорвал с них доспехи – так мог бы орел разорвать когтями одежду на беспомощном трупе. Тогда-то мужеубийца и сломал Менелая левую руку (стоявшие вокруг боевые товарищи дружно ахнули, услышав, как, будто зеленая ветка, треснула кость), а его брату ребром ладони перебил нос, а в довершение пнул царя царей под ребра. Наконец Ахиллес наступил на грудь стонущему Агамемнону, в то время как стонущий Менелай лежал рядом с братом.

И лишь тогда Ахиллес обнажил меч.

– Клянитесь подчиниться мне и во всем верно служить, и я обещаю вам почтение, какого достойны сыны Атрея, и славное звание союзников в грядущей войне с богами, – сказал Ахиллес. – Промедлите хотя бы миг – и я низрину ваши песы души в мрачный Аид, не успеют ваши товарищи моргнуть глазом, и брошу ваши тела без погребения окрестным птицам.

Агамемнон, постанывая и захлебываясь желчью, принес требуемую клятву. Менелай, терзаясь от боли в ушибленной ноге, сломанных ребрах и покалеченной руке, покори́лся секундой позже.

В целом тридцать пять ахейских военачальников бросили Ахиллесу вызов, и за какой-то час он одолел всех. Храбрейших он обезглавил – они отказались сдаться. Их тела Ахиллес, как и обещал, бросил на съедение птицам, рыбам и псам. Остальные двадцать восемь присягнули ему на верность. Никто из великих ахейских героев, во многом равных Агамемнону, – ни Одиссей, ни Диомед, ни старец Нестор, ни Аяксы, ни Тевкр – не бросил вызов быстроногому мужеубийце. Услышав в подробностях, как Афина убила Патрокла и позже та же богиня растерзала Гектора сына-младенца Скамандрия, они все поклялись объявить войну богам.

Больная рука снова заныла: кости не желали срастаться правильно, невзирая на старания прославленного целителя Подалирия, сына Асклепия. В промозглые дни вроде этого рука по-прежнему беспокоила Менелая, однако он удержался, не стал потирать больное место на виду у тех, кто проносил мимо греческих посланников погребальные носилки Париса.

Обвитые покровом, усыпанные прядями волос носилки ставят рядом с подготовленным для костра деревянным срубом под балконом на стене Зевсова храма. Колонна воинов останавливается. Женские причитания умолкают. В неожиданной тишине Менелай слышит, как тяжело дышат кони – и как один из них пускает на камень горячую струю.

Гелен, главный прорицатель Илиона и советник Приама, провозглашает с храмовой стены короткую хвалебную речь, но ее заглушает ветер, внезапно налетевший с моря подобно холодному, неодобрительному дыханию богов. Гелен протягивает церемониальный нож Приаму, почти облысевшему, но все еще сохранившему для таких вот торжественных случаев пряди длинных седых волос за ушами. Острым лезвием Приам отсекает белую прядь, и раб, много лет прослуживший в доме Париса, ловит ее в золотую чашу. Старый Приам протягивает нож Елене. Та смотрит на клинок долгим, изучающим взглядом, словно прикидывая, не вонзить ли отточенное лезвие себе в грудь. (У Менелая перехватывает дыхание: с этой мерзавки станет лишиться его столь близкой и желанной мести.) Тут Елена подхватывает длинный черный локон и отсекает кончик. Тот падает в золотую чашу, и раб шагает к безумной Кассандре, одной из многих дочерей Приама.

Несмотря на трудности и опасности, сопряженные с доставкой дров со склонов Иды, сруб удался на славу. Пусть и не сотня футов с каждой стороны, как делали прежде – иначе на площади не осталось бы места для толпы, – а всего лишь тридцать, зато гораздо выше обычного, почти до балкона. Наверх ведут широкие ступени, каждая представляет собой отдельную платформу. Внушительную кучу дров скрепляют и поддерживают крепкие бруссы из Парисова дворца.

Могучие товарищи поднимают носилки на маленькую площадку на вершине сруба. Гектор ждет у подножия широкой лестницы.

Мужчины, привыкшие участвовать и в боях, и в жертвоприношениях, – а в конце концов, думает Менелай, какая между ними разница? – быстро и ловко перерезают шеи овцам, сцеживают кровь в церемониальные чаши, снимают шкуры и обдирают жир. В него-то и заворачивают мертвеца, будто кусок подгорелого мяса в мягкий хлеб.

Освеженных животных относят на самый верх и кладут подле мертвого тела. Из храма появляются девственницы в полном церемониальном облачении, с опущенными на лица покрывалами. Девушкам не полагается приближаться к срубу – они лишь подают бывшим телохранителям Париса двуручные кувшины с маслом и медом. Воины поднимаются по ступеням и с великой осторожностью опускают сосуды у тела.

Из десяти любимых коней Париса отбирают четырех лучших, и Гектор длинным ножом покойного брата перерезает им горло, переходя от одного к другому так стремительно, что даже умные, прекрасно обученные животные не успевают отреагировать.

Ахиллес с безумным рвением и нечеловеческой силой забрасывает четырех коней одного за другим на высокую деревянную пирамиду, каждого следующего на более высокий ярус.

Раб Париса выводит на свободное место любимых хозяйских псов. Гектор поочередно поглаживает их и чешет за ушами. Потом задумывается, будто припоминая все те разы, когда брат кормил их со стола и брал на охоту в горы или болотистые низины.

Гектор выбирает двух псов и кивает рабам, чтобы увели остальных. С минуту он ласково треплет каждого пса по загривку, словно желая угостить лакомой косточкой, затем перерезает им горло с такой силой, что чуть не отсекает головы. Убитых собак он сам кидает на сруб, и те падают намного выше мертвых коней, у подножия носилок.

А вот теперь – сюрприз.

Десять меднодоспешных троянцев и десять меднодоспешных ахейских копейщиков выкатывают телегу. На ней стоит клетка. В клетке – бог.

3

Кассандра наблюдала за погребальным обрядом с высокого балкона на стене Зевсова храма, и ее все сильнее захлестывала обреченность. Когда же на главную площадь Илиона выехала телега, запряженная не волами и не лошадьми, а восемью отборными троянскими воинами, телега, единственную поклажу которой составляла клетка с обреченным богом, Кассандра едва не упала в обморок.

Елена подхватила ее за локоть.

– Что с тобой? – шепнула гречанка, ее подруга, вместе с Парисом накликавшая на Трои все бедствия последних девяти лет.

– Это безумие, – прошептала Кассандра, прислоняясь к мраморной стене.

Чье безумие имелось в виду – ее ли собственное, или тех, кто задумал принести в жертву бога, или всей этой долгой войны, или Менелая, стоящего внизу во дворе (его нарастающее безумие Кассандра ощущала последний час, словно бурю, которую насылает Зевс), – она не поняла. Да и сама не знала.

Пленного бога, упрятанного не только за стальные прутья, вбитые в телегу, но и в незримый силовой кокон моравеков, звали Дионисием, или Дионисом. Сын Зевса от Семелы, он был богом пьянства, распутства и неукротимого экстаза. Кассандра, с детства служившая Аполлону – убийце Париса, – тем не менее не раз и довольно близко общалась с Дионисом. С начала войны он единственный из богов попал в плен. Богоподобный Ахиллес одолел его в бою, магия моравеков не позволила побежденному квант-телепортироваться, хитроумный Одиссей убе-

дил его сдаться, а в плену Диониса удерживал одолженный у роквеков энергетический щит, который сейчас мерцал и колыхался, как нагретый воздух в полуденный зной.

Для бога Дионис выглядел несолидно: жалкие шесть футов роста, бледная кожа, пухлые, даже по человеческим меркам, формы, копна каштаново-золотистых кудрей и жидкая, как у подростка, борода.

Телега остановилась. Гектор отпер клетку, потянулся сквозь полупроницаемое силовое поле и вытащил Диониса на первую ступень погребального сруба. Ахиллес тоже положил руку на загривок бога-коротышки.

– Деицид, – прошептала Кассандра. – Богоубийство. Безумие и деицид.

Елена, Приам, Андромаха и прочие на балконе пропустили ее слова мимо ушей. Все взгляды были прикованы к бледному богу и двум статным, закованным в бронзу смертным.

Если тихий голос прорицателя Гелена потонул в дыхании ветра и ропоте толпы, то голос Гектора зычно прокатился над заполненной людьми площадью, отразившись эхом от высоких башен и стен Илиона; пожалуй, его было слышно даже на вершине Иды во многих лигах на востоке.

– Возлюбленный брат Парис, мы собрались здесь, чтобы сказать тебе прощай – да так, чтобы ты услышал нас даже там, куда ушел, в глубинах Обители Смерти. Прими этот сладкий мед, лучшее масло, твоих любимых коней, самых верных собак. И наконец, я жертвую тебе вот этого бога, Зевсова сына, чье сало послужит пищей голодному пламени и ускорит твой переход в Аид!

Гектор вытащил меч. Силовое поле затрепетало и растворилось, однако Дионис по-прежнему оставался в ручных и ножных кандалах.

– Можно мне сказать? – спросил маленький бледный бог. Голос его разносился не так далеко, как голос Гектора.

Гектор задумался.

– Дайте слово богу! – выкрикнул провидец Гелен, стоявший по правую руку от царя на балконе Зевсова храма.

– Дайте слово богу! – крикнул ахейский птицегадатель Калхас подле Менелая.

Гектор нахмурился, потом кивнул:

– Скажи свое последнее слово, Зевсов паценок. Но даже если это будет молитва к отцу, она тебя не спасет. Нынче ты станешь *начатком* на погребальном костре моего брата.

Дионис улыбнулся, но как-то криво, неуверенно даже для человека, не то что для бога.

– Ахейцы и жители Трои! – воззвал тучный божок с жидкой бородашкой. – Вы не можете убить бессмертного. Глупцы! Я родился во чреве погребения. Дитя Зевса, уже в пору младенчества я забавлялся с игрушками, которые, по словам пророков, могли принадлежать лишь новому правителю мира: игральными костями, мячиком, волчком, золотыми яблоками, трещоткой и клоком шерсти... Однако титаны, те, кого мой отец одолел и забросил в Тартар, эту преисподнюю преисподних, кошмарное царство под царством мертвых, где витает сейчас, подобно кишечным газам, душа вашего брата Париса, набелили себе лица мелом, явились, точно духи покойных, напали на меня и разорвали голыми белыми руками на семь частей, швырнули в кипящий котел, стоявший тут же на треножнике, над пламенем куда более жарким, чем ваш убогий костерок...

– Ты закончил? – спросил Гектор, поднимая меч.

– Почти. – Голос Диониса звучал уже гораздо веселее и громче, отдаваясь эхом от далеких стен, которые только что гудели от слов Гектора. – Меня сварили, потом поджарили на семи вертелах, и аппетитный запах моего мяса привлек на пиршество самого Зевса, пожелавшего отведать сладкое кушанье. Однако, заметив на вертеле детский череп и ручки сына в бульоне, отец поразил титанов молниями и зашвырнул обратно в Тартар, где они по сей день жестоко страдают и трепещут от ужаса.

– Это все? – произнес Гектор.

– Почти. – Дионис обратился лицом к царю Приаму и прочим важным персонам, собравшимся на балконе святилища Зевса. Теперь уже маленький божок ревел как бык. – Впрочем, кое-кто утверждает, будто бы мои вареные останки были брошены на землю, где их собрала Деметра, и так появились первые виноградные лозы, дающие вам вино. Уцелел лишь один кусочек моего тела. Его-то Паллада Афина и отнесла Зевсу, который доверил *крадиайос Дионисос* Гипте – это малоазиатское имя Великой Матери Реи, – чтобы та выносила меня в своей голове. Отец употребил эти слова – *крадиайос Дионисос* – как своего рода каламбур, ибо *крадиа* на древнем языке означает «сердце», а *крада* – «фиговое дерево», то есть...

– Хватит! – воскликнул Гектор. – Бесконечная болтовня не продлит твою песью жизнь. Договаривай в десяти словах, или я сам тебя оборву.

– Съешь меня, – сказал Дионис.

Гектор обеими руками поднял тяжелый меч и обезглавил бога.

Толпа троянцев и греков ахнула. Воины попятились, как один человек. Несколько мгновений обезглавленное тело стояло, пошатываясь, на нижней платформе, затем рухнуло, точно марионетка, у которой разом обрезали нити. Гектор ухватил упавшую голову с широко разинутым ртом, поднял за жидкую бороденку и закинул высоко на сруб, между конскими и собачьими трупами.

Работая мечом как топором, он ловко отсек Дионису сначала руки, потом ноги, потом гениталии, разбрасывая отрезанные части по всему срубу – впрочем, не слишком близко к смертному ложу Париса, чьи благородные кости воинам нужно будет собрать среди золы, отделив от недостойных останков собак, жеребцов и бога. Наконец Гектор разрубил торс на множество мясных кусков; большая часть пошла на костер, остальное полетело на корм уцелевшим собакам Париса, которых до сей минуты держали на привязи, а теперь спустили.

Как только хрящи и кости были окончательно разрублены, над жалкими останками Диониса поднялось черное облако, будто стая невидимого гнуса или маленькая дымовая воронка завертелась в воздухе, да так яростно, что Гектору пришлось прервать свою мрачную работу и отступить назад. Шеренги троянских и ахейских героев отпрянули еще на шаг, а женщины на стене завопили, прикрывая лица руками и покрывалами.

Но вот облако рассеялось; Гектор швырнул на вершину дровяной кучи оставшиеся розовато-белые, словно тесто, куски мяса, поддел ногой позвоночник и ребра жертвы, пинком отправил их на толстую охапку хвороста и принялся снимать обгаренные доспехи. Прислужники торопливо унесли прочь забрызганную бронзу. Один из рабов поставил таз с водой. Высокий, статный герой дочиста омыл от крови руки и лоб и принял предложенное полотенце.

Оставшись в одной тунике и сандалиях, Гектор поднял над головой золотую чашу с только что срезанными прядями, взошел по широкой лестнице на вершину, где покоилось просмоленное ложе, и высыпал волосы дорогих Парису людей на голубой покров. Тут у Скейских ворот показался бегун – самый стремительный из всех, кто принимал участие в Троянских играх. С длинным факелом в руках он устремился сквозь толпу воинов и простых зрителей – те едва успевали почтительно расступаться – и взлетел по широким ступеням на вершину сруба.

Бегун передал факел Гектору, склонился в поклоне и, не поднимая головы, пятясь спустился по лестнице.

Менелай возводит глаза и видит, как на город наползает черная туча.

– Феб-Аполлон омрачает день, – шепчет Одиссей.

Стоит Гектору опустить конец факела к просмоленным дровам, обильно политым туком жертв, как налетает холодный западный ветер. Дерево чадит, но не загорается.

У Менелая, всегда более пылкого в битвах, чем расчетливый Агамемнон и прочие хладнокровные греки-убийцы, начинает гулко стучать сердце: близок час расплаты. Он не боится

смерти, лишь бы эта гадина Елена, визжа, низверглась в Аид первой. Будь его воля, изменницу поглотили бы глубокие бездны Тартара, где по сей день вопят и корчатся средь мрака, боли и рева титаны, о которых разглагольствовал покойный Дионис.

По знаку Гектора быстроногий Ахиллес подает бывшему врагу два полных доверху кубка и сходит вниз по широкой лестнице.

– О ветры запада и севера! – кричит Гектор, поднимая кубки. – О шумный Зефир и Борей с холодными перстами! Прилетите и разожгите своим дыханием костер, где возложен Парис, о котором скорбят все троянцы и даже достойные аргивяне! Явись, Борей, явись, Зефир, раздуйте палящее пламя! Обещаю вам щедрые жертвы и возлияния из пенистых кубков!

Высоко на храмовом балконе Елена склоняется к Андромахе и шепчет:

– Безумие. Он потерял рассудок. Наш возлюбленный Гектор молит богов, с которыми мы воюем, чтобы они помогли сжечь тело обезглавленного им бога!

Андромаха не успевает ответить. Укрывшаяся в тени Кассандра разражается хохотом, так что Приам и стоящие рядом старейшины сердито на нее косятся.

Кассандра не обращает внимания на укоризненные взгляды и на шиканье Елены и Андромахи.

– Беззумие, да. Я и говорила, что это безумие. Безумие, что Менелай зззамышляет через несколько мгновений убить тебя, Елена, так же кроваво, как Гектор убил Диониса.

– О чем ты, Кассандра? – шепчет Елена, однако лицо ее бледнеет.

Кассандра улыбается:

– Я говорю о твоей смерти, женщина. И она уже близка. Задержка лишь за костром, который не желает гореть.

– Менелай?

– Твой благородный супруг, – смеется Кассандра. – Твой *бывший* благородный супруг. Не тот, что гниет на куче дров, словно обугленная сорная трава. Разве не слышишь, как тяжело дышит Менелай, готовясь тебя зарезать? Не чуешь запах липкого пота? Не слышишь, как бьется злодейское сердце? Я слышу и чую.

Отвернувшись от погребальной сцены, Андромаха делает шаг в сторону Кассандры, чтобы увести ее с балкона в храм, подальше от лишних глаз и ушей.

Кассандра снова хохочет; в ее руке сверкает короткий, но отточенный кинжал.

– Попробуй тронь меня, стерва. Разделаю, как ты разделала сына рабыни, которого выдала за своего сына.

– Молчи! – шипит Андромаха. Ее глаза внезапно загораются гневом.

Приам и другие опять недовольно смотрят на женщин; слов этих туговатые на ухо старики явно не разобрали, зато безошибочно распознали свирепый тон шиканья и шепота.

У Елены трясутся руки.

– Кассандра, ты же сама говорила, что все твои мрачные предсказания оказались лживыми. Троя стоит, хотя ты сулила ей гибель месяцы назад. Приам жив, а не заколот в этом самом храме, как ты предрекала. Ахиллес и Гектор по-прежнему с нами, хотя ты годами утверждала, что оба погибнут еще до падения Илиона. Никого из нас, женщин, не увели в рабство, как ты предсказывала, да и ты не во дворце Агамемнона, где, как ты нам говорила, Клитемнестра заколет и царя, и тебя, и твоих младенцев. И Андромаха...

Кассандра запрокидывает голову и беззвучно воет. Внизу, под балконом, Гектор без устали сулит богам ветров прекрасные жертвы и возлияния сладкого вина, пусть только запыхает огонь под телом его дорогого брата. Если бы человечество уже придумало театр, зрители наверняка бы сочли, что драма начинает граничить с фарсом.

– Это все ушло. – Кассандра водит острым лезвием по собственной белой руке. Кровь капает на мрамор, но Кассандра смотрит только на Елену и Андромаху. – Прежнего будущего

больше нет, сестры. Мойры ушли навсегда. Наш мир и его судьба канули в небытие, на смену им явилось нечто новое – какой-то чуждый, неведомый *космос*. Однако ясновидение, этот проклятый дар Аполлона, не оставляет меня, сестры. Мгновение-другое – и Менелай устремится сюда, дабы вонзить клинок в твою прелестную грудь, о *Елена Троянская*. – Последние, полные издевки слова похожи на ядовитый плевок.

Елена хватает Кассандру за плечи. Андромаха вырывает у пророчицы кинжал, и женщины вдвоем заталкивают девушку за мраморные колонны, в холодный сумрак Зевсова храма. Там они прижимают ее к мраморным перилам и нависают над ней, словно фурии.

Андромаха подносит лезвие к бледной шее Кассандры.

– Мы долгие годы были подругами, – шипит жена Гектора, – но произнеси еще хоть слово, полоумная тварь, и я прирежу тебя, как свинью.

Кассандра улыбается.

Елена хватает запястье Андромахи – трудно сказать зачем; то ли чтобы остановить ее, то ли чтобы самой поучаствовать в убийстве. Другая ее рука по-прежнему лежит у Кассандры на плече.

– Менелай придет убить меня? – шепчет она злосчастной пророчице.

– Нынче он дважды придет за тобой и дважды ему помешают, – отвечает Кассандра без всякого выражения.

Ее затуманенные глаза уже ни на кого не смотрят. Ее улыбка превратилась в оскал.

– Когда это будет? – допытывается Елена. – И кто его остановит?

– Первый раз – когда запылает погребальный костер Париса, – бормочет Кассандра равнодушно, будто вспоминает детскую сказку. – Второй раз – когда костер догорит.

– Кто его остановит? – повторяет Елена.

– В первый раз на пути Менелая встанет жена Париса, – говорит Кассандра. Глаза у нее закатились, видны только белки. – Потом – Агамемнон и та, что жаждет убить Ахиллеса, Пен-тесилея³.

– *Амазонка* Пентесилея? – От изумления Андромаха повысила голос, так что ее слова прокатываются эхом под сводами храма. – Она за тысячи лиг отсюда, да и Агамемнон тоже. Как они могут оказаться здесь к тому времени, когда угаснет погребальный костер Париса?

– Тихо! – шипит Елена и вновь обращается к пророчице, чьи веки странно подрагивают: – Ты сказала, жена Париса не даст Менелая меня убить, когда зажгут костер. И как же? Как я это сделаю?

Кассандра без чувств валится на пол. Андромаха прячет кинжал в складки одеяния и несколько раз с силой бьет упавшую по лицу. Кассандра не приходит в себя.

Елена пинает обмякшее тело.

– Провалиться бы ей в преисподнюю. Как я помешаю Менелая меня убить? Остались, наверное, считанные...

С площади доносится дружный рев аргивян и троянцев, затем вой и свист.

Это Борей и Зефир послушно ворвались в город через Скейские ворота. Сухой трут поймал искру, дерево занялось. Костер запылал.

---

³ ...та, что жаждет убить Ахиллеса, Пентесилея. – Амазонка Пентесилея и ее бой с Ахиллесом упоминались в ряде древнегреческих эпических поэм троянского цикла, прежде всего в не дошедшей до нашего времени «Эфиопиде» Арктина Милетского; самый подробный рассказ о ней (включая эпизод с троянкой Гипподамией, зовущей женщин на бой, и вмешательством Феано) содержится в эпосе «После Гомера» Квинта Смирнского, жившего, предположительно, в IV в. Там же излагается история гибели Париса от стрелы Филоктета и роль Эноны.

На глазах у Менелая налетевшие вихри раздули уголья сперва до тонких дрожащих язычков, затем до бушующего пламени. Гектор едва успел сбежать по ступеням, прежде чем весь сруб занялся огнем.

«Пора», – решил Менелай.

Шеренги ахейцев, нарушая порядок, подались назад от внезапного жара. В суматохе Менелай незаметно проскочил мимо своих товарищей и начал пробираться через толпу троянцев. Он протискивался влево, к храму Зевса и заветной лестнице. Искры и жар от огня – ветер дул в ту же сторону – вынудили Приама, Елену и прочих отступить с балкона вглубь, а главное – разогнали воинов, стоявших на лестнице. Путь был свободен.

«Как будто боги мне помогают».

Возможно, так оно и есть, подумал Менелай. О том, что старые боги являются кому-нибудь из троянцев и аргивян, говорили постоянно. То, что боги и смертные теперь воюют, не значило, что все узы родства и привычки разорваны полностью. Многие соратники Менелая тайно, под покровом ночи, приносили жертвы тем же богам, с которыми сражались при свете дня. Разве сам Гектор не взывал только что к Зефиру и Борею, умоляя разжечь погребальный костер под телом брата? И разве боги не подчинились, даже зная, что кости и кишки Диониса, Зевсова сына, разбросаны по этому самому костру, словно жалкие начатки, которые отдают псам?

«Смутное времечко. Не разберешь, как теперь и жить».

«Что ж, – ответил голос у Менелая в голове, циничный, не хотевший убивать Елену сегодня, – тебе-то жить осталось недолго, приятель».

У подножия лестницы Менелай остановился и обнажил меч. Никто не заметил: все смотрели на костер, который выл и бушевал в тридцати футах от них. Воины правой рукой закрывали лицо и глаза.

Менелай поставил ногу на первую ступеньку.

Женщина, одна из тех, что раньше несли мед и масло, вышла из храмового портика в десяти шагах от Менелая и двинулась прямо на костер. Все взгляды обратились к ней; Менелая пришлось замереть на нижней ступени и опустить меч, поскольку он стоял прямо за ее спиной и не хотел привлекать внимание.

Женщина откинула покрывало. Толпа троянцев напротив погребального костра изумленно ахнула.

– Энона! – воскликнул наверху женский голос.

Менелай вытянул шею. Приам, Елена, Андромаха и прочие, привлеченные шумом, вернулись на балкон. Кричала не Елена, а кто-то из рабынь.

Энона? Где-то Менелай уже слышал это имя, еще до начала Троянской войны, однако не мог вспомнить, кто она. Мысли его были заняты другим. Елена там, наверху, до нее лишь пятнадцать ступеней, и на пути никого нет.

– Я Энона, настоящая жена Париса! – кричала женщина, которую называли Эноной; даже на таком близком расстоянии ее было почти не слышно за воем ветра и треском огня, пожирающего мертвое тело.

Настоящая жена Париса? Ошеломленный Менелай замешкался. Из храма и с прилегающих улиц нахлынули новые любопытные зрители. Лестница стала заполняться людьми. Рыже-волосый аргивянин припомнил, что после похищения Елены в Спарте говорили, будто прежде Парис был женат на дурнушке на десять лет себя старше, но оставил ее, когда боги помогли ему выкрасть Елену.

– Феб-Аполлон не убивал Париса, Приамова сына! – кричала Энона. – Его убила я!

Послышались возгласы, даже непристойные выкрики, несколько троянских воинов с ближней стороны огня шагнули вперед с намерением схватить сумасшедшую, однако их удержали товарищи. Большинство хотело услышать, что она скажет.

Сквозь пламя Менелай видел Гектора: даже величайший герой Илиона был не в силах вмешаться, поскольку между ним и немолодой женщиной полыхало алчное пламя.

Энона была так близко к огню, что от ее одежды шел пар. По-видимому, она заранее окатила себя водой. Под вымокшим платьем явственно проступали тяжелые, полные груди.

– Париса убила не молния Аполлона! – визжала гарпия. – Когда десять дней назад мой муж и бог ушли в Медленное Время, они обменялись выстрелами – то был поединок лучников, как и задумывал Парис. И бог, и человек промахнулись. Моего мужа сгубила стрела, выпущенная смертным – трусливым Филоктетом! – И Энона указала на группу ахейцев, где старый Филоктет стоял рядом с Большим Аяксом.

– Лжешь! – завопил седовласый лучник, которого Одиссей лишь недавно привез с острова, где тот жил, терзаемый ужасными страданиями.

Пропустив его выкрик мимо ушей, Энона подступила еще ближе к костру. Ее лицо и голые руки покраснели от жара. Пар от мокрых одежд окутывал ее туманом.

– Когда раздосадованный Аполлон квити́ровался на Олимп, аргивский трус Филоктет, не забывший прежних обид, пустил отравленную стрелу в пах моему супругу!

– Откуда тебе это знать, женщина? Никто из нас не последовал за Приамидом и Аполлоном в Медленное Время. Никто не видел сражения! – вскричал Ахиллес. Его голос был сто́крат громче вдовьего.

– Узнав о предательстве, Аполлон квити́ровал моего мужа на склоны Иды, где я жила изгнанницей более десяти лет... – продолжала Энона.

Раздалось несколько выкриков, но почти вся огромная городская площадь, запруженная тысячами троянцев, а также заполненные людьми крыши домов и стены были тихи. Все ждали.

– Парис молил меня принять его обратно, – рыдала женщина; от мокрых волос теперь тоже валил пар. Даже слезы ее мгновенно улетучивались. – Он умирал от греческого яда. Яички и столь любимый некогда уд уже почернели, но муж все равно умолял его исцелить.

– Как могла обычная старая карга излечить от смертельного яда? – проревел Гектор, перекрывая богоподобным голосом шум пламени.

– Оракул предсказал супругу, что лишь я сумею исцелить его смертельную рану! – хрипло прокричала Энона.

Либо у нее иссякали силы, либо жар и вой огня возросли. Менелай мог разобрать отдельные слова, но сомневался, что остальные на площади ее слышат.

– Корчась от боли, он умолял приложить к отравленной ране бальзам! – кричала женщина. – «Забудь свою ненависть, – плакал он. – Я покинул тебя лишь по велению Судеб. Лучше бы я умер, не успев привезти эту гадину в отцовский дворец. Заклинаю, Энона, во имя нашей прежней любви, во имя наших обетов, прости меня и спаси мою жизнь».

Она шагнула еще ближе к огню. Багрово-золотые языки лизали ей ноги, лодыжки почернели, сандалии начали заворачиваться.

– Я отказалась! – возвысила охрипший голос Энона. – И он умер. Мой единственный возлюбленный и единственный муж умер. Он умер в ужасных мучениях, осыпая весь мир проклятиями. Мы со служанками пытались сами сжечь труп – дать моему бедному, обреченному Судьбами мужу достойное погребение. Но деревья рубить тяжело, а мы всего лишь слабые женщины... Простое дело, но я не справилась даже с ним. Увидев, как жалко мы почтили останки благородного Париса, Феб-Аполлон вторично смиростивился над павшим врагом, квити́ровал поруганное тело обратно на поле боя и выбросил обугленные останки из Медленного Времени, как если бы сын Приама сгорел в сражении. Я так жалею, что не исцелила его! Обо всем жалею...

Она развернулась в сторону балкона, хотя вряд ли могла кого-нибудь увидеть из-за пламени, дымной пелены и рези в глазах.

– Но по крайней мере, бесстыжей Елене уже не увидеть его живым!

Глухой ропот троянских воинов перерос в оглушительный рев.

Дюжина городских стражников запоздало кинулась к Эноне, чтобы увести ее для дальнейшего допроса.

Она шагнула в пылающий костер.

Сначала вспыхнули волосы, потом платье. Невероятно, невысказанно, однако вдова продолжала взбираться по бревнам, даже когда ее кожа занялась, почернела и сморщилась, как обуглившийся пергамент. Лишь в последний миг до того, как упасть, Энона содрогнулась в агонии. Однако ее вопли разносились над притихшей площадью, казалось, несколько минут.

Обретя наконец дар речи, троянцы потребовали от аргивян выдать им Филоктета.

Смятенный, раздосадованный, Менелай бросил взгляд наверх. Царская охрана окружила на балконе всех и каждого. Дорогу к Елене преграждала стена круглых троянских щитов и частокол копий.

Менелай спрыгнул с нижней ступени и побежал через опустевшее пространство у самого костра. Жар ударил в лицо, словно могучий кулак, и Менелай почувствовал, как обгорают брови. Спустя минуту он с обнаженным мечом примкнул к товарищам. Аякс, Диомед, Одиссей, Тевкр и другие окружили старого лучника плотным кольцом, держа наготове оружие.

Троянцы подняли щиты, выставили пики и стали напирать на три десятка обреченных греков.

Внезапно голос Гектора загрохотал так, что все замерли:

– Стойте! Я запрещаю! Бредни Эноны – если это Энона убила себя сегодня, ибо я каргу не узнал, – ничего не значат. Она была безумна! Мой брат погиб в смертной схватке с Аполлоном!

Судя по виду разгневанных троянцев, речь их не убедила. Вокруг по-прежнему щетинились мечи и копья. Менелай огляделся. Одиссей хмурился, Филоктет прятался за спины товарищей, Большой Аякс широко ухмылялся, словно предвкушая близкую сечу, которая оборвет его жизнь.

Гектор обошел костер и встал между греками и троянскими копьями. Он был без оружия и даже без доспехов, но казался самым грозным противником из всех.

– Эти люди – наши союзники, гости, приглашенные мной на погребение моего брата! – воскликнул Гектор. – Вы не причините им вреда. Любой, кто ослушается приказа, падет от моей руки. Клянусь костями моего брата!

Из-за платформы, поднимая щит, выступил Ахиллес. Вот он-то *был* и в лучших доспехах, и при оружии. Сын Пелея более не шелохнулся, даже не произнес ни слова, но каждый на площади ощутил его присутствие.

Троянцы посмотрели на своего вождя, перевели взгляды на быстроногого мужеубийцу Ахиллеса, в последний раз обернулись на жаркий костер, где догорало тело женщины, – и отступили. Менелай видел растерянность на смуглых лицах троянцев, видел, что толпа теряет воинственный дух.

Одиссей повел ахейцев к Скейским воротам. Менелай и прочие опустили мечи, однако не спешили прятать их в ножны. Троянцы нехотя расступались, будто море, все еще жаждущее крови. За городской стеной стояли новые и новые шеренги недавних врагов. Филоктет шагал в середине тесного круга.

– Клянусь богами... – зашептал он. – Клянусь...

– Заткни свою поганую пасть, старик! – прорычал могучий Диомед. – Скажешь еще слово до того, как мы вернемся к черным кораблям, и я тебя сам прикончу.

Но вот позади остались ахейские караулы, защитные рвы и силовые поля моравеков. Как ни странно, на берегу царило волнение, хотя сюда еще не могли докатиться слухи о беде, чуть было не разразившейся в Илионе. Менелай оторвался от остальных и побежал вдоль берега.

Мимо промчался воин, громко дуя в раковину моллюска.

– Царь вернулся! – кричал он на бегу. – Предводитель вернулся!

«Это не Агамемнон, – подумал Менелай. – Его еще месяц ждать, а то и два».

И тут же увидел брата, застывшего на носу самого большого из тридцати черных кораблей, составлявших его маленький флот. Золотые доспехи сверкали на солнце. Гребцы проворно вели длинное, тонкое судно через прибой к берегу.

Менелай вошел прямо в волны, пока вода не покрыла бронзовые поножи.

– Брат! – воскликнул он, размахивая руками, как мальчишка. – Какие вести из дому? Где новые воины, которых ты обещал привезти?

До берега оставалось шесть или семь десятков футов. Черный нос корабля рассекал пенные буруны. Агамемнон прикрыл глаза рукой, как будто ему было больно смотреть на послеполуденное солнце, и прокричал в ответ:

– Пропали, брат Атрид! Все до единого!

5

Погребальный костер будет гореть всю ночь.

Томас Хокенберри, получивший степень бакалавра в колледже Уобаш, магистра гуманитарных наук и доктора филологии в Йеле, в прошлом преподаватель Индианского университета – вернее, глава отделения классической литературы до своей смерти от рака в две тысячи шестом году нашей эры, – а в течение последних десяти лет из десяти лет и восьми месяцев после своего воскрешения – гомеровский схолиаст олимпийских богов, обязанный ежедневно в устной форме отчитываться перед Музой по имени Мелета о ходе Троянской войны, а точнее, о сходстве и расхождении событий с теми, что описаны в гомеровской «Илиаде» (боги оказались неграмотными, словно трехлетние дети), перед наступлением сумерек покидает площадь с погребальным костром и поднимается на вторую по высоте башню Илиона, ветхую и опасную, чтобы спокойно поужинать хлебом с сыром и выпить вина. На взгляд Хокенберри, день выдался долгий и жутковатый.

Башня, где он часто уединяется, стоит ближе к Скейским воротам, чем к центру города возле Приамова дворца, однако не на главной проезжей дороге, и большая часть складов у ее подножия сейчас пустует. Официально башня – одна из самых внушительных в довоенной Трое, почти четырнадцать этажей по меркам двадцатого века, – закрыта для посещения. Когда-то она венчалась шарообразным утолщением, похожим на маковую коробочку, что придавало ей сходство с минаретом. В первую неделю нынешней войны сброшенная богами бомба уничтожила верхние три этажа и разбила наискосок маковую головку, оставив несколько верхних комнат без крыши. Башню изрезали пугающие трещины, а узкую винтовую лестницу усеяли вылетевшие из стен камни и штукатурка. Два месяца назад Хокенберри с немалым трудом расчистил себе дорогу наверх, к маковке на одиннадцатом этаже. По указанию Гектора моравеки оклеили входы оранжевой лентой с графическими пиктограммами, предупреждающими, как опасно туда лезть (согласно самым жутким из картинок, башня могла рухнуть в любую минуту), и прочими символами, предписывающими держаться подальше под угрозой царского гнева.

Охотники за наживой обчистили строение за трое суток, после чего местные жители и в самом деле стали обходить пустое, никчемное здание стороной. Хокенберри пролезает между оранжевыми лентами, включает фонарик и начинает долгое восхождение, нимало не боясь, что его арестуют, ограбят или просто остановят. Он вооружен ножом и коротким мечом. К тому же он хорошо известен: Томас Хокенберри, сын Дуэйна, товарищ... ну ладно, не товарищ, но по

крайней мере собеседник... Ахиллеса и Гектора, не говоря уже о более коротком знакомстве с моравеками и роквеками. В общем, любой троянец или грек хорошенько подумает, прежде чем на него напасть.

Хотя, конечно, боги... Но это уже другое дело.

На третьем этаже у Хокенберри начинается отдышка. К десятому он с присвистом хватает ртом воздух. Добравшись до полуразрушенного одиннадцатого – пыхтит, будто «паккард» сорок седьмого года выпуска, некогда принадлежавший его отцу. Больше десяти лет он наблюдал, как эти смертные полубоги – равно троянцы и греки – сражались, пировали, любили и буянили, словно ходячая реклама самого успешного в мире клуба здоровья, не говоря уже о богах и богинях, которые, пожалуй, послужили бы ходячей рекламой лучшего клуба здоровья во Вселенной. Однако Томас Хокенберри, д. ф. н., так и не нашел времени заняться собственной формой. «Вот так всегда», – думает он.

Узкие ступени круто выются по сердцевине круглого здания. Дверных проемов здесь нет; предзакатный свет проникает с двух сторон через окна тесных комнатушек, однако сама лестница утопает во мраке. Хокенберри светит себе под ноги, убеждаясь, что ступени еще на месте и не засыпаны новыми обломками. Хорошо хоть стены не исписаны. «Одно из многих благословений поголовной неграмотности», – думает профессор Томас Хокенберри.

В который раз, достигнув маленькой ниши на верхнем – теперь уже – этаже, расчищенной его руками от пыли и штукатурки, хотя и открытой ветрам и дождю, он решает, что восхождение стоило затраченных усилий.

Усевшись на свой любимый камень, Хокенберри откладывает фонарик, одолженный ему месяцы назад одним моравеком, кладет на пол мешок, достает свежий хлеб и заветренный сыр, а потом выуживает бурдюк с вином. Вечерний ветер с моря колышет его отросшую бороду и длинные волосы. Хокенберри не спеша нарезает боевым ножом куски сыра, отхватывает ломти хлеба, любителю видом и чувствует, как исподволь, капля по капле, рассеивается напряжение трудного дня.

Вид отсюда и впрямь хороший. Обзор почти в триста градусов, ограниченный лишь уцелевшим обломком стены за спиной, позволяет рассмотреть не только большую часть города – погребальный костер Париса в нескольких кварталах к востоку с такой высоты кажется расположенным почти под ногами, – но и стены Трои, на которых в этот час начинают зажигать факелы, а также лагерь ахейцев, растянувшийся к северу и к югу вдоль побережья. Сотни далеких огней напоминают Хокенберри картину, однажды увиденную мельком в иллюминатор самолета, снижающегося в сумерках над Лейк-Шор-драйв в Чикаго, – ожерелье движущихся фар и окон жилых домов. Вдали, едва различимые на волнах винноцветного моря, темнеют три десятка кораблей, только что вернувшихся с Агамемноном. Длинные суда покачиваются на якорях: лишь незначительную их часть вытащили на берег. Лагерь Агамемнона, в последние полтора месяца почти пустовавший, теперь пылает заревом костров.

Да и небеса здесь не пусты. На северо-востоке последняя из дыр – проколов пространства, или бран-дыр, или что там это такое (ее называют просто Дырой) – вырезает из троянского неба диск, соединяя Илионскую долину с океаном на Марсе. Красная марсианская пыль сменяет бурю почву Малой Азии без всякого перехода, без единой трещинки. На Марсе сейчас чуть более ранний вечер, и багровые сумерки выделяют Дыру на фоне более темного неба старой Земли.

Дозорные моравекские шершни, мигая алыми и зелеными навигационными огнями, патрулируют пространство над Дырой, над городом, кружат над морем и вновь устремляются на восток, туда, где еле различимыми тенями вздымается поросшая лесами Ида.

Хотя сейчас зима и солнце село рано, на улицах Трои кипит жизнь. На рыночной площади у Приамова дворца торговцы только что свернули свои навесы и теперь увозят непроданный товар на тележках. Даже с такой высоты Хокенберри слышит долетающий по ветру скрип

деревянных колес. Зато соседние проулки, где теснятся бордели, рестораны, бани и опять бордели, в это время лишь начинают пробуждаться, заполняясь отблесками факелов и толчеей. По троянскому обычаю на всех больших перекрестках, а также углах и поворотах городской стены дозорные каждый вечер зажигают огромные жаровни, где всю ночь горят дрова или масло. Темные тени жмутся к этим огням для тепла.

Ко всем, кроме одного. На главной площади все еще горит погребальный костер Париса, однако никто не ищет его тепла. Лишь Гектор громко стелает и плачет, призывая своих воинов, рабов и слуг подбрасывать в бушующее пламя больше дров, а сам большим двуручным кубком черпает из золотого сосуда вино и возливает вокруг костра. Издали чудится, будто вымокшая насквозь земля сочится багряной кровью.

Хокенберри уже заканчивает ужин, когда на лестнице слышатся чьи-то шаги.

Сердце бешено стучит, во рту привкус страха. Кто-то его здесь выследил. Шаги на ступенях чересчур тихие, как будто кто-то крадется тайком.

«Может, просто какая-нибудь бедная женщина ищет, чем поживиться», – думает Хокенберри, однако луч надежды гаснет, едва загоревшись. Во-первых, из темноты слабым эхом доносится тихий звон металла – видимо, бронзовых доспехов. А во-вторых, троянские женщины куда опаснее большинства знакомых ему мужчин двадцатого и двадцать первого столетий.

Хокенберри как можно тише встает, убирает в сторону хлеб, сыр и вино, прячет кинжал в ножны, беззвучно вытаскивает меч и, укрыв его под алым плащом, пятится к единственной уцелевшей стене. Налетевший ветер колыхает складки плаща.

«Мой квит-медальон. – Он левой рукой трогает маленькое устройство для квантовой телепортации, висящее на груди под одеждой. – С чего я решил, будто у меня нет ничего ценного? Даже если я не могу воспользоваться им без того, чтобы олимпийцы меня засекли, вещь все равно уникальная. Бесценная». Он достает фонарик и направляет вперед, как прежде направил бы тазерный жезл. Кстати, вот что сейчас действительно не помешало бы...

Шаги уже близко. Что, если это бог? Бессмертные и раньше пробирались в город в обличье простых людей. И у них достаточно причин, чтобы убить его и забрать квит-медальон.

Таинственный гость одолевает последние ступени. Выходит под открытое небо. Хокенберри включает фонарик, и луч выхватывает из темноты фигуру...

Она маленькая – от силы метр – и лишь смутно гуманоидная. Колени загнуты назад, руки сочленяются неправильно, правая ладонь не отличается от левой, лица как такового вообще нет, и все заковано в темный пластик и серо-красно-черный металл.

– Манмут, – с облегчением говорит Хокенберри, отводя круг света от зрительной панели маленького европейского моравека.

– У тебя под плащом меч, – произносит Манмут по-английски, – или ты просто рад меня видеть?

Поднимаясь на башню, Хокенберри обычно брал с собой немного топлива для костерка. В последние месяцы это чаще всего были сухие коровьи лепешки, но сегодня ему удалось разжиться охапкой ароматного хвороста, которым торговали на черном рынке лесорубы, привезшие дрова для погребального сруба. И вот сейчас Хокенберри с Манмутом сидят друг напротив друга на камнях у весело трещащего огня. Дует пронизывающий ветер, и по крайней мере Хокенберри рад возможности согреться.

– Я не видел тебя несколько дней, – говорит он, глядя, как отсветы пламени пляшут на блестящей зрительной панели Манмута.

– Я был на Фобосе.

Хокенберри не сразу вспоминает. Ах да, Фобос. Одна из лун Марса. Кажется, самая близкая. Или самая маленькая? В общем, луна. Он поворачивает голову к Дыре в нескольких милях

к северо-востоку от города. На Марсе теперь тоже ночь, и Дыра еле выделяется на темном небе, и то лишь потому, что звезды там немного другие – то ли светят ярче, то ли гуще насыпаны, то ли все сразу. Марсианские луны – где-то вне поля зрения.

– Я ничего интересного сегодня не пропустил? – спрашивает Манмут.

Не удержавшись от усмешки, Хокенберри рассказывает о погребальном обряде и саможжении Эноны.

– Ух ты, опупеть, – говорит Манмут.

Похоже, он сознательно предпочитает обороты речи, которые, по его мнению, были в ходу в ту эру, когда Хокенберри жил на Земле. Иногда этот выбор удачен. В основном же, как сейчас, комичен.

– Не помню, чтобы в «Илиаде» упоминалась прежняя жена Париса, – продолжает Манмут.

– Вроде бы в «Илиаде» этого нет. – Хокенберри силится вспомнить, говорил ли он о таком в своих лекциях. Кажется, не говорил.

– Впечатляющее, наверное, было зрелище.

– Да уж. Но особенно сильное впечатление произвели слова Эноны, что Париса на самом деле убил Филоктет.

– Филоктет? – Манмут почти по-собачьи наклоняет голову вбок.

Хокенберри почему-то привык думать, что так моравек делает, когда копается в банках памяти.

– Герой Софокла? – спрашивает Манмут через мгновение.

– Да. Он был предводителем фессалийцев, из Мефоны.

– Я не помню его в «Илиаде», – говорит Манмут. – И здесь вроде бы тоже не встречал.

Хокенберри кивает:

– Агамемнон с Одиссеем высадили его на острове Лемнос по дороге сюда, много лет назад.

– Почему? – В голосе Манмута, очень похожем по тембру на человеческий, сквозит любопытство.

– Главным образом потому, что от него дурно пахло.

– Дурно? Почти все человеческие герои плохо пахнут.

Хокенберри хлопает глазами. Лет десять назад, воскреснув на Олимпе для новой работы, он и сам так считал, но через полгодика притерпелся. «Интересно, и я тоже?» – думает он, а вслух говорит:

– От Филоктета воняло особенно сильно. У него была гнойная язва.

– Язва?

– Змея укусила. Ядовитая. Как раз когда... Впрочем, долго рассказывать. Обычная история про кражу чего-нибудь у богов. В общем, нога у него сочилась зловонным гноем, а сам он постоянно вопил и терял сознание. Это было десять лет назад, по пути в Трою. В конце концов Агамемнон, по совету Одиссея, высадил старика на Лемносе, то есть буквально бросил его гнить.

– Но он выжил? – спрашивает Манмут.

– Очевидно. Возможно, боги хранили его для некоей миссии, но все это время он мучился от нестерпимой боли в ноге.

Манмут опять наклоняет голову набок:

– Понятно... Теперь я помню пьесу Софокла. Одиссей отправился за ним, когда прорицатель Гелен сказал грекам, что те не покорят Трою без Филоктетова лука, полученного им от... э-э-э... Геракла. Геркулеса.

– Да, лук перешел к нему по наследству, – говорит Хокенберри.

– Не помню, чтобы Одиссей за ним отправлялся. Я имею в виду реальность, последние восемь месяцев.

Хокенберри снова кивает:

– Все провернули очень тихо. Одиссей отсутствовал всего три недели, и возвращение было обставлено в таком духе, мол, я тут за вином плавал, по пути забрал Филоктета.

– В трагедии Софокла, – говорит Манмут, – главным героем был Неоптолем, сын Ахиллеса. Отца он при жизни так и не встретил. Неужели он тоже здесь?

– Насколько я знаю, нет. Только Филоктет. И его лук.

– И теперь Энона обвинила его в убийстве Париса.

– Угу.

Томас Хокенберри подбрасывает в огонь несколько веточек. Искры кружат на ветру и уносятся к звездам. В темноте над океаном медленно ползут тучи. Наверное, до рассвета пойдет дождь. Иногда Хокенберри ночевал здесь, подложив под голову дорожный мешок и укрывшись плащом вместо одеяла. Однако сегодня лучше будет уйти под крышу.

– Но как Филоктет мог попасть в Медленное Время? – Манмут встает и, не страшась обрыва в сотню с лишним футов, подходит в темноте к отколотому краю площадки. – Нанотехнологию, позволяющую совершить этот переход, ввели ведь только Парису перед единоборством?

– Тебе виднее, – отвечает Хокенберри. – Это ведь вы, моравеки, накачали Париса нанотехнологиями, чтобы он мог сразиться с богом.

Манмут возвращается к костру, но продолжает стоять, вытянув ладони к огню, словно желая их согреть. Может, и правда греет, думает Хокенберри; ему известно, что у моравеков некоторые части органические.

– У некоторых других героев – у Диомеда, например, – до сих пор остаются в крови нанокластеры Медленного Времени, введенные когда-то Афиной или другими богами, – говорит Манмут. – Но ты прав, лишь Парису обновили их десять дней назад, перед поединком с Аполлоном.

– А Филоктета здесь не было десять лет, – говорит Хокенберри. – Так что вряд ли кто-нибудь из богов мог накачать его наномемами Медленного Времени. И ведь это же ускорение, а не замедление, верно?

– Верно, – говорит моравек. – «Медленное Время» – неправильный термин. Тому, кто туда попадал, кажется, будто все вокруг застыло в янтаре, а на самом деле путешественник наделяется сверхбыстрой реакцией и движением.

– А почему же он не сгорает? – спрашивает Хокенберри.

Он мог бы последовать за Аполлоном и Парисом в Медленное Время и увидеть бой своими глазами. Собственно, он бы так и поступил, если бы не был тогда в другом месте. Боги накачали его кровь и кости наномемами как раз для такой цели, и он много раз переносился в Медленное Время и смотрел, как боги готовят кого-нибудь из ахейцев или троянцев к бою.

– Из-за трения... – добавляет он. – О воздух или обо что там еще... – Тут он беспомощно осекается, исчерпав познания в физике.

Однако Манмут кивает, как будто услышал что-то разумное.

– Ускоренное тело, конечно, загорелось бы – прежде всего из-за внутреннего перегрева, – если бы не нанокластеры. Это часть наногенерируемой силовой оболочки тела.

– Как у Ахиллеса?

– Да.

– А не мог ли Парис сгореть как раз из-за этого? – спрашивает Хокенберри. – Из-за какого-нибудь сбоя нанотехнологии?

– Вряд ли. – Моравек выбирает камень поменьше и снова садится. – С другой стороны, зачем Филоктету убивать Париса? Разве у него был мотив?

Хокенберри пожимает плечами:

– В негомеровских рассказах о Трое Париса убивает именно Филоктет. Из лука. Отравленной стрелой. В точности как говорила Энона. Гомер даже упоминает, что Филоктета должны вернуть, дабы исполнить пророчество, по которому без него Троя не падет. Во второй песни, если не ошибаюсь.

– Но ведь греки и троянцы теперь союзники?

Хокенберри невольно улыбается:

– Те еще союзники. Ты не хуже меня знаешь, сколько в обоих станах заговоров и недовольства. Никого, кроме Гектора и Ахиллеса, не радует эта война с богами. Очередной мятеж – не более чем вопрос времени.

– Да, но Гектор и Ахиллес – практически непобедимый дуэт. И у каждого за спиной десятки тысяч верных троянцев и ахейцев.

– Это сейчас, – говорит Хокенберри. – Но возможно, в дело вмешались боги.

– Помогли Филоктету войти в Медленное Время? – спрашивает Манмут. – Но зачем? Согласно бритве Оккама, если бы они хотели смерти Париса, то Аполлон и убил бы его, как все считали до нынешнего дня. Пока не вмешалась Энона со своими обвинениями. Для чего было подсылать убийцу-грека... – Он умолкает, затем бормочет: – А, ну да.

– Угадал, – говорит Хокенберри. – Боги желают ускорить мятеж, убрать с дороги Ахиллеса и Гектора и натравить троянцев и греков друг на друга.

– Вот зачем этот яд, – произносит моравек. – Чтобы Парис успел рассказать жене... первой жене, кто на самом деле его убил. Теперь троянцы станут искать возмездия, и тем грекам, которые верны Ахиллесу, придется защищать себя с оружием в руках. Умный ход. А было сегодня еще что-нибудь, сопоставимое по значению?

– Агамемнон вернулся.

– Без фуфла? – спрашивает Манмут.

«Надо будет потолковать с ним насчет молодежного сленга, – думает Хокенберри. – Ощущение, будто говорю с первокурсником в Индианском университете».

– Да, без фуфла, – говорит он. – Вернулся на месяц или два раньше срока, и у него более чем странные вести.

Манмут выжидающе подается вперед. По крайней мере, Хокенберри интерпретирует позу маленького гуманоидного киборга как выжидающую. Гладкое лицо из металла и пластика не отражает ничего, кроме языков костра.

Хокенберри откашливается.

– Там, где побывал Агамемнон, люди пропали. Исчезли. Сгинули.

Он рассчитывал услышать удивленное восклицание, но маленький моравек лишь молча ждет продолжения.

– Никого не осталось. Не только в Микенах, куда Агамемнон отправился первым делом. Исчезли не только его жена Клитемнестра, сын Орест и прочие родственники. Исчезли *все*. Города обезлюдели. На столах стоит нетронутая еда. В конюшнях ржут голодные лошади. Собаки воют у холодных очагов. Недоенные коровы мычат на пастбищах, а рядом бродят нестриженные овцы. Где бы ни высаживался Агамемнон на Пелопоннесе и дальше – в Лакедемоне, царстве Менелая, на родине Одиссея Итаке – везде пусто...

– Да, – говорит Манмут.

– Постой-ка, – говорит Хокенберри. – Ты ничуть не удивлен. Моравеки уже знают, что греческие города и царства греков опустели. Но как?

– Ты спрашиваешь, как мы узнали? Очень просто. С самого нашего появления мы следили за ними с земной орбиты, отправляли беспилотники для записи данных. Можно столько всего узнать о Земле за три тысячи лет до твоего времени... то есть за три тысячи лет до двадцатого и двадцать первого века.

Хокенберри ошеломлен. Ему и в голову не приходило, что моравеки интересуются чем-нибудь, кроме Трои, близлежащих полей сражений, Дыры, Марса, Олимпа, богов, может быть, марсианского спутника-другого... Черт, разве этого не достаточно?

– И когда они все... исчезли? – наконец выдавливает он. – Агамемнон говорит, еда на столах была еще свежей, бери да ешь.

– Думаю, дело в определении понятия «свежесть», – говорит Манмут. – По нашим наблюдениям, люди пропали четыре с половиной недели назад. Как раз когда флот Агамемнона приближался к Пелопоннесу.

– Господи Иисусе, – шепчет Хокенберри.

– Да.

– Вы видели, как все произошло? Ваши спутниковые камеры или зонды... они что-нибудь засекли?

– Не совсем. Только что люди были на месте – и в следующую секунду их не стало. Это случилось около двух часов ночи по греческому времени, так что наблюдать было особенно нечего... в греческих городах, я имею в виду.

– В греческих городах, – тупо повторяет Хокенберри. – То есть... ты хочешь сказать... другие люди... тоже исчезли? Скажем... в Китае?

– Да.

Внезапно налетевший ветер бросает искры во все стороны сразу. Хокенберри прикрывает лицо руками, потом аккуратно стряхивает угольки с плаща и туники и, когда ветер стихает, подбрасывает в огонь остатки хвороста.

Не считая Илиона и склонов Олимпа – который, как выяснилось восемь месяцев назад, вообще на другой планете, – Хокенберри бывал только в доисторической Индиане, где бросил на попечение индейцев единственного уцелевшего коллегу Кита Найтенгельзера, когда Муза начала убивать схолиастов направо и налево. Сейчас он безотчетно трогает квит-медальон под одеждой. «Надо проверить, как там Найтенгельзер».

Словно прочитав его мысли, Манмут говорит:

– Исчезли все за пределами пятисоткилометрового радиуса от Трои. Африканцы, китайцы, австралийские аборигены. Индейцы Северной и Южной Америки. Гунны, даны и будущие викинги. Протомонголы. Все. Все остальные на планете – по нашим оценкам, примерно двадцать два миллиона человек – исчезли.

– Невозможно, – говорит Хокенберри.

– Да. Кажется невозможным.

– Какая же нужна сила, чтобы...

– Божественная, – отвечает моравек.

– Но это не могут быть олимпийские боги. Они просто... ну...

– Более мощные гуманоиды? – говорит Манмут. – Мы тоже так думаем. Здесь действуют иные энергии.

– Бог? – шепчет Хокенберри, воспитанный в строгой вере родителей-баптистов, которую позже променял на образование.

– Возможно, – отвечает моравек. – Но коли так, Он живет на другой планете Земля или ее орбите. Там произошел мощнейший выброс квантовой энергии в то самое время, когда исчезли жена и дети Агамемнона.

– На Земле? – повторяет Хокенберри. Он смотрит в темноту, на погребальный костер внизу, на улицы, где кипит ночная жизнь, затем на далекие походные костры ахейцев и еще более далекие звезды. – Здесь?

– Не на этой Земле, – говорит Манмут. – На другой Земле. Твоей. И похоже, мы туда скоро отправимся.

Целую минуту сердце у Хокенберри колотится так, что ему страшно за свое здоровье. Потом до него доходит: Манмут говорит не о *его* планете двадцать первого века из обрывочных воспоминаний прежней жизни, до того как боги воссоздали его по ДНК, книгам и бог весть чему еще, не о том потихоньку всплывающем в сознании мире, где был Индианский университет, жена и студенты, а о Земле – современнице терраформированного Марса более чем через три тысячи лет после того, как закончил свой короткий и не слишком удачливый век преподаватель классической литературы Томас Хокенберри.

Не в силах усидеть на месте, он поднимается и начинает расхаживать взад-вперед по разрушенному одиннадцатому этажу между разбитой северо-восточной стеной и вертикальным обрывом. Сандалия задевает камень, и тот летит со стофудовой кручи на темные улицы вниз. Ветер отбрасывает назад капюшон и длинные седеющие волосы. Рассудком Хокенберри уже восемь месяцев понимает, что видимый в Дыру Марс сосуществует в некой Солнечной системе будущего с Землей и другими планетами, но никогда не связывал этот факт с мыслью, что иная Земля и вправду там, ждет.

«Там кости моей жены смешаны с прахом, – думает Хокенберри, потом, готовый заплакать, почти смеется. – Черт, и мои кости тоже смешаны там с прахом».

– Как же вы полетите на ту Землю? – спрашивает он и тут же понимает глупость своего вопроса.

Он слышал, как Манмут и его гигантский друг Орфу прилетели из юпитерианского космоса на Марс вместе с другими моравеками, не пережившими первой встречи с богами. «У них есть космические корабли, Хокенбуш». Хотя большинство моравек появились здесь словно по волшебству из квантовых дыр, которые помог открыть Манмут, космические корабли у них есть.

– На Фобосе строится специальный корабль, – тихо говорит моравек. – На сей раз мы полетим не одни. И не безоружные.

Хокенберри беспокойно мерит шагами пространство. У самого края неровной площадки его охватывает желание прыгнуть вниз, навстречу гибели: этот соблазн преследовал его с юных лет. «Не потому ли я и прихожу сюда? Думаю о прыжке? Думаю о самоубийстве?» Он понимает, что это правда. Последние восемь месяцев ему было нестерпимо одиноко. «А теперь и Найтенгельзер исчез – вероятно, сгинул вместе с индейцами в недрах космического пылесоса, который очистил Землю от всех людей, кроме несчастных троянцев и греков». Хокенберри знает: ему достаточно повернуть квит-медальон на груди, чтобы в мгновение ока очутиться в Северной Америке и пуститься на поиски друга, оставленного в доисторической Индии. Однако боги могут выследить его в прорехах планкова пространства. Потому-то он больше и не квитируется – вот уже восемь месяцев.

Хокенберри возвращается к огню и замирает над маленьким моравком:

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Мы приглашаем тебя с нами, – говорит Манмут.

Хокенберри тяжело опускается на камень. Через минуту ему удастся выдавить:

– Зачем? Какой от меня прок?

Манмут очень по-человечески пожимает плечами.

– Ты из того мира, – просто отвечает он. – Пусть даже из другого времени. На той Земле по-прежнему живут люди.

– Правда? – Хокенберри сам слышит, какой глупый и ошарашенный у него голос. Ему даже не пришло в голову об этом спросить.

– Да. Их не так много, – по-видимому, более четырнадцати веков назад большая часть землян перешла в некий постчеловеческий статус и переселилась на орбитальные кольца. Однако, по нашим наблюдениям, на планете осталось несколько сот тысяч людей старого образца.

– Людей старого образца, – повторяет Хокенберри, даже не пытаясь изобразить хладнокровие. – То есть вроде меня.

– Именно.

Манмут встает. Его зрительная панель едва доходит человеку до пояса. Хокенберри, никогда не бывший великаном, вдруг понимает, как должны себя чувствовать олимпийцы рядом с простыми смертными.

– Мы думаем, что тебе надо лететь с нами, – продолжает Манмут. – Ты нам очень понадобишься в контактах с людьми на Земле будущего.

– Господи Иисусе, – вновь говорит Хокенберри.

Он подходит к неровному краю над пропастью и снова понимает, как просто было бы шагнуть с уступа в темноту. На сей раз боги его не воскресят.

– Господи Иисусе, – повторяет он.

У погребального костра Гектор по-прежнему возливает вино и приказывает слугам подкидывать дрова.

«Я убил Париса, – думает Хокенберри. – Я убил каждого мужчину, женщину, ребенка и бога, погибшего с того дня, когда я принял вид Афины и похитил Патрокла – притворившись, будто убил его, – чтобы спровоцировать Ахиллеса напасть на богов».

Он внезапно разражается горьким смехом, не заботясь, что маленькая живая машинка примет его за сумасшедшего.

«Я и впрямь сошел с ума. Все бред и чушь! Отчасти я до сих пор не спрыгнул с этой долбаной башни, потому что это казалось нарушением долга. Как будто я по-прежнему схолиаст, докладывающий Музе, которая докладывает богам. Нет, я точно свихнулся». К горлу в который раз подступают рыдания.

– Вы полетите с нами на Землю, доктор Хокенберри? – негромко спрашивает Манмут.

– Конечно, гори оно все, почему бы и нет? Когда?

– Как насчет прямо сейчас? – спрашивает маленький моравек.

Шершень, видимо, давно беззвучно висел в сотнях футов над ними, отключив навигационные огни. Черный шипастый летательный аппарат возникает из мрака с такой внезапностью, что Хокенберри едва не падает с края площадки.

Особенно сильный порыв ночного ветра помогает ему устоять, и он отступает от обрыва в ту самую секунду, когда из брюха шершня выдвигается трап и клацает о камень. Изнутри корабля струится красное мерцание.

– После вас, – произносит Манмут.

6

Солнце только что взошло, и Зевс в одиночестве мрачно сидел на троне, когда под своды Великого чертога собраний вступила Гера, ведя на золотом поводке пса.

– Это он? – осведомился владыка богов.

– Он, – ответила Гера и сняла поводок.

Собака тут же села.

– Зови своего сына, – сказал Зевс.

– Которого?

– Искусного мастера. Того, который так вожделеет Афины, что кончил ей на ногу, в точности как сделал бы этот пес, не будь он лучше воспитан.

Гера тронулась к выходу. Пес двинулся было за ней.

– Оставь его, – приказал Зевс.

Гера сделала псу знак, и тот остался.

Его короткая серая шерсть лоснилась, а кроткие карие глаза ухитрились выражать ум и глупость одновременно. Пес принялся расхаживать взад и вперед вокруг золотого трона, царапая когтями мрамор. Потом обнюхал торчащие из сандалий голые пальцы Громовержца Кронида. Наконец, стуча когтями по полу, приблизился к темному голографическому пруду, заглянул туда, не увидел ничего интересного в темных завихрениях помех, заскучал и поплелся к далекой белой колонне.

– Ко мне! – приказал Зевс.

Пес покосился на него, отвернулся и с самыми серьезными намерениями начал обнюхивать основание колонны.

Зевс свистнул.

Пес повертел головой, наострил уши, однако не тронулся с места.

Зевс снова свистнул и хлопнул в ладоши.

Серый пес вернулся в два прыжка, радостно высунув язык.

Зевс спустился с трона и потрепал пса по загривку, затем извлек из складок одежды сверкающий нож и отсек псу голову. Она докатилась почти до края голографического пруда, а тело рухнуло, вытянув передние лапы, как если бы пес получил команду «лежать» и послушался в надежде получить вкусненькое.

В чертог вошли Гера с Гефестом и двинулись по мраморному полу.

– Забавляемся с собачкой, повелитель? – спросила Гера, подходя ближе.

Зевс отмахнулся, будто прогоняя назойливую гостью, спрятал нож в рукав и возвратился на золотой трон.

По сравнению с другими богами Гефест выглядел приземистым карликом: шесть футов роста и грудь словно волосатая пивная бочка. К тому же бог огня привлекал левую ногу, будто мертвую, – впрочем, так оно и было. Лохматая шевелюра и еще более лохматая борода как будто переходили в поросль на груди, а красные глаза так и бегали по сторонам. На первый взгляд казалось, что он в доспехах, но при ближайшем рассмотрении становилось видно, что волосатое тело крест-накрест перевито ремнями, на которых висят сотни мешочков, коробочек, инструментов и приспособлений, выкованных из драгоценных и обычных металлов, сшитых из кожи и даже, судя по виду, сплетенных из волос. Искусный мастер, Гефест прославился на Олимпе тем, что как-то создал из чистого золота заводных девственниц, которые двигались, улыбались и ублажали мужчин почти как живые. По слухам, именно в его алхимических сосудах зародилась первая женщина – Пандора.

– Здравствуй, искусник! – прогрохотал Зевс. – Я бы позвал тебя раньше, да все кастрюли целы, а игрушечные щиты никак не погнутся.

Гефест опустил на колени подле мертвого пса и тихо пробормотал:

– Зачем же так-то? В этом не было нужды. Совсем не было.

– Он меня раздражал. – Зевс взял с золотого подлокотника кубок и отпил большой глоток.

Гефест перевернул обезглавленное тело, провел мозолистой ладонью по грудной клетке, словно хотел почесать мертвому псу брюхо, и осторожно нажал. Покрытая мясом и шерстью панель отскочила в сторону. Пошарив в собачьих кишках, Гефест извлек прозрачный мешочек и вытащил из него ломоть влажного розового мяса.

– Дионис, – сказал Гефест.

– Мой сын, – ответил Зевс и потер виски, как будто смертельно устал от происходящего.

– Прикажешь отнести эти объедки Целителю, о Кронид? – спросил бог огня.

– Нет. Пусть кто-нибудь из наших съест его и родит заново, как и желал Дионис. Такое причастие болезненно для носителя, но, может быть, это научит олимпийских богов и богинь заботливее приглядывать за моими детьми.

Зевс перевел взгляд на Геру, которая за это время успела присесть на вторую ступеньку трона и с нежностью положить правую руку на колено супруга.

– Муж мой, нет, – тихо сказала она. – Прошу тебя.

Зевс улыбнулся:

– Тогда выбирай сама, жена.

– Афродита, – ответила Гера без колебаний. – Ей не впервой совать себе в рот мужские члены.

Зевс покачал головой:

– Нет. Афродита ничем не прогневила меня с тех пор, как побывала в баках Целителя. Не уместнее ли будет покарать Афины Палладу за то, что она, убив Патрокла, любезного друга Ахиллеса, и Гекторова сына-младенца, вовлекла нас в эту войну со смертными?

Гера отдернула руку:

– Афина все отрицает, о сын Крона. К тому же смертные говорят, что Афродита убивала Астианакта вместе с Афиной.

– Голографический пруд сохранил запись убийства Патрокла. Хочешь посмотреть еще раз, жена? – В голосе Зевса, похожем на раскаты дальнего грома, прорезались нотки зарождающегося гнева. Казалось, в Чертог богов ворвалась буря.

– Нет, повелитель, – ответила Гера. – Однако ты знаешь, что говорит Афина. Мол, беглый схолиаст Хокенберри принял ее обличье и совершил эти преступления. Она клянется любовью к тебе...

Зевс нетерпеливо встал, прошелся по мраморному полу и вдруг рывкнул:

– Морфобраслеты не позволяют смертным принимать божественное обличье! Это невозможно даже на краткий срок. Нет, это сделал олимпиец – либо сама Афина, либо кто-то принявший ее облик. Итак... решай, кто примет тело и кровь моего сына Диониса.

– Деметра.

Зевс погладил короткую седую бороду:

– Деметра? Моя сестра и мать возлюбленной Персефоны?

Гера встала, отступила на шаг и развела белыми руками:

– Есть ли на этой горе бог, который не приходится тебе родней? Я твоя сестра и к тому же супруга. Во всяком случае, Деметре уже доводилось рожать на свет не пойми что. И ей все равно сейчас нечем заняться, поскольку люди больше не жнут и не сеют.

– Быть по сему, – сказал Зевс и посмотрел на Гефеста. – Доставь Деметре останки моего сына и сообщи, что Зевс повелел ей съесть это мясо и заново родить моего сына. Поручи трем моим фуриям приглядывать за ней до тех пор.

Бог огня пожал плечами, бросил мясо в один из своих мешочков и спросил:

– Хочешь посмотреть погребальный обряд Париса?

– Хочу.

Зевс снова воссел на трон и похлопал по ступени, с которой встала Гера. Та послушно вернулась на место, но руку на колено Крониду класть не стала.

Бубня себе под нос, Гефест подошел к собачьей голове, поднял ее за уши и отнес к видеопруд. Здесь он сел на корточки, снял с одного из ремней на груди металлический крючок и выковырял левый собачий глаз. Яблоко легко выскочило наружу, за ним потянулись зеленые, красные и белые оптоволоконные нервы. Когда в руке у Гефеста оказалось два фута проводов, он снял с пояса другой инструмент и перерезал их у основания.

Затем он зубами счистил изоляцию и налипшую слизь, под которыми обнаружились тончайшие золотые волокна. Ловко закрутив блестящие концы, Гефест подключил их к металлическому шарiku из очередного мешочка, а глаз и цветные нервы опустил в голографический пруд.

Пруд тотчас наполнился трехмерными изображениями. Богов окружили звуки, разносящиеся из пьезоэлектрических микродинамиков, хитроумно встроенных в стены и мраморные колонны.

Правда, картинка получалась с точки зрения собаки – много голых коленей и бронзовых поножей.

– Прежние репортажи нравились мне больше, – пробормотала Гера.

– Моравеки распознают и уничтожают всех наших дронов, даже насекомых, – сказал Гефест, перематывая погребальную процессию в ускоренном режиме. – Нам еще повезло, что...

– Тихо! – рывкнул Зевс, и голос его громом отразился от стен. – Давай. Отсюда. Звук.

Несколько минут все трое молча смотрели на закляние Диониса.

В последний миг бессмертный сын Зевса посмотрел через толпу на пса и сказал: «Съешь меня».

– Можешь выключать, – сказала Гера, увидев, как Гектор бросил факел на груды дров.

– Нет, погоди, – возразил Зевс.

Минуту спустя Громовержец поднялся с трона и двинулся к пруду. Брови его были сведены, глаза сверкали, кулаки были сжаты.

– Да как он *посмел*, смертный Гектор, звать Борея и Зефира, дабы те раздули костер, на котором жарятся яйца и потроха моего сына! *КАК ОН ПОСМЕЛ!!!*

И Зевс квитирировался прочь. Послышался оглушительный раскат грома – это воздух устремился в пустоту там, где микросекунду назад был исполинский небожитель.

Гера покачала головой:

– Он спокойно смотрит на ритуальное заклятие родного сына, но приходит в бешенство, когда Гектор призывает богов ветра. У отца нехорошо с головой, Гефест.

Ее сын угрюмо хмыкнул, скатал провода, убрал глазное яблоко и металлический шарик в мешочек. Собачью голову он положил в мешочек побольше.

– Нужно ли тебе от меня еще что-нибудь нынче утром, дочь Крона?

Она кивнула на труп собаки с раскрытой панелью на брюхе:

– Забери это с собой.

Дождавшись его ухода, Гера прикоснулась к груди и квантово телепортировалась из Великого чертога собраний.

Никто не мог квитирироваться в опочивальню Геры, даже сама хозяйка. Давным-давно – если бессмертная память ей не изменяла, ибо сейчас нельзя было верить даже собственным воспоминаниям, – она сама попросила Гефеста обезопасить ее покои при помощи волшебного искусства – силового поля квантовых потоков, вроде моравекского щита, который защищал Трою и ахейский стан от божественного вмешательства, но все-таки немного иного. Пронизанная квантовым потоком титановая дверь удержала бы даже разъяренного Зевса, и Гефест плотно приладил ее к квантовому косяку. Потайной засов открывался телепатическим паролем, который Гера меняла ежедневно.

Она мысленной командой отодвинула засов, скользнула в опочивальню, заперла за собой блестящую металлическую дверь и пошла в купальню, сбрасывая на ходу хитон и грязное белье.

Для начала волоокая Гера налила глубокую ванну (вода туда подавалась из чистейших ледниковых ручьев Олимпа и нагревалась адскими машинами Гефеста, внедренными в жерло древнего вулкана). Затем Гера с помощью амброзии оттерла с белоснежной кожи все пятнышки, все самые неуловимые следы несовершенства.

Затем белорукая Гера умастила свое вечно прелестное, чарующее тело оливковым при-тиранием и благоуханным маслом. На Олимпе говорили, что аромат этого масла, доступного

лишь Гере, не только возбуждает любое божество мужского пола в медностенных чертогах Зевса, но порой облаком спускается на Землю и доводит ничего не подозревающих смертных до исступленной похоти, толкающей их на безумные поступки.

Дочь великого Крона уложила блистательные душистые локоны вокруг скуластого лица и облачилась в ароматную ризу, сотканную для нее Афиной в те давние дни, когда они еще дружили. На диво гладкую ткань украшали бесчисленные узоры; искусные пальцы Афины и волшебный челнок вплели в нее даже нити розовой парчи. Божественную ткань Гера подколола у высокой груди золотой пряжкой и обвила вокруг стана пояс, расшитый бахромой из тысяч колышущихся кистей.

В аккуратно проткнутые мочки ушей, которые выглядывали из темных благоухающих кудрей подобно робким морским обитателям, она вдела прекрасные серьги с тройными багровыми подвесками, чей серебристый блеск проникал в любое мужское сердце.

Наконец она покрыла чело невесомым золотым покровом, блестящим, словно солнечный свет, на ее румяных щеках, и заплела на гладких лодыжках тонкие золотые ремешки сандалий.

Сияющая от макушки до пят, Гера задержалась перед зеркальной стеной, с минуту придирчиво рассматривала свое отражение и вполголоса промолвила:

– А ты еще ничего.

С этими словами она вышла из опочивальни под гулкие своды мраморного зала и, коснувшись груди, кивнула прочь.

Гера нашла богиню любви Афродиту на зеленом южном склоне Олимпа. Солнце клонилось к закату, жилища и храмы бессмертных на восточном берегу кальдеры заливал свет. Афродита любовалась золотым сиянием марсианского океана на севере и ледяными вершинами трех исполинских вулканов далеко на востоке, куда тянулась гигантская, двухсоткилометровая тень Олимпа. Правда, вид получался немного смазанным из-за всегдашнего силового поля, которое позволяло дышать, жить и передвигаться при почти земной гравитации здесь, так близко к космическому вакууму над терраформированным Марсом. И еще изображение размывала мерцающая эгида – щит, установленный Зевсом в начале войны.

Дыра внизу – прорезанный в тени Олимпа, полыхающий закатными красками круг, заполненный огнями человеческих костров и летающими аппаратами моравеков, – тоже напоминала о войне.

– Милое дитя, – обратилась Гера к богине любви, – исполнишь ты одну мою просьбу или откажешь? Сердишься ли ты еще за то, что последние десять лет я помогала аргивянам, в то время как тебе было угодно защищать дорогих твоему сердцу троянцев?

– Царица небес и возлюбленная Зевса, проси меня о чем угодно, – ответила Афродита. – Я с радостью исполню все, что могу сделать для столь могущественной богини.

Солнце почти село, и богини разговаривали в полумгле, однако Гера заметила, что кожа и всегдашняя улыбка Афродиты как будто лучатся собственным светом. Гера, как женщина, отзывалась на это чувственно и не могла вообразить, что же испытывают в присутствии Афродиты боги, не говоря уже о слабовольных смертных мужчинах.

Глубоко вздохнув (ибо следующие слова знаменовали начало самой коварной интриги, на какую когда-либо решалась коварная Гера), она сказала:

– Дай мне силы возбуждать Любовь, порождать Желания, все чары, которыми ты покоряешь сердца и бессмертных, и смертных!

Все так же улыбаясь, Афродита прищурила глаза:

– Конечно, я исполню твою просьбу, о дочь Крона. Но для чего мои уловки той, кто и без них почивает в объятиях Зевса?

Гера врала уверенным голосом, разве что, как все лгуны, приводила слишком много подробностей:

– Война утомила меня, о богиня любви. Все эти заговоры бессмертных, происки аргиев и троянцев изранили мое сердце. Я отправлюсь к пределам иной, щедрой земли навестить отца Океана, источник, откуда восстали бессмертные, и мать Тефису. Эти двое питали меня и лелеяли в собственном доме, юную взявши от Реи, когда беспредельно гремевший, широкобровый Зевс низверг Крона глубоко под землю и под волны бесплодных морей, нам же выстроил новый дом на этой холодной красной планете.

– Но зачем? – тихо спросила Афродита. – Для чего тебе мои слабые чары, если ты всего лишь хочешь навестить Океана и Тефису?

Гера коварно улыбнулась:

– Старики рассорились, их брачное ложе охладело. Иду посетить их, чтобы рассеять старую вражду и положить конец несогласию. Сколько можно чуждаться объятий, избегая супружеской ласки? Хочу примирить их, чтобы вновь сочетались любовью, и обычных слов для этого не хватит. Вот почему я прошу во имя нашей с тобою дружбы, ради примирения старых друзей: дай мне на время твои чары, чтобы я тайно помогла Тефисе возбудить в Океане желание.

Афродита улыбнулась еще ослепительнее. Солнце ушло за марсианский горизонт, вершина Олимпа погрузилась в сумерки, однако улыбка богини любви согревала обеих.

– Не должно мне отвергать столь сердечной просьбы, о жена Зевса, ибо твой муж, наш владыка, повелевает всеми нами.

С этими словами Афродита распустила укрытый под грудью пояс и протянула Гере тонкую паутинку из ткани, расшитой микросхемами.

Гера смотрела на пояс, и у нее внезапно пересохло во рту.

«Достанет ли мне храбрости? Если Афина узнает, что я задумала, то немедля соберет своих подлых сообщников – и тогда пощады не жди. А если дознается Зевс – покарает меня так, что ни иномирный Целитель, ни его резервуары уже не вернут меня даже к симулякру олимпийской жизни».

– Скажи, как он работает, – прошептала она.

– В этом поясе заключена вся хитрость обольщения, – тихо проговорила Афродита. – И жар любви, и лихорадка желания, и страстные вскрики, и шепоты пылких признаний.

– Все в одном пояске? – спросила Гера. – И как он действует?

– Его волшебство заставит любого мужчину лишиться рассудка от вожделения, – прошептала Афродита.

– Да-да, но *как* это получается? – Гера сама слышала досаду в своем голове.

– Откуда мне знать? – рассмеялась Афродита. – Я получила пояс в придачу, когда он... он... творил из нас богов. Феромоны широкого спектра действия? Наноактиваторы гормонов? Микроволновая энергия, направленная непосредственно к мозговым центрам секса и удовольствия? Какая разница? Хотя это лишь одна из моих хитростей, она работает. Испробуй ее, жена Зевса.

Гера улыбнулась и затянула узорчатую ленту между и под высокими грудями, скрыв ее под одеждой.

– Как мне включить пояс?

– Хочешь сказать, как его включить матери Тефисе? – все так же улыбаясь, спросила Афродита.

– Ну да, разумеется.

– Когда настанет время, коснись груди, как если бы активировала нанотриггеры квантовой телепортации, только не воображай место назначения, а потрогай пальцем микросхему и подумай о чем-нибудь сладострастном.

– И все? Так просто?

- Этого хватит, – сказала Афродита. – О, в этом поясе заключен целый новый мир.
– Благодарю тебя, богиня любви, – церемонно проговорила Гера.

Из силового поля над ними, словно копья, ударили вверх лазерные лучи. Из Дыры вылетел корабль, или шершень, моравеков и устремился в космос.

– Знаю, ты не вернешься в чертоги Олимпа, не исполнив задуманного, – сказала Афродита. – Что бы ни лежало у тебя на сердце, я уверена, ты этого добьешься.

Гера улыбнулась, затем коснулась груди – аккуратно, чтобы не задеть пояс прямо под сосками, – и телепортировалась по квантовому следу, оставленному Зевсом в складках пространства-времени.

7

На восходе Гектор велел залить погребальный костер вином. Он и вернейшие друзья убитого разгребли угли, с бесконечной осторожностью отыскивая кости Приамова сына, чтобы не смешать их с обгорелыми костями собак, лошадей и жалкого бога. Эти низшие кости валялись по краям кострища, обгорелые останки Париса лежали ближе к центру.

Рыдая, Гектор и его боевые товарищи собрали кости Париса в золотую урну и запечатали ее двойным слоем тука, как требовал обычай для доблестных и благородных мужей. Затем скорбной процессией они пронесли урну по улицам и рыночным площадям (земледельцы и воины с равной почтительностью молча уступали дорогу) и доставили прах на расчищенную от мусора площадку, где прежде стояло южное крыло Приамова дворца, разрушенного восемь месяцев назад бомбами олимпийцев. В сердце изрытого воронками пространства соорудили временную гробницу из каменных глыб – обломков здания. Там уже покоились несколько найденных костей царицы Гекубы, жены Приама, матери Гектора и Париса. Теперь Гектор покрыл Парисову урну тонкой льняной пеленой и сам отнес ее в склеп.

– Здесь, брат мой, я полагаю на время твои кости, – произнес Гектор, стоя перед своими спутниками, – и пусть земля укроет тебя, доколе мы не обнимемся в сумрачных чертогах Аида. Когда эта война окончится, оставшиеся в живых возведут над тобой, над нашей матерью и всеми павшими в бою – думаю, и надо мною тоже – достойный курган, напоминающий о самом Доме Смерти. До тех пор прощай, брат.

Затем Гектор и его люди вышли наружу. Сотни дожидавшихся троянских героев засыпали временную гробницу рыхлой землей, а сверху навалили камней.

После чего Гектор, не спавший уже две ночи кряду, отправился искать Ахиллеса, горя желанием возобновить сражение с богами. Сегодня он как никогда жаждал их золотой крови.

Кассандра очнулась на рассвете и увидела, что почти раздета (платье было разорвано и помято) и шелковыми веревками привязана за руки и за ноги к столбикам чужой кровати. «Что за ерунда?» – гадала она, мучительно вспоминая, неужели снова напилась и отключилась с каким-нибудь смазливym молодым воином.

Потом она вспомнила вчерашнее погребение и то, как упала в обморок на руки Елене и Андромахе.

«Фу-ты, пропасть, – думала Кассандра. – Мой длинный язык опять довел меня до беды». Она осмотрелась. Внушительные каменные плиты, запах подземной сырости, ни единого окна. Вполне похоже на чей-нибудь пыточный подвал. Кассандра забилась, дергая веревки. Они были гладкие, но прочные, да и узлы вязала опытная рука.

«Фу-ты, пропасть», – повторила про себя Кассандра.

Вошла Андромаха, жена Гектора, и посмотрела на пророчицу сверху вниз. Оружия пришедшей не было, но Кассандра легко могла вообразить острый кинжал в ее рукаве. Женщины долго молчали. Наконец Кассандра сказала:

- Пожалуйста, отпусти меня, подружка.
- Лучше я тебе глотку перережу, подружка, – ответила Андромаха.
- Тогда режь, сука, – сказала Кассандра. – Нечего попусту грозить.

Она ничуть не боялась. Даже в калейдоскопе изменчивых картин будущего в последние восемь месяцев, когда умерли прежние будущие, Андромаха ни разу ее не убивала.

– Кассандра, как у тебя повернулся язык заговорить про моего младенца? Ты знаешь, что восемь месяцев назад Афродита и Афина Паллада ворвались в детскую и зарезали моего малыша вместе с кормилицей. Они сказали, боги Олимпа рассержены, что Гектор не сжег аргивские корабли, и выбрали в жертву не годовалого бычка, а нашего Астианакта, которого мы с отцом нежно звали Скамандрием.

- Врешь, – отозвалась Кассандра. – Развяжи меня.

Голова раскалывалась. От особо ярких пророчеств у нее всегда бывало похмелье.

– Не развяжу, пока не ответишь, почему ты сказала, будто я подменила свое дитя ребенком рабыни. – Андромаха смотрела холодно. Кинжал уже поблескивал в ее руке. – Как я могла такое сделать? Откуда мне было знать, что явятся богини?

Кассандра со вздохом закрыла глаза.

– Никаких богинь там не было, – устало, но презрительно произнесла она и снова посмотрела на Андромаху. – Ты узнала, что Паллада Афина убила Патрокла, любимого друга Ахиллеса (возможно, вскоре выяснится, что и это была ложь), и задумала – не исключая, что в сговоре с Еленой и Гекубой, – зарезать сына кормилицы, ровесника маленького Астианакта, а заодно и ее саму. Затем ты объявила Гектору, Ахиллесу и прочим сбежавшимся на твои вопли, что твоего сына убили богини.

Глаза Андромахи были холодны, как лед на замерзшем горном ручье.

- Зачем бы я это сделала?

– Ты увидела возможность осуществить тайный замысел Троянских женщин, – сказала Кассандра. – Наш замысел. Как-то отвлечь наших мужчин от войны с аргивянами – войны, которая, по моему пророчеству, должна была закончиться нашей гибелью или позором. Это была блестящая идея, Андромаха. Я преклоняюсь перед твоей решимостью.

– Только если ты и права, – сказала Андромаха, – то я втянула всех в еще более безнадежную войну с богами. По крайней мере, в твоих прежних видениях некоторые из нас остались в живых, пусть даже рабынями.

Кассандра неуклюже пожала плечами, забыв о веревках и растянутых руках.

– Ты думала лишь о спасении сына, которого, как мы знали, ждала ужасная гибель, стань наше прошлое будущее нынешним настоящим. Я тебя понимаю.

Андромаха выставила нож:

– Жизнь моей семьи, даже Гектора, зависит от того, заикнешься ли ты об этом еще раз и поверит ли тебе всякий сброд – не важно, троянский или ахейский. Меня обезопасит лишь твоя смерть.

Кассандра выдержала ее ровный взгляд.

– Мой дар предвидения может еще послужить тебе, *подруга*. Когда-нибудь он даже может спасти тебя, или Гектора, или Астианакта, где бы ни укрывался твой сын. Ты знаешь, в приступе пророчества я не могу сдерживать свои выкрики. Давай так: ты, Елена, или кто еще там с вами в сговоре, держитесь рядом или приставьте рабыню покрепче, пусть затыкает мне рот, когда я снова начну выбалтывать истину. В случае чего – убейте.

Андромаха помолчала, закусив губу, потом наклонилась и рассекла шелковую веревку на правом запястье Кассандры. Разрезая остальные, она сказала:

- Амазонки приехали.

Менелай всю ночь провел в беседах со старшим братом; когда Заря простерла из мрака розовые персты, он был готов действовать.

Всю ночь ходил он от одного греческого стана к другому вдоль побережья, слушая, как Агамемнон рассказывает воинам об их пустых городах, безлюдных полях, заброшенных гаванях, о судах без команды, качающихся на якоре у берегов Марафона, Эретрии, Халкиды, Авлиды, Гермियोны, Тиринфа, Гелоса и десятков других приморских городов. Слушал, как Агамемнон повествует ахейцам, аргивянам, критянам, итакийцам, лакедемонцам, калиднийцам, вупрасийцам, дулихийцам, пилосцам, пиразийцам, спартанцам, мессеисянам, фракийцам, окалеянам – всем союзникам с материковой Греции, скалистых островов и самого Пелопоннеса о том, что их земли стали необитаемы, жилища покинуты, словно по воле богов, пища гниет на столах, одежды брошены на ложах, бани и бассейны зарастают водорослями, мечи ржавеют без ножен. Могучим раскатистым голосом Агамемнон описывал корабли в Эгейском море, с парусами – не убранными, но разорванными в клочья (хотя, по его словам, небо было ясное и за весь месяц плавания не случилось ни одной бури): полногрудые афинские суда, нагруженные товарами и по-прежнему щетинящиеся веслами, за которыми не осталось гребцов; огромные персидские корабли, лишившиеся неповоротливой команды и никчемных воинов; изящные египетские лады, ждущие у причалов зерна для родных островов.

– В мире не осталось ни мужчин, ни женщин, ни детей, кроме нас и подлых троянцев! – восклицал Агамемнон в каждом ахейском стане. – Как только мы отвернулись от богов, хуже того, обратили против них наши сердца и руки, боги похитили надежду наших сердец – жен, детей, отцов и рабов.

– Они все умерли? – непременно вскрикивал кто-нибудь в каждом лагере, заглушая страдальческие вопли товарищей. Зимняя ночь наполнилась стенаниями вдоль всей цепочки аргивских костров.

Агамемнон поднимал руки, прося тишины, и выдерживал жуткую паузу.

– Там не было никаких следов борьбы, – наконец изрекал он. – Ни крови, ни разлагающихся трупов, брошенных голодным собакам и кружащим птицам.

И всякий раз, в каждом стане, доблестные аргивяне, сопровождавшие Агамемнона в плавании, отдельно беседовали с товарищами по рангу. К рассвету все на берегу узнали ужасающую весть, и парализующий страх уступил место бессильной ярости.

Вся эта история была на руку братьям Атридам, втайне желавшим не только возобновить осаду Трои, но и свергнуть самозванного диктатора, быстрого Ахиллеса. Через несколько дней, если не часов, думал Менелай, Агамемнон вернет себе законное место главнокомандующего.

На рассвете царь закончил обходить лагерь, и прославленные военачальники разошлись по своим шатрам, чтобы забыться коротким, тревожным сном: Диомед, Большой Аякс Теламонид, рыдавший как дитя при вести об исчезновении людей с милого Саламина, Одиссей, Идомей, Малый Аякс, проливавший слезы отчаяния вместе со своими земляками-локрами, и даже словоохотливый Нестор.

– А теперь расскажи, как идет война с богами, – сказал Агамемнон Менелаю, когда братья остались наедине в лагере лакедемонцев, окруженные кольцом верных телохранителей и копейщиков; все они расположились на почтительном расстоянии, так что беседу никто подслушать не мог.

Рыжеволосый Менелай рассказал старшему брату о постыдных ежедневных сражениях между магией моравеков и божественным оружием олимпийцев, о редких поединках, о смерти Париса и сотни героев помельче с троянской и ахейской стороны и о вчерашнем обряде. Дым погребального костра и отблески пламени над стенами Трои исчезли лишь час назад.

– Туда ему и дорога, – объявил царственный Агамемнон, вонзая сильные белые зубы в молочного поросенка, зажаренного на завтрак. – Об одном жалею: Аполлон убил Париса... Мне не досталось.

Менелай рассмеялся, съел немного свинины, запил ее вином и рассказал дорогому брату, как невеста откуда явилась первая жена Париса, Энона, и бросилась в костер.

Агамемнон расхохотался:

– Лучше бы в костер бросилась эта потаскуха, твоя жена Елена!

Менелай кивнул, но при этом имени его сердце болезненно екнуло. Потом он пересказал обвинения Эноны в адрес Филоктета и описал, как разъярились троянцы и как ахейцам пришлось спешно ретироваться из города.

Агамемнон хлопнул себя по колену:

– Отлично! Это предпоследний камень, уложенный в фундамент. За двое суток я обращаю недовольство в действия по всему ахейскому лагерю. До исхода недели мы будем вновь воевать с троянцами, брат. Клянусь землей и камнями на могиле нашего отца.

– Но боги... – начал Менелай.

– Боги останутся богами, – уверенно перебил его брат. – Зевс будет сохранять нейтралитет, кое-кто станет помогать хнычущим, обреченным троянцам, большинство поддержит нас. Однако на сей раз мы закончим труд, за который взялись. Через две недели от Илиона останется лишь пепел, как от Париса остались лишь пепел и кости.

Менелай кивнул. Ему хотелось спросить, как Агамемнон намерен помириться с богами и свергнуть непобедимого Ахиллеса, однако другое было важнее.

– Я видел Елену, – сказал он, запнувшись на имени жены. – Еще чуть-чуть – и я бы ее убил.

Старший Атрид утер лоснящиеся губы, сделал глоток из серебряного кубка и выгнул бровь, показывая, что внимательно слушает.

Менелай рассказал, как решился убить Елену, как удачно все шло и как Энона своими предсмертными обвинениями помешала его замыслу.

– Нам еще повезло уйти живыми из города, – повторил он.

Агамемнон сощурился на далекие стены. Где-то завывала моравекская сирена, над городом взвился реактивный снаряд и устремился к невидимой олимпийской цели. Защитное поле над ахейским лагерем напряженно загудело.

– Тебе надо убить ее сегодня, – сказал Менелая старший и мудрый брат. – Теперь же. Нынче утром.

– Нынче утром? – Менелай провел языком по губам, пересохшим, несмотря на свиной жир.

– Нынче утром, – повторил былой и грядущий предводитель греческих армий, пришедших разграбить Трою. – Через день или два рознь между нашими людьми и презренными троянцами разгорится так, что эти трусы вновь запрут свои долбаные Скейские ворота.

Менелай покосился на городские стены, розовые в лучах встающего зимнего солнца.

– Одного меня не впустят... – начал он.

– Иди переодетым, – перебил Агамемнон. Потом отпил еще и рыгнул. – Думай, как Одиссей... как хитроумный проныра.

Менелая, который был таким же гордецом, как брат и другие аргивские герои, сравнение пришлось не по нраву.

– И как же мне переодеться? – спросил он.

Агамемнон указал на собственный царский шатер багрового шелка:

– У меня есть шкура льва и шлем с клыками вепря. Диомед был в этом наряде, когда год назад они с Одиссеем пытались выкрасть палладий. Необычный шлем спрячет рыжие кудри, клыки замаскируют бороду, под шкурой укроются твои великолепные ахейские доспехи, так

что сонная стража примет тебя за варвара из числа их союзников. Однако надо поспешить – пока стража не сменится и пока ворота не закроют до самой гибели обреченного Илиона.

Менелай размышлял лишь несколько мгновений. Затем он встал, крепко хлопнул брата по плечу и пошел к шатру, чтобы переодеться и запастись клинками понадежнее.

8

Фобос походил на огромную пыльную исцарапанную маслину с огоньками вокруг вмятины на одном конце. Манмут объяснил Хокенберри, что вмятина – это исполинский кратер Стикни, а огоньки – база моравеков.

Полет сопровождался для Хокенберри некоторым приливом адреналина. Он частенько видел шершней вблизи и заметил, что иллюминаторов у них нет, из чего заключил, что лететь придется вслепую, в крайнем случае – глядя на телемониторы. Оказалось, он серьезно недооценил уровень технологий роквеков с Пояса астероидов – ибо, по словам Манмута, все шершни были сделаны роквеками. Еще Хокенберри ожидал увидеть амортизационные кресла, как на космических челноках двадцатого века, с пряжками на толстых ремнях.

Кресел не было. И вообще никакой видимой опоры. Незримое силовое поле окутало Хокенберри и маленького моравека, и те словно повисли в воздухе. Голограммы – или другого рода трехмерные проекции, совершенно реальные с виду, – окружали их с трех сторон и снизу. Мало того что они сидели в невидимых креслах, невидимые кресла еще и висели над пустотой. Шершень, молнией пролетев через Дыру, стремительно шел вверх южнее Олимпа.

Хокенберри завопил.

– Что, дисплей беспокоит? – спросил Манмут.

Хокенберри завопил снова.

Моравек проворно коснулся голографической панели, возникшей будто по волшебству. Пустота под ними съежилась до размеров огромного телеэкрана, встроенного в металлический пол. Между тем панорама внизу продолжала стремительно расширяться. Вот промелькнула укрытая силовым полем вершина Олимпа. Лазерные лучи или какие-то другие энергетические копы ударили в шершень и расплескались вспышками на его силовом щите. Синее марсианское небо стало нежно-розовым, затем почернело, и вот уже шершень вышел из атмосферы. Огромный край Марса продолжал вращаться, пока не заполнил виртуальные иллюминаторы.

– Так лучше, – выдохнул Хокенберри, пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться.

Невидимое кресло не сопротивлялось, но и не отпускало.

– Господи Иисусе! – ахнул он, когда корабль развернулся на сто восемьдесят градусов и включил все двигатели.

Откуда-то сверху, почти над головой, вынырнул Фобос.

И все это происходило в полнейшей тишине.

– Прошу прощения, – сказал Манмут. – Надо было тебя предупредить. Сейчас в заднем иллюминаторе Фобос. Из двух спутников Марса он больший – миль четырнадцать в диаметре... Хотя, как видишь, он ничуть не сферический.

– Напоминает картофелину, поцарапанную кошачьими когтями, – выдавил Хокенберри: спутник надвигался уж очень стремительно. – Или исполинскую маслину.

– Ну да, маслина, – согласился моравек. – Это из-за кратера на конце. Его называли Стикни – в честь жены Асафа Холла Анджелины Стикни-Холл.

– А кто этот... Асаф... Холл? – выговорил Хокенберри. – Какой-нибудь... астронавт... или... космонавт... или... кто?

Наконец он отыскал то, за что мог ухватиться, – Манмута.

Маленький моравек вроде был не против, что в его покрытые металлом и пластиком плечи вцепились изо всех сил. Голографический экран сзади заполнила вспышка – это без-

звучно полыхнул один из реактивных двигателей. Хокенберри едва удерживался, чтобы не стучать зубами.

– Асаф Холл был астрономом в военно-морской обсерватории Соединенных Штатов в Вашингтоне, округ Колумбия, – обычным спокойным тоном сказал Манмут.

Шершень снова накренился. И начал вращаться. Фобос с кратером Стикни мелькал то в одном, то в другом голографическом иллюминаторе.

Хокенберри был уверен: сейчас они разобьются и через минуту его не будет в живых. Он попытался вспомнить хоть какую-нибудь молитву. Вот она, расплата за годы интеллектуального агностицизма! Однако в голову лез только благочестивый стишок на ночь: «Закрываю глазки я...»

Вроде это подходило к случаю. Хокенберри продолжил мысленно читать стишок.

– Если не ошибаюсь, Холл открыл оба спутника Марса в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, – говорил Манмут. – Не сохранилось свидетельств – по крайней мере, известных мне письменных источников, – польстило ли миссис Холл, что в ее честь назвали огромный кратер. Разумеется, это была ее девичья фамилия.

Внезапно до Хокенберри дошло, почему они кувыркаются как попало и скоро разобьются. Чертов корабль никто не пилотировал! На борту были только моравек и он сам, какие-либо элементы управления – если не считать виртуальной панели, которой Манмут коснулся, чтобы настроить голографическое изображение, – отсутствовали. Хокенберри думал, не указать ли маленькому полуорганическому роботу на это упущение, но кратер Стикни заполнял лобовые иллюминаторы с такой скоростью, что тормозить все равно было поздно.

– Спутник довольно любопытный, – говорил Манмут. – На самом деле, конечно, это захваченный астероид, как и Деймос. Они очень разные. Расстояние между орбитой Фобоса и поверхностью Марса – каких-то семьсот миль, он почти скользит по атмосфере планеты. По нашим подсчетам, если не принять мер, они столкнутся примерно через восемьдесят три миллиона лет.

– Кстати, о столкновениях... – начал Хокенберри.

Тут шершень завис, а затем упал в залитый светом кратер и опустился возле сложной системы куполов, балок, подъемных кранов, мерцающих желтых пузырей, синих полусфер, зеленых шпилей, движущихся машин и сотен суетящихся в вакууме моравеков. Посадка оказалась настолько мягкой, что Хокенберри едва ощутил ее сквозь металлический пол и силовое кресло.

– Вот и дома, вот и дома! – пропел Манмут. – Конечно, это не родной дом, но все-таки... Осторожней на выходе, не ударься головой. Косяк низковат для человека.

Хокенберри не успел ни ответить, ни даже вскрикнуть – дверь отворилась, и воздух из маленькой каюты с ревом устремился в космический вакуум.

В прежней жизни Томас Хокенберри преподавал классическую литературу и не особо смыслил в точных науках, однако видел много научно-фантастических фильмов и знал о последствиях резкой разгерметизации: глазные яблоки раздуваются до размера грейпфрутов, барабанные перепонки взрываются фонтанами крови, тело закипает, распухает и лопається от внутреннего давления, которому в вакууме ничто не противостоит.

Ничего такого не происходило.

Манмут задержался на трапе:

– А ты что, не идешь?

Для человеческого слуха в его голосе прозвучал явный оттенок жести.

– Почему я не умер? – сказал Хокенберри. Чувство было такое, будто его упаковали в невидимую пузырчатую пленку.

– Тебя защищает кресло.

– Что?! – Хокенберри завертел головой, но не заметил даже слабого мерцания. – Хочешь сказать, теперь я должен сидеть тут безвылазно или погибнуть?

– Нет, – удивленно ответил Манмут. – Выходи. Силовое поле кресла будет сопровождать тебя. Оно и так уже согревает, охлаждает, осмотически очищает и перерабатывает воздух, запаса которого хватит на полчаса, а также поддерживает нужный уровень давления.

– Но ведь... кресло... это часть корабля. – Хокенберри осторожно встал; незримая пузырчатая пленка шевельнулась вместе с ним. – Как же я могу выйти наружу?

– На самом деле это шершень – часть кресла, – сказал Манмут. – Поверь мне. И все-таки ходи здесь поосторожней. Кресло-костюм будет немного прижимать тебя к поверхности планеты, однако притяжение у Фобоса такое слабое, что хороший прыжок придаст твоему телу вторую космическую скорость, и тогда – прощай, Фобос, для Томаса Хокенберри.

Хокенберри застыл на пороге и вцепился в металлический косяк.

– Идем, – сказал Манмут. – Мы с креслом не дадим тебе улететь. Пойдем же. С тобой тут хотят побеседовать другие моравеки.

Оставив Хокенберри на попечение Астига/Че и прочих первичных интеграторов Консорциума Пяти Лун, Манмут покинул купол с искусственной атмосферой и отправился прогуляться. Зрелище было впечатляющее. Длинная ось Фобоса постоянно указывала на Марс, а моравекские инженеры слегка подправили ее, так что багровая планета всегда висела точно над Стикни, заполняя собою большую часть черного небосвода (все остальное закрывали крутые стены кратера). Крохотный спутник совершал полный оборот за семь часов – ровно за то время, что сам облетает планету, – поэтому исполинский красный диск с голубыми морями и белыми вулканами медленно вращался над головой.

Своего друга Орфу с Ио Манмут разыскал на высоте нескольких сот метров, в гуще подъемников, перекладин и кабелей, которые удерживали в пусковой башне отправляющийся на Землю корабль. Вдоль огромного корпуса, словно блестящая тля, сновали вакуумные моравеки, инженерные боты, роквеки, похожие на черных жуков, и каллистанские операторы. На темной обшивке отражались, играя, лучи прожекторов. Батареи подвижных автосварщиков сыпали фонтанами искр. Поблизости, в надежной колыбели из металлических цепей, покоилась «Смуглая леди», глубоководная подлодка Манмута. Несколько месяцев назад моравеки спасли поврежденное, беспомощное судно из укрытия на марсианском побережье моря Тетис, подняли его на Фобос, починили, зарядили и модифицировали крепкую лодочку для миссии на Земле.

Сотней метров выше Манмут нашел своего товарища – тот лазил по стальным тросам под брюхом корабля – и окликнул его на старой личной частоте:

– Кого я вижу? Орфу, недавний марсианин, недавний гость Илиона и вечный иониец? Тот самый Орфу?

– Тот самый, – подтвердил друг.

Даже по радиосвязи и фокусированному лучу его грохочущий голос граничил с инфразвуком. Включив реактивные сопла на панцире, высоковакуумный моравек совершил тридцатиметровый прыжок с троса на перекладину, где балансировал Манмут. Орфу уцепился за брус рычажными клещами-манипуляторами и повис.

Некоторые моравеки были гуманоидны: Астиг/Че, к примеру, или роквеки в черных хитиновых доспехах, или даже Манмут (хотя он гораздо меньше остальных). Но только не Орфу с Ио. Созданный и оснащенный для работы в серном торе Ио, среди магнитных, гравитационных и ослепляющих радиационных бурь юпитерианского космоса, он имел пять метров в длину, более двух в высоту и слегка напоминал земного мечехвоста, если снабдить мечехвоста дополнительными ногами, комплектом сенсоров, подвесными реактивными соплами,

манипуляторами, которые служат почти как руки, и древним, побитым панцирем, таким латыным-перелатыным, что казалось, он держится на шпаклевке.

– Ну, как там Марс, все еще вертится, друг мой? – прогрохотал Орфу.

Манмут поднял голову к небу:

– Да. Вертится, будто огромный красный щит. Я вижу Олимп, который только что показался из-за терминатора. – Манмут замялся и наконец добавил: – Я знаю про исход последней операции. Сожалею, что тебя так и не смогли вылечить.

Иониец пожал четырьмя членистыми руконогами:

– Не важно, друг мой. Кому нужны органические глаза, когда есть тепловидение, чуткий газовый хроматограф, по масс-спектрографу в каждом колене, глубокий и фазированный радары, сонар и лазерный картопостроитель? С таким чудесным набором сенсоров я не смогу разглядеть разве что самые далекие и ненужные предметы вроде звезд и Марса.

– Ну да, – промолвил Манмут. – И все-таки жалко.

Орфу лишился оптического нерва, когда чуть не погиб на марсианской орбите при первой встрече с олимпийским богом – тем самым, который превратил их космический корабль и двух товарищей в облако газа и мелких обломков. Орфу еще повезло, что он выжил и остался пригоден к ремонту, но все же...

– Привез Хокенберри? – пророкотал Орфу.

– Да. Первичные интеграторы вводят его в курс дела.

– Бюрократы, – хмыкнул огромный иониец. – Хочешь прогуляться на корабль?

– Конечно.

Манмут запрыгнул к Орфу на панцирь и вцепился самыми надежными зажимными клещами. Вакуумный моравек включил сопла, долетел до корабля и двинулся вокруг темного корпуса. Здесь, примерно в километре над дном кратера, Манмут впервые осознал, насколько огромен космический корабль, закрепленный на башне, словно наполненный гелием аэростат. Он по меньшей мере в пять раз превосходил тот, на котором стандартный год назад полетели к Марсу четыре моравека из юпитерианского космоса.

– Впечатляет, а? – произнес Орфу, более двух месяцев работавший над судном вместе с инженерами Пояса астероидов и Пяти Лун.

– Большой, – согласился Манмут. И, уловив разочарование друга, прибавил: – Есть в нем своего рода неуклюжая, неповоротливая, неприглядная, недобрая красота.

Раскатистый хохот ионийца всякий раз напоминал его товарищу толчки после ледотрясения на Европе или волны после цунами.

– Многовато аллитерации для оторопелого астронавта.

Манмут пожал плечами и на миг испугался, что друг не увидит его жеста, потом сообразил: увидит. Новенький радар был очень чувствительным, только красок не различал. Орфу однажды упомянул о своей способности наблюдать малейшие движения мускулов на лице человека. «Это не мешает, если Хокенберри решит полететь с нами», – подумал Манмут.

Словно прочитав его мысли, Орфу заметил:

– Я тут в последнее время рассуждал о людской скорби и ее сравнении с тем, как переживают утрату моравеки.

– О нет! – простонал Манмут. – Ты опять начитался этого своего француза!

– Пруста, – поправил иониец. – «Этого моего француза» зовут Пруст.

– Хорошо. Но зачем? Ты же знаешь, что погружаешься в уныние всякий раз, как открываешь «Воспоминание прошлого».

– «Поиски утраченного времени». Я перечитывал одну главу – помнишь, ту, где Альбертина умирает и рассказчик Марсель пытается позабыть ее, но не может?

– Отлично, – сказал Манмут. – Это, безусловно, тебя подбодрит. Хочешь, одолжу тебе «Гамлета» на закуску?

Орфу никак не ответил на предложение. Между тем они забрались так высоко, что видели под собою весь корабль целиком и Фобос за пределами кратера Стикни. Манмут знал: ионийцу нипочем преодолеть многие тысячи километров глубокого космоса, и все же чувство, будто они неуправляемо летят от Фобоса и базы Стикни (в точности как он предупреждал Хокенберри), было непреодолимо.

– Дабы разрушить узы, которые связывали его с Альбертиной, – сказал Орфу, – несчастный рассказчик вынужден брести назад, сквозь память и сознание, и повстречать *всех* до единой Альбертин – не только тех, которые существовали на самом деле, но и придуманных, которых он сперва желал, а затем ревновал, – всех *виртуальных* Альбертин, порожденных его разумом в те отчаянные минуты, когда Марсель гадал, не уходит ли она тайком к другим женщинам. Не говоря уже об Альбертинах, разжигавших в нем желание: девушке, которую он едва знал, женщине, которой он добился, но не смог ею владеть, и той, которая под конец так утомила его.

– Утомишься тут, – сказал Манмут, пытаясь тоном передать на радиочастоте, как скучны ему разговоры о Прусте.

– И это еще даже не половина, – продолжал Орфу, то ли не уловив намека, то ли оставив его без внимания. – Продвигаясь в своем горе, Марсель – рассказчик, носящий то же имя, что и автор... Пстой, ты ведь читал, Манмут? Правда? В прошлом году ты убеждал меня, что все прочел.

– Ну... так, ознакомился, – сказал европейский моравек.

Даже вздох ионийца граничил с ультразвуком.

– Что ж, как я говорил, бедному Марселю, чтобы отпустить Альбертину, приходится не только взглянуть в лицо легиону Альбертин у себя в сознании, но и встретиться с легионом Марселей, воспринимавших этих множественных Альбертин: теми, что желали ее больше всего на свете; обезумевшими от ревности Марселями; Марселями, чьи суждения искажало желание...

– Ладно, а суть в чем? – спросил Манмут. Сам он последние полтора стандартных века занимался сонетами Шекспира.

– Да попросту в ошеломительной сложности человеческого сознания.

Орфу развернул свой панцирь на сто восемьдесят градусов, включил реактивные сопла, и моравеки полетели обратно к космическому кораблю, пусковой башне, кратеру Стикни и какой-никакой безопасности. Пока они вращались, Манмут, вывернув короткую шею, смотрел на Марс. Он знал, что это иллюзия, но ему казалось, будто Марс немного приблизился. Фобос продолжал движение по орбите, так что теперь Олимп и вулканы Фарсиды неслись к дальнему краю планеты.

– Ты когда-нибудь задумывался, чем отличается наше горе от горя... скажем... Хокенберри? Или Ахиллеса? – спросил Орфу.

– Вообще-то, нет, – ответил Манмут. – Хокенберри вроде бы так же горюет по утраченной памяти о прежней жизни, как по умершей жене, друзьям, студентам и так далее. Но разве с людьми поймешь? И Хокенберри всего лишь воссозданный человек, кто-то заново сконструировал его из ДНК, РНК, его старых книг и неизвестно каких вероятностных алгоритмов. Что до Ахиллеса – когда он горюет, то идет и убивает кого-нибудь. А лучше целую свору кого-нибудь.

– Жаль, я не видел его атаку на богов в первый месяц войны, – сказал Орфу. – Судя по твоим рассказам, бойня была еще та.

– Да, – ответил Манмут. – Я заблокировал прямой доступ к этим файлам у себя в неорганической памяти. Они чересчур тягостны.

– Это еще одна особенность Пруста, о которой я думаю, – сказал Орфу; они опустились на внешний корпус корабля, и большой моравек вбил микрошлямбуры в изолирующую оболочку. – У нас есть неорганическая память, к которой мы обращаемся, если воспоминания

в нейронах вызывают сомнения. Люди вынуждены полагаться на путаную массу химически управляемых нейрологических архивов. Они субъективны и эмоционально окрашены. Как они вообще могут доверять своим воспоминаниям?

– Не знаю, – ответил Манмут. – Если Хокенберри полетит с нами на Землю, быть может, мы в какой-то мере поймем, как работает его мозг.

– Вряд ли у нас будет возможность много беседовать с ним наедине, – сказал Орфу. – Будут перегрузки разгона и потом еще более высокие перегрузки торможения, и к тому же теперь на корабле соберется куча народа: по меньшей мере три дюжины моравеков с Пяти Лун и тысяча воинов-роквеков.

– Ого, так мы готовы к любым неожиданностям? – спросил Манмут.

– Вот уж сомневаюсь, – пророкотал Орфу. – Оружия на борту хватит испепелить Землю, это правда. Но до сих пор наши планы не поспевали за меняющейся действительностью.

Манмуту сделалось так же худо, как во время полета на Марс, когда он узнал, что их корабль вооружен.

– Ты когда-нибудь скорбишь о Коросе Третьем и Ри По так же, как твой рассказчик Пруст скорбит о своих мертвых? – спросил он.

Антенна чувствительного радара чуть наклонилась к маленькому моравеку, словно пытаясь прочесть выражение его лица. У Манмута, разумеется, никаких выражений не было.

– Вообще-то, нет, – ответил Орфу. – До миссии мы знакомы не были, да и летели в разных отсеках. Пока Зевс не... добрался до нас. По большей части я слышал лишь голоса по общей линии. Хотя иногда я залезаю в неорганическую память, чтобы взглянуть на их изображения. Просто из уважения к их памяти, наверное.

– Да, – согласился Манмут; он тоже так делал.

– Знаешь, что сказал Пруст о разговорах?

Манмут подавил вздох.

– Что?

– Он написал: «Когда мы с кем-нибудь беседуем... это уже не мы говорим... мы подгоняем себя под чужой образец, а не под свой собственный, разнящийся от всех прочих»⁴.

– Значит, пока мы с тобой беседуем, – Манмут перешел на личную частоту, – в действительности я подгоняю себя под шеститонного, безглазого и многоногого мечехвоста с помятым панцирем?

– Мечтать не вредно, – пророкотал Орфу с Ио. – «И все ж стремление превышать возможности»⁵.

9

Пентесилея ворвалась в Илион через час после рассвета. За нею, шеренгой по двое, ехал отборный отряд ее сестер по оружию. Невзирая на раннюю пору и стылый ветер, тысячи горожан высыпали на стены и на обочины дороги, ведущей от Скейских ворот ко временному дворцу Приама, посмотреть на царицу амазонок. И все ликовали так, словно она привела на подмогу многотысячную армию, а не дюжину воительниц. Люди в толпе махали платками, бряцали копьями о кожаные щиты, плакали, кричали «ура» и бросали цветы под копыта коней.

Пентесилея принимала это как должное.

Деифоб, сын Приама, брат Гектора и покойного Париса, известный целому свету в качестве будущего мужа Елены, встретил амазонок у стен Парисова дворца, где жил сейчас Приам.

---

⁴ «Когда мы с кем-нибудь беседуем... это уже не мы говорим... мы подгоняем себя под чужой образец, а не под свой собственный, разнящийся от всех прочих». – М. Пруст. Под сенью девушек в цвету. Перев. Н. Любимова.

⁵ «И все ж стремление превышать возможности». – Р. Браунинг. Андреа дель Сарто. Перев. М. Донского.

Толстяк в сияющих доспехах и алом плаще, в золотом шлеме с пышным хвостом неподвижно стоял, скрестив руки на груди, пока не протянул правую вперед, приветствуя гостью. За его спиной замерли навывтяжку пятнадцать человек из личной царской охраны.

– Добро пожаловать, Пентесилея, дочь Ареса и царица амазонок! – провозгласил Деифоб. – Приветствуем тебя и двенадцать твоих воительниц. От имени всего Илиона примите благодарность и глубокое почтение за то, что явились помочь нам в битве с богами Олимпа. Пройдите в чертоги, омойтесь, примите от нас дары и познайте всю глубину троянского гостеприимства. Доблестный Гектор непременно приветствовал бы вас лично, но сейчас он почи- вает, ибо всю ночь провел у погребального костра погибшего брата.

Пентесилея легко соскочила с огромного боевого коня (двигалась она, невзирая на тяжесть доспехов и блистающего шлема, очень грациозно) и крепко стиснула ему запястье, как принято между воинами.

– Благодарю тебя, Деифоб, сын Приама, стяжавший славу в тысячах поединков. Я и мои спутницы соболезнуем тебе, твоему отцу и всему народу Трои, утратившей Париса. Весть о его кончине долетела до нас два дня назад. Мы принимаем ваше великодушное приглашение. Но прежде чем вступить в дом Париса, нынешний дом Приама, скажу, что приехала не сражаться вместе с вами против бессмертных, а покончить с этой войной разом и навсегда.

Деифоб, у которого глаза и так были навывкате, выпучился на прекрасную амазонку:

– Как же ты намерена это исполнить, царица Пентесилея?

– Это я объясню, а затем совершу. Веди меня в дом, благородный друг, мне нужно погово- рить с твоим отцом.

Деифоб рассказал царице амазонок и ее телохранительницам, что Приам переселился в крыло более скромного Парисова дворца потому, что восемь месяцев назад, в первый же день войны, боги сровняли с землей его собственный, похоронив под обломками царицу Гекубу.

– И в этом амазонки тоже вам соболезнуют, – отозвалась Пентесилея. – Скорбная весть о смерти царицы достигла даже наших далеких холмов и островов.

На входе в царские покои Деифоб прокашлялся.

– К слову о ваших далеких островах. Скажи, дочь Ареса, как случилось, что вы пережили ярость богов? Ночью по городу распространился слух, что Агамемнон не встретил на греческих островах ни единой души. Даже храбрые защитники Илиона содрогнулись нынче утром при мысли о том, что боги истребили всех, кроме нас и аргивян. Как же вышло, что ты и твой род уцелели?

– Мой род не уцелел, – бесстрастно ответила Пентесилея. – Мы страшимся, что край отважных амазонок так же обезлюдел, как и земли, которые мы проезжали в последние недели нашего путешествия сюда. Однако Афина сохранила нас ради великого дела. Мы должны от ее имени передать жителям Трои нечто очень важное.

– Умоляю, поведай ее слова, – сказал Деифоб.

Пентесилея мотнула головой:

– Послание предназначено только для ушей Приама.

Тут запели трубы, занавес раздался, и в залу, опираясь на руку телохранителя, медленно вошел Приам.

Последний раз Пентесилея видела Приама в его царских покоях, когда с полусотней отважных спутниц прорвалась сквозь ахейскую армию в город, дабы ободрить троянцев и пред- ложить военную помощь. Приам отвечал, что в помощи амазонок не нуждается, но все же осы- пал воительниц золотом и прочими дарами. С тех пор минуло меньше года. Но, увидев сегодня Приама, Пентесилея утратила дар речи.

Казалось, царь состарился лет на двадцать. Прежняя кипучая сила оставила его. Всегда прямая спина согнулась под невидимым бременем. Добрые четверть века эти щеки пылали

огнем от возбуждения и вина, как в тот далекий день, когда девочки – Пентесилея и ее сестра Ипполита – подглядывали через щель в занавесах тронного зала за пиром, устроенным их матерью в честь троянских гостей. Теперь эти щеки запали, как будто старец разом лишился зубов. Всклокоченные волосы и борода являли взорам не благородную проседь, но печальную, мертвенную белизну. Слезающиеся глаза рассеянно смотрели в пустоту.

Старец почти рухнул на золотой, украшенный лазуритом трон.

– Приветствую тебя, Приам, сын Лаомедонта, досточтимый отпрыск Дарданова рода, отец доблестного Гектора, несчастного Париса и великодушного Деифоба, – начала амазонка, опускаясь на закованное в латы колено. Ее мелодичный девический голос звенел с такой силой, что по стенам просторного чертога прокатилось эхо. – Я, Пентесилея, возможно, последняя царица амазонок, и двенадцать моих меднолатных воительниц приносим тебе хвалу, соболезнавания, дары и наши копья.

– Нет более драгоценного дара, чем ваша верность и слова утешения, милая Пентесилея.

– Кроме того, я привезла послание Афины Паллады, которое положит конец вашей войне с богами.

Царь подался вперед. В свите кто-то ахнул.

– Возлюбленная дочь, Афина Паллада всегда ненавидела Илион. Она и прежде плела коварные сети, замышляя руками аргивян разрушить неприступные стены Трои. Нынче богиня и вовсе стала нашим заклятым врагом. Они с Афродитой убили младенца моего сына Гектора – Астианакта, будущего владыку города, объявив, будто мы и наши дети всего лишь приношения на алтарях богов. Жертвы. О мире не может быть и речи, доколе наш или их род не исчезнет с лица земли.

Не вставая с колена, Пентесилея подняла голову. Синие глаза сверкнули вызовом.

– Обвинения против Афины и Афродиты лживы. Вся эта война лжива. Боги – защитники Илиона, в том числе сам отец Зевс, желают, как и прежде, опекать нас и поддерживать. Даже светлоокая Паллада Афина перешла на сторону Трои из-за подлого вероломства ахейцев, и в особенности Ахиллеса, ибо он оклеветал богиню, приписав ей убийство своего друга Патрокла.

– Предлагают ли боги условия мира? – почти с надеждой прошептал царь.

– Афина предлагает кое-что получше, – сказала Пентесилея, вставая. – Она и олимпийские покровители Илиона предлагают вам победу.

– Победу над кем? – воскликнул Деифоб, шагнув к отцу. – Ахейцы теперь наши союзники. Они – и еще искусственные существа моравеки, что защищают нас от Зевсовых молний.

Пентесилея рассмеялась. Все мужчины в зале дивились ее красоте. Царица амазонок была молода и белокура, с живым, как у девочки, лицом, ее щеки горели румянцем, тело под искусно сработанными доспехами было разом стройным и пышным. Однако в глазах и выражении Пентесилеи читался не только девичий пыл, но и звериная неукротимость, и острый ум, и воинская отвага.

– Победу над Ахиллесом, который сбил с пути твоего сына, благородного Гектора, а нынче ведет Илион к гибели! – вскричала Пентесилея. – Победу над аргивянами, ахейцами, которые сейчас замышляют разрушить твой город, убить остальных твоих сыновей и внуков, а жен и дочерей угнать в рабство!

Приам чуть ли не сокрушенно покачал головой:

– Никто не может одолеть быстрого Ахиллеса в бою, амазонка. Даже Арес, трижды погибавший от его руки. Даже Афина, которую он обратил в бегство. Даже Аполлон, которого он разрубил на золотые, сочащиеся ихором куски. Даже сам Зевс, боящийся сойтись с полубогом в единоборстве.

Пентесилея тряхнула головой, разметаив золотые кудри:

– Зевс никого не боится, благородный Приам, гордость Дарданова рода. Он мог бы уничтожить всю Трою – да что там, всю землю, на которой она стоит, – одною вспышкой эгиды.

Копейщики побледнели, и даже Приам вздрогнул при упоминании эгиды – самого мощного и таинственного Зевсова оружия. Все знали, что посредством эгиды Зевс может истребить всех прочих богов. Эгида внушала подлинный ужас, не то что обычные термоядерные бомбы, которые Громовержец сбрасывал на силовые щиты моравеков в начале войны.

– Клянусь тебе, благородный Приам, – начала амазонка, – Ахиллес погибнет еще до того, как нынче в обоих мирах закатится солнце. Клянусь кровью моих сестер и матери, что...

Приам остановил ее жестом:

– Не клянись, юная Пентесилея. С младенчества ты была мне как родная дочь. Вызвать Ахиллеса на бой – верная смерть. Что заставило тебя искать в Трое такой гибели?

– Я приехала не ради гибели, владыка, – проговорила амазонка с заметным напряжением в голосе. – А ради славы.

– Что часто одно и то же, – сказал Приам. – Подойди, мое милое дитя, сядь рядом. Пошепчемся.

Он махнул страже и Деифобу, чтобы те отошли подальше; амазонки также отступили от двух тронов на несколько шагов.

Пентесилея села на высокий трон Гекубы, спасенный из-под обломков сгоревшего дворца и поставленный здесь в память о царице. Амазонка поставила блистающий шлем на широкий подлокотник и наклонилась к старцу:

– Отец Приам, меня преследуют фурии. Сегодня вот уже долгих три месяца, как они не дают мне покоя.

– Почему? – Приам тоже наклонился к ней, будто священник из будущего к некоей еще не рожденной кающейся. – Духи мщения требуют кровь за кровь, лишь когда из людей отомстить некому, дочь моя, и чаще всего, когда кто-то пострадал от рук близкого родственника. Уж конечно, ты не сделала зла никому из вашего царского рода.

– Я убила свою сестру Ипполиту, – дрогнувшим голосом сказала Пентесилея.

Старец отпрянул:

– Ты – Ипполиту? Царицу амазонок и жену Тезея? Мы слышали, что она погибла на охоте, когда кто-то увидел движение и принял царицу Афин за лань.

– Я не хотела убивать ее, Приам. Но после того как Тезей похитил сестру – обманом завлек ее на корабль, поднял паруса и был таков, – амазонки поклялись ему отомстить. В эти годы, когда все взоры на Пелопоннесе и островах были прикованы к Илиону, когда Афины остались без обычной защиты, мы построили маленький флот, взяли город в осаду – разумеется, ничего серьезного или достойного бессмертных песен по сравнению с аргивской осадой Трои – и напали на Тезееву крепость.

– Да, конечно, мы слышали, – пробормотал старый Приам. – Однако сражение быстро завершилось мирными переговорами, после которых амазонки отошли от города. Мы слышали, что царица Ипполита погибла вскоре после того во время большой охоты в честь примирения.

– Она погибла от моего копья, – сказала Пентесилея, с усилием выдавливая каждое слово. – Вначале афиняне бежали от нас, Тезей был ранен, и мы полагали, что город наш. Единственной нашей целью было спасти Ипполиту от этого мужчины, хочет она того или нет. И мы почти осуществили задуманное, когда Тезей возглавил контратаку и отбросил нас обратно к кораблям. Многие из моих сестер погибли в той схватке. Мы сражались за собственную жизнь, и вновь доблесть амазонок победила – мы оттеснили Тезея и его бойцов к городским стенам. Однако мое последнее копье, брошенное в Тезея, пронзило сердце моей сестры, которая, похожая на мужчину в своих афинских доспехах, сражалась бок о бок со своим мужем и повелителем.

– Сражалась против амазонок, – прошептал царь. – Против сестер.

– Да. Как только мы поняли, кого я убила, война прекратилась и был заключен мир. Мы воздвигли подле акрополя белую колонну в память о моей благородной сестре и отступили с печалью и стыдом.

– И вот фурии преследуют тебя за пролитую кровь сестры.

– Каждый день, – сказала Пентесилея.

Ее ясные глаза блеснули слезами; щеки, вспыхнувшие во время рассказа, теперь побледнели. Она была невероятно хороша.

– Все это очень печально, дочь моя, однако при чем здесь Ахиллес и наша война? – прошептал старец.

– Месяц назад, о сын Лаомедонта и достойная отрасль Дарданова рода, мне явилась Афина. Она сказала, что фурий не задобрить никакими приношениями, но я могу искупить смерть Ипполиты, если отправлюсь в Илион с двенадцатью избранными спутницами и сражу Ахиллеса в единоборстве, дабы восстановить мир между людьми и богами.

Приам задумчиво потер подбородок, поросший сизой щетиной. Он не брился со дня смерти Гекубы.

– Никто не может сразить Ахиллеса, амазонка. Мой сын Гектор – величайший из воинов, когда-либо вскормленный Троей, – восемь лет боролся с ним, но терпел неудачу за неудачей. Сейчас он ближайший союзник и друг быстрого мужеубийцы. Сами боги последние восемь месяцев пытались его убить, и все пали либо бежали от Ахиллесова гнева. Арес, Аполлон, Посейдон, Гермес, Аид и сама Афина – все сразились с Ахиллесом и были побеждены.

– Это потому, что они не ведали о его слабости, – прошептала амазонка Пентесилея. – Его мать, богиня Фетида, нашла тайный способ наделить смертного сына, тогда еще младенца, неуязвимостью в битвах. Он не может пасть на поле сражения – если не поразить его в единственное слабое место.

– Какое? – выдохнул Приам.

– Афина заклала меня под страхом смерти не выдавать тайну ни единой душе, отец Приам. Однако я воспользуюсь моим знанием, дабы убить Ахиллеса вот этими руками и положить конец войне.

– Если Палладе известна Ахиллесова слабость, почему она сама не убила его в бою, женщина? Их поединок закончился тем, что Афина, объятая страхом и болью, квитиновалась на Олимп.

– Еще когда Ахиллес был младенцем, Судьбы решили, что его тайную слабость раскроет другой смертный во время Троянской войны. Однако замысел Судеб был разрушен.

Приам неожиданно выпрямил спину.

– Значит, Гектору все-таки было суждено убить быстрого Ахиллеса, – пробормотал он. – Если бы мы не ввязались в войну с Олимпом, эта судьба свершилась бы.

Пентесилея покачала головой:

– Нет, не Гектору. Другой троянец отомстил бы Ахиллесу за смерть Гектора. Одна из муз узнала это от раба-схолиаста, который ведал будущее.

– Провидец, – сказал Приам. – Вроде нашего чтимого Гелена или ахейского прорицателя Калхаса.

Амазонка вновь тряхнула золотыми кудрями:

– Схолиасты не *видели* грядущее. Каким-то неведомым образом они *пришли* к нам оттуда. Впрочем, по словам Паллады, они уже все мертвы. Однако над Ахиллесом висит приговор Судеб, и я его исполню.

– Когда? – спросил старый Приам, явно просчитывая в уме возможные ходы и их последствия.

Не зря, не напрасно он правил величайшим городом на земле более пятидесяти лет. Его сын Гектор теперь союзник Ахиллеса, однако Гектор не царь. Гектор – самый доблестный воин

Илиона, но хотя судьба города частенько зависела от его меча, Гектор не выстраивал ее у себя в голове. Это было дело Приама.

– Когда? – повторил Приам. – Как скоро ты и твои двенадцать амазонок убьете Ахиллеса?

– Сегодня, – произнесла Пентесилея. – Как я обещала. Прежде чем солнце сядет в Илионе или на Олимпе, видимом отсюда через дыру в воздухе, мимо которой мы проезжали по дороге сюда.

– Что ты за это потребуешь, дочь моя? Оружия? Золота? Драгоценностей?

– Мне нужно одно лишь твое благословение, досточтимый Приам. И еда. И ложе для моих женщин и меня, чтобы мы немного поспали, прежде чем совершим омовение, облачимся в доспехи и положим конец войне с богами.

Царь хлопнул в ладоши. Деифоб, стражники, свита и амазонки приблизились к трону.

Он велел принести для женщин изысканные яства, затем накрыть им пышные ложа, потом нагреть воды для омовения, позвать рабынь, чтобы готовили благовонные масти с при-тираниями, а конюхам – накормить тринадцать коней, почистить их и ближе к вечеру вновь оседлать, как только Пентесилея будет готова выехать на битву.

Покидая вместе со спутницами тронный чертог, Пентесилея уверенно улыбалась.

10

Квантовая телепортация через планково пространство – термин, которого богиня Гера даже не знала, – должна происходить мгновенно, однако в планковом пространстве любые понятия сроков утрачивают смысл. Перемещение в зазорах ткани пространства-времени оставляют след. Благодаря наномемам и клеточной перестройке боги и богини умели находить этот след так же легко, как Артемида – оленя в лесной чаще.

Гера последовала по извилистому следу мужа в планковом ничто, зная только, что это не обычный струнный канал между Олимпом и Троей или склонами Иды. То было некое другое место на древней земле Илиона.

Она материализовалась в просторном чертоге, который Афина узнала бы с первого взгляда. На стене висели огромный лук и колчан со стрелами, длинный стол был уставлен золотыми блюдами, чашами для еды, кубками искусной работы.

Зевс удивленно поднял глаза. Он сидел за столом, ради чего нарочно уменьшился до жалких семи футов, и лениво чесал за ушами старого пса.

– Господин, – обратилась к нему Гера, – ты и ему собираешься отсечь голову?

– Надо бы, – проворчал Зевс без улыбки. – Хотя бы из милосердия. – Брови его были насуслены. – Узнаёшь ли ты место и эту собаку, жена?

– Да. Мы в доме Одиссея, на каменной Итаке. Пса зовут Аргус. Его вырастил Одиссей незадолго до отплытия в Трою. Он обучал щенка.

– И пес до сих пор ждет хозяина, – сказал Зевс. – Но Пенелопа исчезла, и Телемах, и даже женихи, начавшие, словно стервятники, слетаться сюда в надежде получить руку Пенелопы, ее богатства и землю, бесследно растворились вместе с ней, Телемахом и прочими смертными, за исключением нескольких тысяч в Трое. Некому больше кормить псину.

Гера пожала плечами:

– Отошли его в Трою, пусть нажрется останками твоего недоделанного сынка Диониса.

Зевс покачал головой:

– И почему ты всегда мне дерзишь, жена? И зачем ты последовала за мной, когда я хотел в одиночестве поразмыслить над необъяснимым исчезновением человечества с лица Земли?

Гера шагнула к седобородому богу богов. Она страшилась его гнева: из смертных и бессмертных один лишь Зевс мог ее уничтожить. Она боялась того, что задумала, и все-таки решилась идти до конца.

– Грозное величество Кронид, я только заглянула попрощаться на несколько солов⁶. Не хотелось расставаться, не загладив нашей последней ссоры.

Она подступила еще ближе, незаметно коснулась пояса Афродиты под правой грудью – и тут же почувствовала, как чертог Одиссея заполняется потоком сексуальной энергии, почувствовала, что от нее исходят феромоны.

– Куда ты собралась, да еще на несколько солов, когда на Олимпе и в Трое творится незнамо что? – проворчал Зевс, однако ноздри его расширились, и он глянул на Геру с новым интересом, забыв про пса Аргуса.

– С помощью Никты я отойду от пределов этой пустой земли к Океану и матери Тетисе. Они, как тебе, о супруг мой, известно, предпочитают сей мир нашему холодному Марсу.

Говоря, она сделала еще три шага вперед. Теперь Зевс мог почти дотянуться до нее рукой.

– Зачем тебе идти к ним сейчас? Они прекрасно обходились без тебя столетиями, с тех пор как мы покорили Красную планету и обжили Олимп.

– Я надеюсь прекратить их бесконечную вражду, – сказала коварная богиня. – Слишком уж долго чуждались бессмертные ласк и брачного ложа из-за раздора, вселившегося в их души. Но прежде я хотела предупредить, где я буду, дабы не навлечь твой божественный гнев, если тайно в дом отойду Океана, глубокие льющего воды.

Зевс встал. Гера почти осязала кожей, как в нем растет возбуждение. Лишь складки божественного одеяния скрывали его похоть.

– Зачем спешить, Гера?

Зевс пожирал ее глазами, и Гера вспомнила, как брат, муж и любовник ласкал языком и пальцами самые нежные места ее тела.

– А зачем медлить?

– К Океану и Тетисе ты можешь пойти завтра, или послезавтра, или вообще никогда. – Зевс шагнул к Гере. – А сейчас, здесь, мы можем предаться любви! Давай, жена...

Незримой силой от воздетой ладони он смахнул с длинного стола кубки, чаши и протухшую еду, затем сорвал со стены огромный ковер и швырнул его на грубые, прочные доски.

Отпрянув, Гера снова коснулась груди, будто намеревалась квитироваться прочь.

– Что за речи, мой господин! Ты хочешь заняться любовью прямо здесь? В заброшенном жилище Одиссея и Пенелопы, на глазах у пса? Как знать, не следят ли за нами все прочие боги по видеопрудам, голографическим стенам и разным проекторам? Если твоей душе угодно, погоди, я вернусь из подводных чертогов Океана, и мы уединимся в моей опочивальне, за прочной дверью и запором – творением искусного Гефеста...

– Нет! – проревел Зевс. Теперь он рос, его седая голова упиралась в потолок. – Не бойся любопытных глаз. Я окутаю Итаку и дом Одиссея золотым облаком, столь густым, что сквозь него не проникнет и самое острое око: ни бог, ни смертный, ни Просперо, ни Сетевос не увидят, как мы упиваемся лаской. Раздевайся!

Зевс вновь повел рукой с короткими толстыми пальцами. Дом завибрировал от энергии мощного силового поля и золотого маскирующего облака. Пес Аргус выбежал из комнаты; от разлитой вокруг энергии шерсть на нем встала дыбом.

Правой рукой Зевс схватил Геру за руку, а левой сорвал расшитое платье с ее груди. Пояс Афродиты соскользнул с платья, изготовленного для Геры Афиной, но это уже не имело значения. Воздух был так напоен похотью и феромонами, что в них можно было купаться.

Зевс поднял ее одной рукой, и швырнул на покрытый ковром стол (Гера порадовалась, что Одиссей сколотил свой длинный стол из толстых и прочных оструганных досок от обшивки черного корабля, разбившегося у вероломных скал Итаки), и стянул через ноги ее узорное платье. Затем он сам сбросил одежду.

---

⁶ ...заглянула попрощаться на несколько солов. – Сол – марсианские сутки, равные 24 часам 39 минутам.

Сколько бы раз ни видела Гера эрегированный божественный фаллос, у нее всегда перехватывало дыхание. Все остальные боги были, конечно, *богами*, но в те почти позабытые дни превращения в олимпийцев самые впечатляющие атрибуты Зевс приберег для себя. Одного лишь этого жезла с пурпурным наконечником, что прижимался сейчас к бледным коленям Геры, было достаточно, чтобы вызвать трепет в сердцах людей и зависть других богов. И хотя, по мнению Геры, Зевс чересчур часто его показывал – похоть Громовержца не уступала его мужской силе, – она по-прежнему считала скипетр ужасного Кронида своей личной собственностью.

Однако, не испугавшись побоев или чего похуже, Гера упрямо сжимала голые колени.

– Ты желаешь меня, муж мой?

Зевс тяжело дышал через рот и дико сверкал очами.

– Да, я хочу тебя, жена. Никогда еще столь пылкая страсть, ни к богине, ни к смертной, в грудь не вливалась мне и членом моим не владела! Раздвинь ноги!

– Никогда? – повторила Гера, не поддаваясь на уговоры. – Даже когда ты овладел женой Иксиона, родившей тебе Пирифоя, советами равного богу...

– Даже когда я трахал жену Иксиона с синими жилками на груди, – прохрипел Зевс и, силой раздвинув ей колени, встал меж молочными бедрами, касаясь фаллосом ее упругого живота и трепеща от вожделения.

– Даже когда ты прельстился Данаей, Акрисия дочерью? – спросила Гера.

– Даже и с ней, – сказал Зевс, наклоняясь вперед и припадая губами к ее затвердевшим соскам – левому, потом правому.

Его ладонь скользнула между ее ног. Там было влажно – и от пояса, и от ее собственного желания.

– Хотя, клянусь богами, – добавил он, – мужчина может кончить при одном лишь взгляде на щиколотки Данаи!

– Должно быть, с тобой это часто случалось, повелитель, – выдохнула Гера, когда Зевс подвел широкую ладонь под ее ягодицы. Горячее навершие его скипетра тыкалось в ее бедра, орошая их влагой нетерпеливого предвкушения. – Ведь она родила тебе не человека, а совершенство!

От возбуждения Зевс не мог отыскать заветного входа и тыкался в теплую плоть, словно мальчишка, не знавший женщины. Когда он отпустил ее грудь, чтобы помочь себе левой рукой, Гера поймала его запястье.

– Желаешь ли ты меня больше, чем Европу, дочь Феникса? – настойчиво зашептала она.

– Да, больше Европы, – выдохнул Зевс и, ухватив ее ладонь, положил на свой скипетр.

Гера слегка его сжала, но направлять не стала.

– Хочешь ли ты возлечь со мной сильнее, чем желал возлечь с Семелой, матерью Диониса?

– Сильнее, чем с нею, да. Да! – Зевс крепче сдвинул ладонь Геры и попытался в нее войти.

Однако божественный жезл так налился кровью, что ударил, будто таран в каменную стену. Геру отшвырнуло на два фута. Зевс рывком притянул ее обратно.

– Сильней, чем с Алкменой из Фив, – добавил он, – хоть и зачал с ней тогда непобедимого Геракла.

– Хочешь ли ты меня больше, чем хотел лепокудную Деметру, когда...

– Да, да, проклятие, больше, чем Деметру.

Яростнее раздвинув лилейные ноги жены, он одною рукой оторвал ее зад на целый фут от стола. Теперь ей оставалось лишь открыться.

– Хочешь ли ты меня больше, чем Леду в тот день, когда принял вид огромного лебедя, обнимал ее огромными лебедиными крыльями и заталкивал в нее огромный лебединый...

– Да, да, – пропыхтел Зевс. – Только заткнись, пожалуйста.

И тут он вошел в нее. Вот так же осадная машина греков однажды открыла бы Скейские ворота, если бы греки захватили Илион.

В следующие двадцать минут Гера дважды чуть не лишилась чувств. Зевс был страстен, однако нетороплив. Он жадно ловил наслаждение, но со скаредностью гедониста-аскета дождался, когда она кончит. Во второй раз Гера чуть не потеряла сознание под умашенным, потным Зевсом. Тяжелый тридцатифутовый стол так трясся, что едва не опрокинулся; стулья и ложа летели в стороны, с потолка дождем сыпалась пыль, древний дом Одиссея чуть не рухнул, и Гера думала: «Так не пойдет, я должна быть в сознании, когда он кончит, иначе весь мой замысел – псу под хвост».

Она заставляла себя сохранять ясный ум даже после четырех своих оргазмов. Огромный колчан рухнул со стены, рассыпав по плитам острые (и, возможно, ядовитые) стрелы. Зевс одной рукой удерживал жену снизу, ее божественные тазовые кости хрустели под его тяжестью, а другой – сжимал ее плечо, чтобы она не съехала с трясущегося стола.

Наконец он взорвался внутри нее. Вот тут Гера вскрикнула и, несмотря ни на что, лишилась чувств.

Впрочем, через несколько секунд ее веки затрепетали. Огромная тяжесть Зевса – в последние мгновения страсти он вырос до пятнадцати футов – придавила ее к широким доскам. Борода колола и царапала грудь, его макушка с мокрыми от пота волосами прижималась к ее щеке.

Гера подняла тонкий палец с инъекционным шприцем, вмонтированным в накладной ноготь искусным Гефестом, прохладной ладонью отвела волосы от мужниной шеи и активировала шприц. Чуть слышное шипение заглушили прерывистое дыхание Громовержца и стук их божественных сердец.

Наркотик именовался Неодолимым Сном и оправдал свое название в первые же микро-секунды.

Миг – и Кронид оглушительно захрапел, пуская слюни на ее красную помятую грудь. Только нечеловеческая сила позволила Гере спихнуть его с себя, вытащить из складок своего тела обмякший член и выскользнуть на волю.

Неповторимое платье, сделанное руками Афины, было разорвано в клочья. Исцарапанная, в синяках, Гера чувствовала себя ничуть не лучше: казалось, у нее ныл каждый мускул внутри и снаружи. Поднявшись, она ощутила, как по ногам течет семя царя богов, и насухо вытерлась обрывками загубленного платья.

Вытащив из платья Афродитин пояс, Гера пошла в комнату для одевания рядом с хозяйской опочивальней, той самой, где стояла супружеская кровать с подножием из обтесанного ствола несрубленной оливы и рамой, украшенной золотом, серебром и слоновой костью, а после обтянутой бычьими ремнями, окрашенными в яркий пурпур, на которых лежали мягкие руна и пышные покрывала. Из отделанных камфорным деревом сундуков подле ванны Пенелопы Гера вытащила грудку платьев. Пенелопа была почти одного с ней роста, и богиня могла видоизменить себя, чтобы подогнать фигуру под фасон. В конце концов она выбрала шелковое платье персикового цвета с узорно вышитым поясом, который поддержал бы помятую до кровоподтеков грудь. Но прежде чем облачиться, она кое-как помылась холодной водой из котлов, приготовленных недели назад для ванны, что так и не дождалась хозяйки.

И вот уже одетая Гера вернулась, осторожно ступая, в столовый чертог. Перед ней на длинном столе лежал бородатым лицом вниз голый бронзовый великан и храпел во всю мочь. «Могла бы я сейчас его убить?» Не в первый, да и не в тысячный раз задавалась царица этим вопросом, глядя на спящего повелителя и слушая его храп. И она знала, что не одинока в своем желании. Скольких жен – и бессмертных, и смертных, давно истлевших и еще не рожденных на свет, – посещала такая мысль, словно тень облака, скользнувшая по каменистой земле? «Убила бы я его, будь это возможно? Убила бы сейчас?»

Вместо этого богиня приготовилась квитироваться на Илионскую равнину. До сих пор все шло по ее плану. Колебатель земли Посейдон с минуты на минуту воодушевит Агамемнона с Менелаем на решительные действия. Через несколько часов, если не раньше, Ахиллес погибнет от рук простой женщины, пусть и амазонки, когда отравленный наконечник пики вонзится ему в пятую, и Гектор останется без поддержки. А на случай, если Ахиллес убьет амазонку, Гера с Афиной приготовили кое-что еще. Восстание смертных будет подавлено до того, как Зевс проснется – если Гера вообще позволит ему проснуться. Без противоядия Неодолимый Сон будет длиться, пока стены Одиссеева жилища не рухнут, прогнив от ветхости. Либо Гера разбудит Зевса скоро, исполнив замысел раньше задуманного срока, и повелитель богов даже не узнает, что его свалила доза усыпляющего, а не обычная потребность в сне после бурного соития. Когда бы она ни решила разбудить мужа, к тому времени битва людей и богов закончится, Троянская война возобновится, статус-кво будет восстановлен и замысел Геры станет свершившимся фактом.

Отвернувшись от спящего Кронида, Гера вышла из дома (ибо никто, даже царица, не мог квитироваться через силовое поле, которым Зевс его окружил), протиснулась через водянистую силовую стену, словно младенец, покидающий околоплодную оболочку, и с видом победительницы телепортировалась обратно в Илион.

11

Хокенберри не узнавал ни одного моравека из встретивших его внутри голубого пузыря в кратере Стикни на Фобосе. Поначалу, когда силовое поле невидимого кресла отключилось, он запаниковал и на несколько секунд задержал дыхание, думая, что очутился в вакууме, но тут же почувствовал атмосферное давление на коже и приятную для тела температуру. Так что он судорожно дышал все то время, когда Манмут представлял его моравекам, явившимся в качестве официальной делегации. Получилось довольно неловко. Потом Манмут ушел, а Хокенберри остался наедине с пятью странными органическими машинами.

– Добро пожаловать на Фобос, доктор Хокенберри, – произнес ближайший. – Надеюсь, ваш перелет сюда с Марса обошелся без происшествий.

На мгновение Хокенберри ощутил почти дурноту. За исключением Манмута, никто не называл его доктором в этой второй жизни, разве что коллега Найтенгельзер в шутку раз или два.

– Спасибо, да... То есть... Простите, я не расслышал ваших имен... – выдавил Хокенберри. – Извините, я... отвлекся.

«Думая, что умру, когда исчезло кресло», – добавил он про себя.

Невысокий моравек кивнул:

– Не удивляюсь. В этом пузыре столько всего происходит, и атмосфера проводит шум.

Так оно и было. Гигантский голубой пузырь, накрывший по меньшей мере два или три акра (Хокенберри никогда не умел определять расстояния и размеры на глаз, – видимо, сказывался недостаток спортивных занятий), заполняли сложные конструкции, ряды машин больше любого здания в Блумингтоне, штат Индиана, пульсирующие органические капли, похожие на бланманже размером с теннисный корт, сотни моравеков, занятых самыми разными делами, и медленно парящие сферы, плюющиеся лазерными лучами, которые что-то резали, сваривали, плавил и перемещались дальше. Смутно привычным, хотя и совершенно неуместным выглядел круглый стол красного дерева, окруженный шестью стульями различной высоты.

– Меня зовут Астиг/Че, – сказал маленький моравек. – Я европейнин, как и ваш друг Манмут.

– Европейец? – тупо переспросил Хокенберри.

Он как-то был во Франции на отдыхе и в Афинах на конференции по античной литературе, и хотя тамошние жители были... э-э-э... другие... никто из них не походил на этого Астига/Че. Он был повыше Манмута – не меньше четырех футов – и более гуманоидный, но тоже покрыт пластиково-металлическим материалом, только ярко-желтым. Моравек напомнил Хокенберри желтый непромокаемый плащ, которым он ужасно гордился в детстве.

– Европа, – пояснил Астиг/Че без тени досадливого нетерпения в голосе, – это покрытый водой и льдами спутник Юпитера. Родина Манмута. И моя тоже.

– Да, конечно. – Хокенберри покраснел и, смутясь этим, покраснел еще гуще. – Извините. Конечно. Я знал, что Манмут с какого-то тамошнего спутника. Извините.

– Мой титул... Впрочем, «титул» – чересчур громкое слово, скорее, «рабочая функция» – первичный интегратор Консорциума Пяти Лун, – продолжал Астиг/Че.

Хокенберри чуть поклонился, осознав, что перед ним политик или, по крайней мере, большой чиновник. Он понятия не имел, как называются остальные четыре луны. Про Европу он в первой жизни слышал и вроде бы припоминал, что новый спутник Юпитера открывали каждые несколько недель, – во всяком случае, такое складывалось впечатление. Может, ко времени его смерти их еще никак не назвали. И еще Хокенберри, предпочитавший древнегреческий латыни, всегда считал, что самую большую планету Солнечной системы следовало наречь Зевсом, а не Юпитером... хотя в нынешних обстоятельствах это создало бы путаницу.

– Позвольте представить моих коллег, – сказал Астиг/Че.

Хокенберри внезапно сообразил, кого напоминает ему этот голос – киноактера Джеймса Мейсона⁷.

– Высокий джентльмен справа от меня – генерал Бех бен Ади, командующий контингентом боевых моравеков Пояса астероидов.

– Доктор Хокенберри, – произнес генерал Бех бен Ади, – для меня огромная честь наконец-то с вами познакомиться.

Он не протянул руку для приветствия, поскольку у него не было рук, только шипастые клещи с кучей манипуляторов тончайшей моторики.

«Джентльмен, – подумал Хокенберри. – Роквек».

За последние восемь месяцев он видел тысячи роквеков-солдат – и на Илионской равнине, и на Марсе, вокруг Олимпа. Они все были высокие, метра под два, всегда черные, как их генерал, покрытые шипами, крючками, хитиновыми гребнями, острыми зубцами. «В Поясе астероидов их явно разводят... собирают... не ради красоты», – подумал Хокенберри, а вслух произнес:

– Очень приятно, генерал... Бех бен Ади, – и слегка поклонился.

– Слева от меня, – продолжал первичный интегратор Астиг/Че, – вы видите интегратора Чо Ли со спутника Каллисто.

– Добро пожаловать на Фобос, доктор Хокенберри, – мягким, почти женским голосом проговорил Чо Ли.

«Есть ли у моравеков пол?» – подумал Хокенберри. Он всегда думал о Манмуте и Орфу как о роботах мужского пола и не сомневался в тестостероновом характере бойцов-роквеков. Однако, если они отдельные личности, почему бы им не иметь пола?

– Интегратор Чо Ли, – повторил Хокенберри и снова поклонился.

Каллистянин... э-э-э... каллистонид? каллистонец?.. был ниже Астига/Че, но массивнее и куда менее гуманоидный. Еще менее, чем отсутствующий Манмут. Хокенберри несколько смущало что-то похожее на сырое розоватое мясо между панелями из пластика и стали. Если бы

---

⁷ ...сообразил, кого напоминает ему этот голос – киноактера Джеймса Мейсона. – Джеймс Невилл Мейсон (1909–1984) – английский актер, главная британская звезда 1940–1950-х гг. Необычный голос Мейсона позволил ему очень хорошо играть и злодеев, в частности Гумберта Гумберта в «Лолите» Стэнли Кубрика (1962), и благородных героев.

Квазимодо – горбуна из Нотр-Дама – воссоздали из кусков мяса и старых автомобильных запчастей, с бескостными руками, множеством глаз разного размера и узкой пастью словно щель почтового ящика, – он бы выглядел близнецом интегратора Чо Ли. Кстати, забавное коротенькое имя. Возможно, каллистоидных моравеков проектировали китайцы?

– Позади Чо Ли вы видите Суму Четвертого, – сказал Астиг/Че ровным голосом Джеймса Мейсона. – Он с Ганимеда.

Высотой и пропорциями Сума IV очень напоминал человека, чего нельзя было сказать о его внешности. Шесть с лишним футов роста, правильные пропорции рук и ног, талия, плоская грудь, подходящее количество пальцев – и все это упаковано в текучую, сизоватую, маслянистую оболочку. Однажды Манмут в присутствии Хокенберри назвал такое вещество бакикарбоном. Тогда оно покрывало корпус шершня. На человеке... ну хорошо, на человекообразном моравеке... это выглядело пугающе.

Еще более жутко выглядели его огромные глаза со многими сотнями сверкающих граней. Хокенберри гадал, не бывал ли Сума IV или кто-нибудь из его родни на Земле двадцатого века? Скажем, в Розуэлле, штат Нью-Мексико? Не его ли кузена заморозили в Зоне 51⁸?

«Да нет же, – напомнил он себе. – Эти создания – никакие не инопланетяне. Они всего лишь органические роботы, спроектированные и построенные людьми, а после разосланные по Солнечной системе. Спустя столетия, долгие столетия после моей смерти».

– Здравствуйте, Сума Четвертый, – сказал Хокенберри.

– Рад познакомиться, доктор Хокенберри, – ответил рослый ганимедянин.

На сей раз Хокенберри не услышал ни джеймс-мейсоновских, ни девчачьих ноток. Речь блестящего черного существа с мерцающими, как у мухи, глазами звучала так, будто мальчишки бросают шлаком в пустой бойлер.

– И наконец, разрешите представить вам пятого представителя нашего Консорциума, – произнес Астиг/Че. – Это Ретроград Синопессен с Амальтеи.

– Ретроград Синопессен? – повторил Хокенберри.

Ему вдруг захотелось расхохотаться до слез. Или лечь прямо здесь, заснуть ненадолго и пробудиться в своем кабинете, в стареньком белом доме неподалеку от Индианского университета.

– Да, Ретроград Синопессен, – кивнул Астиг/Че.

Трижды поименованный моравек выбежал вперед на серебристых паучьих лапках. Размером он был примерно с трансформатор от игрушечной железной дороги, только блестел, как начищенный алюминий, а его восемь тончайших серебристых ножек казались почти невидимыми. По всему корпусу и внутри него искрились многочисленные глазки, а может, диоды или крохотные лампочки.

– Очень приятно, доктор Хокенберри, – проговорила блестящая коробочка могучим и низким басом, который соперничал даже с инфразвуковым ворчанием Орфу. – Я прочел все ваши книги и труды. Разумеется, те, что сохранились в наших архивах. Они превосходны. Личная встреча с вами – большая честь.

– Спасибо, – неловко выговорил Хокенберри, затем посмотрел на пятерых моравеков, на сотни других, которые сутились над совершенно непостижимыми машинами внутри огромного пузыря с искусственно накачанным воздухом, перевел глаза на Астига/Че и спросил: – И что теперь?

---

⁸ Скажем, в Розуэлле, штат Нью-Мексико? Не его ли кузена заморозили в Зоне 51? – В Розуэлле в штате Нью-Мексико в 1947 г. случилось предполагаемое крушение неопознанного летающего объекта. По официальной версии ВВС США, это был метеозонд, однако уфологи считают, что там разбился инопланетный космический аппарат, а погибший инопланетянин хранится на секретном испытательном полигоне Зона 51, с которым, в свою очередь, связано множество конспирологических теорий.

– Почему бы нам не сесть за стол и не обсудить предстоящую экспедицию на Землю и ваше возможное в ней участие? – предложил европейский первичный интегратор Консорциума Пяти Лун.

– Конечно, – сказал Томас Хокенберри. – Почему бы нет?

12

Елена была одна и безоружна, когда Менелай наконец-то загнал ее в угол.

Наступивший за погребением Париса день и начался-то не по-людски, да и после все шло наперекосяк. В зимнем ветре пахло страхом и апокалипсисом.

Ни свет ни заря – Гектор еще не успел отнести кости брата к могильному холму – Андромаха прислала за Еленой посланницу. Жена Гектора и ее рабыня с острова Лесбос, которой много лет назад вырвали язык, ныне верная служанка секретного общества Троянских женщин, – заточили неистовую Кассандру в потайном убежище у Скейских ворот.

– В чем дело? – спросила Елена, входя.

Кассандра не знала об этом доме. Кассандре не полагалось даже слышать об этом доме. А теперь дочь Приама, безумная пророчица, сидела, понутив плечи, на деревянном ложе, а рабыня, которую звали Гипсипила, в честь прославленной царицы, родившей Евнея от Ясона, татуированной рукой прижимала к ее горлу длинный нож.

– Она знает, – проговорила Андромаха. – Она узнала про Астианакта.

– Как?

Кассандра, не поднимая головы, ответила сама:

– Увидела в транс.

Елена вздохнула. Когда-то в тайном обществе их было семь. Началось все с жены Гектора Андромахи и ее свекрови, царицы Гекубы. Затем к ним примкнула Феано – жена конеборного Антенора и верховная жрица в храме Афины. Позже в круг посвященных приняли Лаодику, дочь царицы Гекубы. Потом уже четверка открыла Елене свои мечты и цели: положить конец войне, чтобы спасти мужей и детей, а самим избежать ахейского рабства.

Елене оказали честь. Ее – не троянку, а лишь источник всех бед – приняли в тайную группу, чтобы вместе искать третий выход: как прекратить осаду с честью, однако не заплатив ужасной цены. Этим они и занимались годами: Гекуба, Андромаха, Феано, Лаодика и Елена.

Кассандру – самую прелестную, но и самую безумную дочь Приама – взяли к себе поневоле. Аполлон одарил ее даром предвидения, которое могло пригодиться при осуществлении замысла. Кроме того, Кассандра уже болтала о встречах Троянских женщин в склепе под храмом Афины – она видела их в одном из своих транс. Чтобы заткнуть ей рот, срочно пришлось включить Кассандру в команду.

Седьмой, последней и самой старой из Троянских женщин стала «возлюбленная Герой» Герофила, мудрейшая из жриц Аполлона Сминфея. Сивилла зачастую толковала дикие видения Кассандры точнее, чем та сама.

Когда Ахиллес заявил, что Афина собственноручно убила его лучшего друга Патрокла, сверг Агамемнона и повел ахейцев на войну с богами, Троянские женщины увидели луч надежды. Оставив Кассандру в неведении – девчонка слишком много болтала в те последние, по ее словам, дни перед падением Илиона, – женщины убили кормилицу Астианакта вместе с ее младенцем, и Андромаха принялась вопить и причитать, что Паллада и Афродита своими руками резали Гекторова первенца, малютку Астианакта.

Гектор, как до него Ахиллес, обезумел от горя и гнева. Троянская война кончилась. Началась война с богами. Ахейцы и троянцы прошли через Дыру и осадили Олимп вместе с новыми союзниками – меньшими божествами-моравеками.

И в первый же день бомбежки со стороны богов, до того как моравеки накрыли Илион силовым полем, погибла Гекуба. И ее дочь Лаодика. И Феано, любимая жрица Афины.

Три из семи Троянских женщин лишились жизни в первый же день войны, которую сами и развязали. Затем погибли сотни дорогих им людей, и воинов, и мирных жителей.

«И вот еще одна жертва?» – подумала Елена, погружаясь в некую бездну горя глубже обычного горя.

– Теперь ты убьешь Кассандру? – спросила она Андромуху.

Жена Гектора холодно глянула на Елену:

– Нет. Я покажу ей Скамандрия, моего Астианакта.

В шлеме, утыканном клыками вепря, и львиной шкуре, Менелай легко проник в город с толпой варваров – союзников Илиона. Час был довольно ранний: погребальное шествие с урной Париса уже прошло, но амазонки еще не успели с почестями въехать в городские ворота.

Избегая приближаться к разбомбленному дворцу Приама, где Гектор и его соратники предавали земле кости Париса (слишком уж многие троянские герои могли признать Диомедову львиную шкуру и шлем с клыками вепря), Менелай прошел через шумный рынок и переулками выбрался на маленькую площадь перед дворцом Париса, где жили сейчас царь Приам и Елена. Разумеется, у дверей, на стенах и на каждой террасе караулила отборная стража. Одиссей однажды рассказывал, какая из внутренних террас Еленина, и Менелай долго буровил взглядом колышущиеся занавески, но его жена не появилась. Там стояли двое копеечников в бронзовых доспехах, а значит, Елены, скорее всего, не было дома. В прошлом, в их более скромном лакедемонском дворце, она никогда не пускала охрану в свои личные покои.

На другой стороне площади находилась лавка, где подавали вино и сыр. Усевшись за грубо сколоченный стол посреди залитой солнцем улочки, Менелай позавтракал, расплатившись троянскими золотыми, которые предусмотрительно захватил в шатре Агамемнона, когда переодевался. Так он просидел несколько часов, время от времени подбрасывая хозяину несколько треугольных монеток и слушая пересуды горожан в толпе на площади и за соседними столами.

– Ее светлость у себя? – спросила одна старая карга свою товарку.

– Да нет. Моя Феба говорит, шлюшка ушла спозаранку, это точно. Думаешь, собралась напоследок почтить останки благоверного? Как бы не так!

– А что ж тогда? – прошамкала более беззубая из двух старух. Она пережевывала сыр деснами и подалась вперед, будто готовилась услышать доверительный шепот, но вторая старая ведьма – такая же глухая, как первая, – проорала в ответ:

– Болтают, что старый развратник Приам желает выдать паршивую заморскую сучку за другого своего сына, и не за какого-нибудь ублюдка, которыми город кишмя кишит, – в наше время куда ни плюнь, утрется его внебрачный недоносок, – а за этого глупого толстяка, законнорожденного Деифоба. И вроде бы свадьбу хотели сыграть не позже чем через двое суток после того, как Париса пустят на шашлыки.

– Скоро, значит.

– Не то слово. Может, уже сегодня. Деифоб ждал своей очереди отыметь чернявую бабенку с тех самых пор, как Парис притащил ее в город, – о, проклятый день! Так что мы тут с тобой, сестра, языками чешем, а Деифоб уж, наверное, если не женится, так предается ритуалам Диониса.

И старухи захохотали, плюясь крошками хлеба с сыром.

Менелай вскочил из-за стола и зашагал куда глаза глядят, яростно сжимая копье в левой руке, а правую положив на рукоять меча.

Деифоб? Где живет Деифоб?

До войны с богами все было гораздо проще. Несемейные отпрыски Приама (кое-кому из них перевалило за пятьдесят) жили вместе, в огромном царском дворце, в центре города – ахейцы давно замыслили, как только ворвутся в Трою, начать резню и грабеж именно там, – но удачно сброшенная бомба в первый же день новой войны разогнала царевичей и их сестер по не менее роскошным жилищам в разных концах Илиона.

Таким образом, через час после ухода из лавки Менелай все так же бродил по многолюдным улицам, когда мимо под бурное ликование толпы проехала Пентесилея с ее двенадцатью воительницами.

Менелая пришлось отпрыгнуть, чтобы боевой конь царицы не сбил его с ног. Бронзовый ножной доспех амазонки скользнул по его плащу. Гордая Пентесилея не смотрела ни вниз, ни по сторонам.

Красота Пентесилеи так поразила Менелая, что он чуть было не сел на мостовую, загаженную конским навозом. Зевс-громовержец, что за хрупкая, изменчивая прелесть таилась под пышными, сверкающими доспехами! А эти глаза! Менелай ни разу не бился ни с амазонками, ни против них и ничего подобного в жизни не видел.

Словно гадатель в трансе, он побрел за процессией – обратно ко дворцу Париса. Здесь воительниц приветствовал Деифоб. Елены при нем не оказалось. Стало быть, беззубые любительницы сыра все наплели. По крайней мере, о том, где Елена сейчас.

Менелай, словно влюбленный пастушок, долго смотрел на дверь, за которой скрылась Пентесилея; наконец он встряхнулся и вновь отправился бродить по улицам. Был почти полдень. Времени оставалось в обрез: к середине дня Агамемнон намеревался поднять восстание против Ахиллеса и к ночи закончить битву. Впервые Менелай понял, насколько велик Илион. Каковы шансы за оставшееся время случайно набрести на Елену? Да почти никаких. При первом же боевом кличе из аргивского стана Скейские ворота захлопнутся и стража на стенах будет удвоена. Менелай угодит в ловушку.

Сжигаемый тройной горечью поражения, ненависти и любви, он почти бегом припустил к выходу, отчасти радуясь, что не нашел Елену, отчасти злясь, что не нашел ее и не убил.

У ворот слышались крики. Менелай некоторое время смотрел, не в силах оторваться от зрелища, хотя неуправляемая толпа грозила его поглотить. Старухи рядом пересказывали товаркам, что произошло.

Приезд Пентесилеи и дюжины ее спутниц (все они, надо полагать, спали сейчас на самых мягких Приамовых ложах) вдохновил горожанок. Из дворца просочился слух, что Пентесилея поклялась убить Ахиллеса – и Аякса, если у нее найдется свободная минутка, и всякого ахейского военачальника, что встанет на пути. Это разбудило что-то дремавшее, но отнюдь не пассивное в душах женщин Трои (не путать с уцелевшими Троянскими женщинами), и те высыпали на улицы, на стены, на укрепления, где растерянные стражники отступили под натиском орущих жен, дочерей, матерей и сестер.

Некая Гипподамия – не прославленная супруга Пирифоя, а жена Тисифона, столь незначительного троянского вождя, что Менелай не встречал его на поле боя и ни разу не слышал о нем у бивачного костра, – так вот, эта Гипподамия выкрикивала речь, призывая троянок к убийству. Менелай смешался с толпой зрителей, однако не ушел, а остался посмотреть и послушать.

– Сестры! – орала Гипподамия – полнорукая, большезаядая, довольно красивая бабенка. Ее волосы расплелись, рассыпались по плечам и колыхались, когда она размахивала руками. – Почему мы никогда не сражались бок о бок со своими мужчинами? Почему долгие годы рыдали о судьбе Илиона, заранее оплакивали участь наших детей, но не пытались ее изменить? Неужто мы намного слабее безбородых юнцов, что в последний год ушли умирать за свой город? Разве мы более хрупки, чем наши сыновья?

Толпа женщин взревела.

– Мы делим с мужьями-троянцами пищу, свет, воздух и ложе! – кричала крутобедрая Гипподамия. – Почему мы не делим их участь в бою? Так ли мы слабы?

– Нет! – завопили со стен тысячи женщин.

– Есть ли среди нас хоть одна, не потерявшая в этой войне с ахейцами мужа, брата, сына или кровного родственника?

– Нет!

– Сомневается ли хоть одна в своей женской участи после того, как данайцы ворвутся в город?

– Нет!

– Есть ли у кого-нибудь сомнения, что будет с нами, женщинами, если победят ахейцы?

– Нет!

– Тогда не будем медлить! – вопила Гипподамия, перекрывая рев толпы. – Царица амазонок поклялась убить Ахиллеса сегодня до захода солнца! Она приехала издалека, чтобы сражаться за чужой город! Неужто мы робеем защитить родной очаг, мужчин, детей, нашу собственную жизнь и будущее?

– Нет!

На сей раз рев был громче и не смолкал. Троянки побежали с площади; прыгая с высоких ступеней, они едва не затоптали Менелая.

– Вооружайтесь! – надрывалась Гипподамия. – Оставьте свои веретена, пряжу и прялки, оставьте ткацкие челноки, наденьте доспехи, подпояшьте для битвы – и встретимся за городской стеной!

Мужчины, поначалу скалившие зубы над бабьей тирадой Тисифоновой жены, теперь ныряли в дверные проемы и проулки, спеша убраться с дороги. Менелай последовал их примеру.

Он уже повернул к Скейским воротам – хвала богам, те были еще открыты, – когда увидел Елену. Она стояла на углу и смотрела в другую сторону, так что не заметила его, затем, поцеловав своих спутниц, пошла по улице. Одна.

Менелай замер, сделал глубокий вдох, коснулся рукояти меча, повернулся – и двинулся за ней.

– Феано прекратила это безумие, – говорила Кассандра. – Феано обратилась к толпе и образумила женщин.

– Феано погибла восемь с лишним месяцев назад, – холодно заметила Андромаха.

– В ином сегодня, – сказала Кассандра тем же бесцветным голосом, какой бывал у нее во время видений. – Не в нашем будущем. Феано их остановила. Все послушались верховную жрицу Афины.

– Что ж, Феано кормит червей. Мертва, как хер царевича Париса, – ответила Елена. – Никто не остановил эту толпу.

Женщины уже вернулись на площадь и теперь выходили через ворота в жалкой пародии на боевой порядок. Судя по всему, они успели наведаться домой и забрать то, что там отыскали: тусклый отцовский шлем с полинялым и облезлым конским хвостом, забракованный братом щит, мужнино либо сыновье копьё или меч. Доспехи были им велики, копья – тяжелы, и женщины по большей части походили на детей, нарядившихся для игры в войну.

– Безумие, – прошептала Андромаха. – Безумие.

– Как и все, что случилось после смерти Ахиллесова друга Патрокла, – сказала Кассандра; ее глаза сверкали, словно от лихорадки или собственного безумия. – Обманчиво. Ложно. Неправильно.

В доме Андромахи у городской стены, в залитых солнцем комнатах верхнего этажа, они более двух часов играли с полуторогодовалым Скамандрием, чью мнимую гибель от рук бес-

смертных оплакивала вся Троя, младенцем, из-за которого Гектор объявил войну олимпийским богам. Между тем живой и здоровый малыш, прозванный в народе Астианактом – «владыкой города», рос под надзором новой кормилицы, а у дверей дома несли круглосуточный дозор верные стражи-килийцы, привезенные из павших Фив. Когда-то они пытались умереть за отца Андромахи, царя Этиона, убитого Ахиллесом после захвата города, и теперь воины, уцелевшие не по собственной воле, а по прихоти Ахиллеса, посвятили себя защите Этионовой дочери и ее сына, упрятого от чужих взоров.

Мальчик уже лепетал первые слова и ходил, наматывая по дому не меньше мили в день. Даже после долгих месяцев разлуки, составивших почти половину его коротенькой жизни, он узнал тетю Кассандру и радостно бросился к ней, раскинув пухлые ручки.

Кассандра обняла его, заплакала, и почти два часа три Троянские женщины и две рабыни (кормилица и убийца с Лесбоса) играли и болтали со Скамандрием, а когда ему пришло время спать, еще потолковали между собой.

– Видишь, почему тебе не следует говорить вслух во время транса, – тихо произнесла Андромаха. – Если твои слова услышит кто-нибудь, кроме нас, Скамандрий погибнет, как ты предрекала: его сбросят со стены города, так что мозг брызнет на камни.

Кассандра побледнела сильнее обычного и снова всхлипнула.

– Я научусь держать язык за зубами, – сказала она наконец, – хотя это мне и не под силу, но ничего, твоя бдительная служанка поможет.

Она кивнула на Гипсипилу, застывшую неподалеку с каменным выражением.

Тут они слышали шум и женские выкрики с площади и, скрыв лица под тонкими покрывалами, пошли посмотреть, из-за чего суматоха.

Несколько раз во время пылкого выступления Гипподамии Елену так и подмывало вмешаться. Только когда уже было слишком поздно – сотни женщин потоками хлынули по домам вооружаться и надевать доспехи, мечась словно сотни ополоумевших пчел, – она осознала правоту Кассандры. Ее старая товарка Феано, верховная жрица все еще почитаемого храма Афины, могла бы остановить это безобразие. «Какая глупость!» – провозгласила бы Феано зычным, натренированным под сводами храма голосом и, завладев общим вниманием, отрезвила бы женщин разумными словами. Феано объяснила бы, что Пентесилея (до сих пор ничего не сделавшая для Трои, если не считать клятвы престарелому царю и послеобеденного сна) – дочь Ареса. Ну а как насчет горожанок, вопящих на площади? Есть ли среди них дочери бога? Может ли хоть одна назвать Ареса отцом?

Мало того, Феано растолковала бы поутихшей толпе, что греки не для того почти десять лет сражались – когда на равных, а когда и одерживая верх – с героями вроде Гектора, чтобы сегодня пасть под ударами необученных женщин. «И если вы не учились втайне от всех обращаться с конями, управлять колесницами, метать копье на половину лиги и отбивать щитом мощные удары меча и если не готовы срубить визжащие мужские головы с крепких плеч – идите по домам, – вот что наверняка сказала бы жрица. – Беритесь-ка за прялки, верните братьям и отцам их оружие. Пусть храбрые мужчины защищают нас. Они затеяли эту войну – им и решать ее исход». И толпа бы рассеялась.

Однако Феано не вмешалась. Она была мертва – мертва, как хер царевича Париса, по выражению самой Елены.

Поэтому кое-как вооруженная толпа двинулась на войну – к Дыре, ведущей к подножию Олимпа. Женщины верили, что убьют Ахиллеса раньше, чем Пентесилея изволит протереть свои прекрасные глаза. Гипподамия в числе последних выбежала из Трои в косо нацепленных доспехах – судя по виду, древних, возможно времен войны с кентаврами. Бронзовые пластины громко бряцали на огромных грудях. Она раззадорила толпу и утратила над ней власть. Теперь Гипподамия, как любой политик, пыталась возглавить парад, но это было не в ее силах.

Елена, Андромаха и Кассандра расцеловались на прощанье – причем рабыня-убийца Гипсипила уже следила за красноглазой пророчицей, – и Елена пошла в сторону дворца, который еще недавно делила с Парисом. Приам еще раньше сообщил ей о своем намерении нынче же, до захода солнца, назначить день ее свадьбы с Деифобом.

Однако по дороге Елена свернула с многолюдной улицы в храм Афины. Святилище, разумеется, пустовало: мало кто в эти дни дерзал открыто поклоняться богине, которую считали убийцей Астианакта и главной причиной войны с Олимпом. Елена вошла в полумрак, наполненный ароматами фимиама, вдохнула тишину полной грудью и окинула взором гигантскую золотую статую богини.

– Елена.

На какой-то миг Елене Прекрасной почудилось, будто изваяние заговорило с нею голосом бывшего мужа. Потом она медленно развернулась.

– Елена.

Менелай стоял менее чем в десяти футах от нее, широко расставив ноги и твердо уперев сандалии в темный мраморный пол. Даже в тусклом мерцании votивных свеч Елена видела его рыжую бороду, зловещий взгляд, обнаженный меч в правой руке и шлем с клыками вепря в левой.

– Елена.

Больше ничего этот царь, воин и роконосец в минуту долгожданной мести выговорить не мог.

Бежать? Бесполезно. Менелай загородил выход, а в Лакедемоне он считался одним из самых проворных бегунов. Супруги даже шутили: мол, когда родится сын, им нипочем не догнать его, чтобы отшлепать за шалости. Только им так и не пришлось родить сына...

– Елена.

Каких только стонов не слышала Елена за свою жизнь, в самых разных обстоятельствах – от оргазма до смерти. Однако ни один мужчина не повторял в рыдании это такое знакомое, но совершенно чужое имя.

– Елена.

Менелай быстро пошел на нее, поднимая меч.

Елена не пыталась бежать. В сиянии свеч и отблесках золотого идола она встала на колени, глянула на законного мужа, потупилась и сорвала с груди платье, ожидая удара.

13

– Отвечая на ваш последний вопрос, – произнес первичный интегратор Астиг/Че, – нам надо лететь на Землю, поскольку либо там, либо на ее орбите находится источник всей этой квантовой активности.

– Манмут вкратце рассказывал, что его и Орфу отправили на Марс из-за того, что источник... э-э-э... активности был там, конкретно на Олимпе, – сказал Хокенберри.

– Так мы полагали раньше, когда по пути от Пояса и из юпитерианского космоса на Марс и Землю времен Илиона фиксировали квантовую активность олимпийцев для переноса этих дыр. Однако теперь наши технологии позволяют установить, что источник и центр этой активности – Земля, а Марс – приемник... или, возможно, правильнее сказать – мишень.

– Ваши технологии настолько изменились за восемь месяцев? – спросил Хокенберри.

– Наши знания единой квантовой теории утроились с тех пор, как мы прокатились по квантовым туннелям олимпийцев, – вступил в беседу Чо Ли – видимо, главный по техническим вопросам. – К примеру, почти все, что нам известно о квантовой гравитации, мы узнали за последние восемь стандартных месяцев.

– И что же вы узнали? – Хокенберри не надеялся понять научную сторону, просто моравеки впервые вызвали у него подозрения.

Ответил Ретроград Синопессен.

– Все, что мы узнали, – пророкотал он басом, который никак не вязался с видом трансформатора на паучьих ножках, – ужасно. Просто ужасно.

Что ж, это слово Хокенберри понял.

– Потому что квантовая чего-то-там нестабильна? Если я верно понял Орфу и Манмута, это было известно до их отправки на Марс. Все оказалось настолько хуже?

– Дело в другом, – сказал Астиг/Че. – Мы начинаем осознавать, каким образом силы, которые стоят за так называемыми богами, используют энергию квантовых полей.

Силы, которые стоят за богами. Хокенберри отметил про себя странное выражение, однако решил не отвлекаться.

– Как они ее используют? – спросил он.

– Вообще-то, олимпийцы используют волны-складки квантового поля, чтобы летать на своих колесницах, – ответил ганимедянин Сума IV; свет отражался и дробился в его фасетчатых глазах.

– А это плохо?

– Только в том смысле, что это как взрывать термоядерную бомбу, чтобы зажечь в доме электрическую лампочку, – женским голосом объяснил (или объяснила) Чо Ли. – Энергия, к которой они подключаются, практически неизмерима.

– Тогда почему боги до сих пор не выиграли войну? – спросил Хокенберри. – Похоже, ваша технология успешно их тормозит... Даже Зевса с его эгидой.

На сей раз ответил роквекский главнокомандующий Бех бен Ади:

– Олимпийцы применяют лишь мизерную часть квантовой энергии, задействованной вокруг Илиона и Марса. Мы не уверены, что боги владеют технологией, стоящей за этой энергией. Они получили ее... взаймы.

– От кого? – У Хокенберри внезапно пересохло в горле. Интересно, есть ли в этом моравекском пузыре человеческая еда и питье?

– Вот это мы и собираемся выяснить на Земле, – сказал Астиг/Че.

– Но зачем нужен космический корабль?

– Прошу прощения? – мягко переспросил Чо Ли. – Вы знаете иной способ межпланетных путешествий?

– Тот же способ, каким вы вторглись на Марс, – сказал Хокенберри. – Воспользуйтесь дырами.

Астиг/Че покачал головой, совсем как Манмут:

– Между Землей и Марсом нет квантово-туннельных бран-дыр.

– Но вы же создали собственные дыры, чтобы попасть сюда из юпитерианского космоса и с Пояса, верно? – У Хокенберри уже раскалывалась голова. – Почему не сделать это снова?

– Манмут разместил наш приемопередатчик точно на квинкунксиальной позиции квантового потока Олимпа. На Земле или на околоземной орбите это сейчас сделать некому. Это одна из целей нашей экспедиции. На борт уже подняли транспондер, подобный предыдущему, только слегка усовершенствованный.

Хокенберри кивнул, не совсем понимая, с чем соглашается. Он мучительно пытался припомнить слово «квинкунксиальный». От «квинкункса», наверно? Это, случаем, не прямоугольник с точкой посередине? Или что-то насчет листьев и лепестков? Он знал только, что это связано с числом пять.

Астиг/Че чуть подался вперед:

– Доктор Хокенберри, вы позволите обрисовать вам в общих чертах, почему нас тревожит столь легкомысленное обращение с квантовой энергией?

«Экие манеры», – подумал Хокенберри, слишком долго живший среди греков и троянцев, а вслух сказал:

– Прошу вас.

– Скажите, доктор, перемещаясь на протяжении более чем девяти лет между Илионом и Олимпом, вы не замечали разницы в силе притяжения?

– Ну... да... конечно... на Олимпе я всегда чувствовал себя немного легче. Еще до того, как понял, что это Марс, а понял я это только после того, как появились вы. И что? Так ведь и должно быть? На Марсе же сила тяжести меньше, чем на Земле?

– Намного меньше, – пропищал Чо Ли, словно птичка или свирель Пана. – Примерно три целых семьдесят две сотых метра в секунду за секунду.

– Переведите, – попросил Хокенберри.

– Это тридцать восемь процентов земного гравитационного поля, – сказал Ретроград Синопессен. – А вы перемещались – точнее говоря, квант-телепортировались между Землей и Олимпом каждый день. Заметили вы разницу силы тяжести в шестьдесят два процента, доктор Хокенберри?

– Пожалуйста, зовите меня Томасом, – рассеянно сказал Хокенберри. «Шестьдесят два процента? Да я бы летал, как воздушный шар... прыгал бы на двадцать ярдов. Бред».

– Вы не наблюдали разницы, – без вопросительной интонации произнес Астиг/Че.

– В целом да, – согласился Хокенберри.

После долгого дня наблюдений за ходом Троянской войны он каждый раз ощущал некую легкость в походке – и не только на Олимпе, но и в казарме у подножия. И любой груз тоже становился немного легче. Однако шестьдесят два процента? Ну уж нет.

– Разница была, – добавил он, – но не такая большая.

– Вы не замечали большой разницы, доктор Хокенберри, потому что сила тяжести на Марсе, где вы прожили последние десять лет, а мы воюем последние восемь стандартных месяцев, составляет девяносто три целых восемьсот двадцать одну тысячную нормальной земной.

Хокенберри поразмыслил над услышанным.

– И что? – сказал он наконец. – Боги подправили силу тяжести, пока снабжали планету воздухом и океанами. Они ведь, в конце концов, *боги*.

– Они представляют собою нечто, – согласился Астиг/Че, – но только не то, чем кажутся.

– Неужели поменять силу тяжести на планете – такое большое дело? – спросил Хокенберри.

Наступила тишина. Хотя моравеки не переглядывались, Хокенберри чувствовал: сейчас они оживленно обсуждают по радио- или другой связи: «Как объяснить это идиоту-человеку?»

В конце концов Сума IV сказал:

– Это *очень* большое дело.

– Куда большее, чем терраформировать планету, подобную изначальному Марсу, менее чем за полтора столетия, – пискнул Чо Ли. – Что само по себе невозможно.

– Сила тяжести равна массе, – сказал Ретроград Синопессен.

– Правда? – Хокенберри понимал, каким дураком себя выставляет, однако ему было наплевать. – Я всегда думал, это то, что удерживает вещи внизу.

– Сила тяжести – это воздействие массы на пространство-время, – продолжал серебристый паук. – Плотность сегодняшнего Марса превышает плотность воды в три целых девяносто шесть сотых раза. Тогда как прежде – немногим больше ста лет назад, то есть до терраформирования, – это соотношение было три целых девяносто четыре сотых.

– Вроде как не очень большая разница, – сказал Хокенберри.

– Да, – подтвердил Астиг/Че. – И это никоим образом не объясняет увеличения силы тяжести почти на шестьдесят пять процентов.

– Кроме того, гравитация – это еще и ускорение, – музыкально вывел Чо Ли.

Вот теперь Хокенберри перестал что-либо понимать. Он пришел узнать о полете на Землю и выяснить, зачем он им нужен, а не выслушивать лекции, как особенно тупой восьмиклассник.

– Итак, неизвестно кто, но не боги изменили притяжение Марса, – сказал он. – И вы считаете, что это очень большое дело.

– Это действительно очень большое дело, доктор Хокенберри, – ответил Астиг/Че. – Кто бы или что бы ни изменило силу притяжения Марса, оно владеет квантовой гравитацией. Дыры... как их теперь называют... представляют собой квантовые туннели, которые тоже воздействуют на гравитацию.

– Кротовые норы, – сказал Хокенберри. – Про них я знаю...

«Из „Стар трека“», – подумал он, но вслух этого не сказал.

– Черные дыры, – добавил он. – И белые дыры.

На этом его терминологические познания закончились. Впрочем, даже далекие от физики люди вроде старого доктора Хокенберри к концу двадцатого века в целом представляли, что Вселенная полна кротовин, соединяющих далекие точки в этой и других галактиках, и что для путешествия по ним надо войти в черную дыру и выйти из белой. Или, может быть, наоборот.

Астиг/Че опять покачал головой, как Манмут:

– Не кротовые норы. Бран-дыры. От слова «мембрана». Судя по всему, постлюди с околоземной орбиты использовали черные дыры для создания очень недолговечных кротовин, но бран-дыры – это не кротовины. Как вы помните, между Илионом и Марсом осталась лишь одна бран-дыра, остальные утратили стабильность и пропали.

– Если бы вы попытались пройти сквозь кротовую нору или черную дыру, то сразу бы умерли, – вставил Чо Ли.

– Спагеттифицировались, – уточнил генерал Бех бен Ади со странным удовольствием в голосе.

– Спагеттификация означает... – начал Ретроград Синопессен.

– Спасибо, я в общих чертах понял, – сказал Хокенберри. – Короче говоря, изменение гравитации плюс появление квантовых бран-дыр делают противника страшнее, чем вы боялись.

– Да, – подтвердил Астиг/Че.

– И вы посылаете здоровенный корабль на Землю выяснить, кто сотворил эти дыры, терраформировал Марс и, возможно, создал богов.

– Да.

– И желаете, чтобы я полетел с вами.

– Да.

– Зачем? – спросил Хокенберри. – Что я могу?... – Тут он осекся и прикоснулся к тяжелому кругляшу на цепочке, упрятанному под туникой. – Квит-медальон.

– Да, – сказал Астиг/Че.

– Когда вы только явились, то брали у меня эту штуку на целых шесть дней. Я уже не надеялся получить ее обратно. И вы взяли у меня кучу анализов... кровь, ДНК, полный набор. Я думал, вы наштамповали уже тысячу квит-медальонов.

– Если бы мы сумели изготовить хотя бы дюжину... полдюжины... да что там – одну копию, – прорычал генерал Бех бен Ади, – война с богами уже завершилась бы, а наши силы заняли бы Олимп.

– Скопировать квит-медальон невозможно, – сказал Чо Ли.

– Почему? – Голова у Хокенберри раскалывалась.

– Квит-медальон подогнан под ваше тело и разум, – сообщил Астиг/Че звучным голосом Джеймса Мейсона. – Или ваше тело и разум... подогнаны... для работы с медальоном.

Хокенберри обдумал услышанное, затем еще раз потрогал медальон и покачал головой:

– Как-то странно. Понимаете, это не штатное снаряжение схолиаста. Нам полагалось являться в условленные места, и боги сами квити́ровали нас на Олимп. Что-то вроде «Поднимай меня, Скотти»⁹, если вы понимаете, о чем я. Хотя вряд ли...

– Мы вас отлично понимаем, – произнес трансформатор на серебристых паучьих лапках не толще миллиметра. – Обожаю этот сериал. Особенно исходную версию. У меня он весь записан... Мне всегда было интересно, существовала ли между капитаном Кирком и мистером Споком тайная физически-романтическая связь.

Хокенберри хотел было ответить, потом не стал.

– Послушайте... – сказал он наконец. – Афродита дала мне медальон, чтобы я шпионил за Афиной и убил ее. Но это было через девять лет после того, как я начал работать схолиастом и курсировать между Илионом и Олимпом. Как мое тело могли «подогнать» под медальон, когда никто не знал заранее, что...

Хокенберри остановился. Теперь, помимо головной боли, он чувствовал еще и дурноту. Может, что-то с воздухом?

– Вас изначально... реконструировали... для работы с этим квит-медальоном, – сказал Астиг/Че. – Точно так же, как богов запрограммировали квити́роваться по собственной воле. Мы в этом уверены. Вероятно, ответ на вопрос «почему» находится на Земле либо на земной орбите в одном из сотен тысяч постчеловеческих устройств и городов.

Хокенберри откинулся на спинку стула. Когда все садились за стол, он отметил, что спинка есть только у его стула. В этом моравеки проявили удивительную заботу.

– Вот почему вы хотите взять меня в экспедицию. Чтоб я мог квити́роваться с корабля, если что-то пойдет не так. Для вас я вроде сигнального буя, какие в мое время имелись на каждой подводной ядерной лодке. Их выбрасывали на поверхность, только если припрет.

– Да, – сказал Астиг/Че. – Именно поэтому мы просим вас отправиться с нами.

Хокенберри моргнул:

– Что ж, хотя бы честно... Этого у вас не отнимешь. Каковы цели экспедиции?

– Цель первая – разыскать источник квантовой энергии, – сказал Чо Ли. – И по возможности отключить. Он угрожает всей Солнечной системе.

– Цель вторая – установить контакт с любыми уцелевшими представителями человечества или постчеловечества на планете либо на ее орбите, дабы выяснить у них мотивы, стоящие за взаимоотношениями Олимпа и Трои, а также связанными с ними квантовыми манипуляциями, – добавил маслянисто-серый ганимедянин Сума IV.

– Цель третья – закартировать существующие и любые дополнительные скрытые квантовые туннели – бран-дыры – и проверить их на возможность использования для межпланетных или межзвездных путешествий, – сказал Ретроград Синопессен.

– Цель четвертая – найти инопланетные сущности, которые четырнадцать веков назад вторглись в нашу Солнечную систему, реальных богов за спинами карликов-олимпийцев, и призвать их к благоразумию, – изрек генерал Бех бен Ади, – а если уговоры не действуют – уничтожить.

– Цель пятая, – негромко, по-британски растягивая слова, произнес Астиг/Че, – вернуть на Марс всю команду до единого моравека и человека... живыми и способными функционировать.

– Наконец хоть что-то в моем вкусе, – пробормотал Хокенберри.

Сердце у него стучало, а головная боль перешла в мигрень, какой у него не случалось со времен магистратуры – самой тяжелой полосы его прошлой жизни. Он встал.

---

⁹ «Поднимай меня, Скотти» («Beam me up, Scotty») – распространенная версия фразы из телесериала «Стар трек», на самом деле звучавшей: «Поднимайте нас, мистер Скотт».

Моравеки сразу же поднялись.

– Сколько у меня времени на размышления? – спросил Хокенберри. – Если собираетесь лететь через час, то я не с вами. Мне надо как следует все обдумать.

– На подготовку и оснащение судна уйдет еще двое суток, – сказал Астиг/Че. – Хотите подождать здесь? Мы оборудовали для вас удобное место в тихом уголке...

– Я хочу вернуться в Трою, – перебил Хокенберри. – Там лучше думается.

– Мы подготовим шершень к немедленной отправке, – ответил Астиг/Че. – Только, боюсь, на Илионской равнине сейчас не очень спокойно, судя по данным, которые поступают по мониторам.

– Ну вот, так всегда, – сказал Хокенберри. – Стоит отлучиться на пару часов, пропустишь самое интересное.

– Не исключено, что события на Олимпе и в Трое увлекут вас настолько, что вам не захочется улетать, доктор Хокенберри, – произнес Ретроград Синопессен. – Я бы, безусловно, понял, если бы научный интерес к «Илиаде» вынудил вас остаться и продолжить наблюдения.

Хокенберри вздохнул и покачал раскалывающейся головой:

– Что бы ни происходило сейчас между Илионом и Олимпом, это уже точно не «Илиада». По большей части я настолько же беспомощен, как несчастная Кассандра.

Через выгнутую стену синего пузыря влетел шершень, завис над ними, затем беззвучно опустился и откинул трап. В проеме стоял Манмут.

Церемонно кивнув делегации моравеков, Хокенберри сказал:

– В ближайшие двое суток я сообщу вам о своем решении, – и пошел к трапу.

– Доктор Хокенберри! – окликнул его голос Джеймса Мейсона.

Хокенберри обернулся.

– Мы думаем взять в экспедицию одного грека или троянца, – сказал Астиг/Че. – И были бы очень признательны за совет.

– Зачем? – удивился Хокенберри. – В смысле, они же из бронзового века. Для чего вам тот, кто жил и умер за шесть тысяч лет до земной эпохи, куда вы направляетесь?

– Есть причины, – ответил Астиг/Че. – И все-таки чье имя первым приходит вам в голову?

«Елена Прекрасная, – подумал Хокенберри. – Подарите нам с ней романтический круиз на Землю, и полет окажется чертовски приятным». Он попробовал вообразить секс с Еленой в невесомости, но из-за головной боли не смог.

– Вам нужен воин? Герой?

– Не обязательно, – ответил генерал Бех бен Ади. – Мы берем с собой сто наших бойцов. Просто любой представитель эры Троянской войны, кто сможет принести какую-то пользу.

«Елена Прекрасная, – повторил про себя Хокенберри. – От нее большая...»

Он тряхнул головой и сказал:

– Лучше всего подойдет Ахиллес. Он, как вы знаете, неуязвим.

– Да, знаем, – подтвердил голосок Чо Ли. – Мы тайно исследовали его и выяснили причины этой, как вы выражаетесь, неуязвимости.

– Мать, богиня Фетида, окунула его в реку... – начал Хокенберри.

– Вообще-то, – перебил Ретроград Синопессен, – на самом деле кто-то... или что-то... до невозможности искривил квантово-вероятностную матрицу вокруг мистера Ахиллеса.

– Ладно, – сказал Хокенберри, не поняв в этой фразе ни единого слова. – Так вам нужен Ахиллес?

– Ахиллес вряд ли согласится полететь с нами, вы не находите, доктор Хокенберри? – спросил Астиг/Че.

– Э-э-э... да. А вы не можете его заставить?

– Полагаю, это повлечет за собой больше риска, чем все опасности экспедиции на третью планету, вместе взятые, – пророкотал генерал Бех бен Ади.

«Роквек с чувством юмора?» – удился Хокенберри, а вслух сказал:

– Если не Ахиллес, то кто?

– Мы надеялись, что вы кого-нибудь предложите. Кого-нибудь отважного, но умного. Восприимчивого исследователя. Способного к диалогу. Гибкую личность, как у вас говорят.

– Одиссей, – без колебаний ответил Хокенберри. – Вам нужен Одиссей.

– Думаете ли вы, что он согласится? – спросил Ретроград Синопессен.

Хокенберри набрал в грудь воздуха.

– Если скажете, что в конце дороги его ждет Пенелопа, он пойдет с вами в огонь и воду.

– Мы не можем ему солгать, – возразил Астиг/Че.

– Я смогу, – сказал Хокенберри. – С радостью. Не знаю, полечу ли я с вами, но уж компанию Одиссея я вам обеспечу.

– Будем весьма благодарны, – ответил Астиг/Че. – В течение сорока восьми часов сообщите нам, пожалуйста, что вы надумали. Мы с нетерпением ждем положительного ответа.

Европеанин протянул руку с довольно-таки гуманоидной ладонью.

Хокенберри пожал ее и следом за Манмутом забрался в шершень. Трап поднялся. Невидимое кресло приняло пассажира в объятия. Они вылетели из голубого пузыря.

14

Расхаживая в нетерпении и ярости перед тысячей лучших своих мирмидонцев по берегу у подножия Олимпа в ожидании, когда боги выставят очередного бойца, которого он убьет, быстроногий мужеубийца вспоминает первый месяц войны – время, которое троянцы и аргивяне по-прежнему называют Гневом Ахиллеса.

Тогда они квитиrowались с высот Олимпа легионами, эти боги, уверенные в своих энергетических полях и машинах, готовые прыгнуть в Медленное Время и спастись от ярости любого смертного, не ведая, что маленький механический народец – моравеки, новые союзники Ахиллеса, – припасли в ответ на божественные трюки собственные заклинания.

Аид, Арес и Гермес явились первыми, обрушились на боевые порядки троянцев и греков. Небо взорвалось. Силовые дуги полыхали огнем, так что вскоре ряды людей и богов превратились в купола, шпили и волны пламени. Море забурило. Маленькие зеленые человечки бросились к своим фелюгам. Зевсова эгида содрогалась и подергивалась видимой рябью, поглощая мегатонный натиск моравеков.

Ахиллес смотрел только на Ареса и его соратников – закованного в черную бронзу багровоокого Аида и черноокого Гермеса в шипастых багровых доспехах.

– Научим смертных смерти! – вскричал Арес, бог войны, двенадцати футов ростом, устремляясь на аргивян.

Аид и Гермес ринулись за ним. Все три божественных копья не могли пролететь мимо цели.

Но все-таки пролетели. Ахиллесу не суждено было умереть в тот день. Как и в любой другой – от руки бога.

Одно бессмертное копье задело сильную правую руку быстроногого мужеубийцы, но даже не царапнуло его до крови. Второе вонзилось в красивый щит, однако выкованный богом слой поляризованного золота его блокировал. Третье отскочило от блестящего шлема, не оставив вмятины.

Три бога принялись метать ладонями силовые молнии. Нанополя Ахиллеса стряхивали миллионы вольт, как собака стряхивает воду.

Арес и Ахиллес столкнулись, точно две скалы, в ту самую минуту, когда две рати сошлись. Земля задрожала, сотни троянцев, греков и богов попадали с ног. Арес первым отступил на шаг. Он поднял свой красный меч, чтобы обезглавить смертного выскочку.

Ахиллес нырнул под клинок и пропорол бога войны насквозь. Его меч рассек божественные латы, вскрыл олимпийский живот, и золотой ихор хлынул равно на смертного и бессмертного. Божественные внутренности вывалились на красную марсианскую почву. Изумление не дало Аресу упасть, ярость – умереть. Он просто смотрел, как его кишки, разматываясь, выскальзывают из живота на землю.

Ахиллес вскинул руку, ухватил Ареса за шлем, рывком потянул его вниз и вперед. Человеческая слюна брызнула на идеальное лицо бога.

– Сам попробуй смерть, трусливый истукан!

Потом, работая, словно рыночный мясник в начале долгого дня, он отрубил Аресу кисти, ноги выше колен и руки у плеч.

Черный ревуший циклон закружился вокруг тела; прочие боги смотрели ошалело, а голова Ареса продолжала вопить, даже когда Ахиллес уже отсек ее от туловища.

В ужасе от увиденного, но по-прежнему грозный, одинаково хорошо владеющий обеими руками, Гермес поднял второе копьё.

Ахиллес метнулся вперед так быстро, что все решили, будто он телепортировался, ухватил божественное копьё и рванул его на себя. Гермес потянул копьё назад. Аид махнул мечом, целя Ахиллесу по коленям, но тот, высоко подпрыгнув, избежал удара черной углеродистой стали.

Так и не сумев вырвать копьё, Гермес отпрыгнул назад и попытался квитироваться прочь.

Моравеки раскинули вокруг сражающихся свое поле. Никто не мог квант-телепортироваться, пока не закончится бой.

Гермес выхватил кривой и жуткий клинок. Ахиллес отрубил ему руку у локтя, и кисть, по-прежнему сжимавшая меч, упала на красную землю Марса.

– Пощады! – вскричал Гермес, бросаясь на колени и обнимая Ахиллеса за пояс. – Пощады, умоляю!

– Не дожدهшься, – сказал Ахиллес и разрубил бога на кучу дрожащих, истекающих ихором кусков.

Аид отступал; его багровые очи наполнились ужасом. Меж тем другие боги квитировались в ловушку сотнями. Их встречали Гектор с троянскими полководцами, Ахиллесовы мирмидонцы и все греческие герои. Защитное поле моравеков не позволяло богам квитироваться обратно. Впервые на чьей-либо памяти боги, полубоги, герои и смертные, ходячие легенды и рядовой состав бились, можно сказать, почти на равных.

Аид переместился в Медленное Время.

Планета перестала вращаться. Воздух сгустился. Волны застыли, круто изогнувшись над каменистым берегом. Птицы замерли на лету. Аид тяжело отдувался и рыгал. Никто из смертных не мог за ним последовать.

Ахиллес переместился в Медленное Время вслед за ним.

– Это... не... возможно... – прохрипел Аид в тягучей, точно сахарный сироп, атмосфере.

– Умри, Смерть! – крикнул Ахиллес и вонзил копьё своего отца Пелея в божественное горло под черными нащечными пластинами шлема; золотая струя ихора медленно хлынула в воздух.

Ахиллес оттолкнул в сторону изукрашенный черный щит Аида и пронзил мечом живот и позвоночник бога смерти. Умирая, Аид успел нанести удар, который расколол бы горы. Черное лезвие скользнуло по груди героя, не задев его. Ахиллесу не суждено было погибнуть в этот день – и ни в какой день от руки бессмертного. А вот Аиду суждено было умереть в этот день, пусть и временно по человеческим меркам. Он тяжело рухнул на землю, и чернота закружилась вокруг него, пока он не исчез в обсидиановом смерче.

Манипулируя новой нанотехнологией без всякого сознательного усилия, терзая и без того покоренные квантовые поля вероятностей, Ахиллес молниеносно покинул Медленное

Время и влился в битву. Зевс квитирировался с поля сражения. Другие олимпийцы бежали, от страха забыв поднять за собой эгиды. Магия моравеков, накачанная в кровь поутру, позволила Ахиллесу пробить их слабые энергетические щиты и устремиться в погоню по склонам Олимпа.

Тогда-то он и начал рубить богов и богинь по-настоящему.

Но это было в первые дни войны. Сегодня – через день после погребения Париса – ни один бог не вышел на бой.

Гектор – в Илионе, на троянской части фронта тихо; тысячами троянцев остался командовать младший брат Гектора Эней. Ахиллес совещается с ахейскими военачальниками, а также с моравекскими артиллеристами. Они обсуждают план атаки на Олимп.

Замысел прост. Ядерные и энергетические орудия моравеков активируют эгиду на нижних склонах, а тем временем Ахиллес и пять сотен лучших ахейцев на тридцати транспортных шершнях пробьются сквозь силовой щит примерно в тысяче лиг дальше, на другой стороне Олимпа, добегают до вершины и предадут богов огню и мечу в их собственных домах. Раненых ахейцев и тех, кто струсит биться в самой цитадели Зевса, шершни умчат обратно, как только исчезнет элемент неожиданности. Сам Ахиллес останется на вершине Олимпа, пока не превратит ее в покойницкую, а беломраморные храмы и жилища богов – в дымящиеся руины. В конце концов, когда-то, разгневавшись, Геракл в одиночку сокрушил стены Трои и захватил город, так отчего чертогам Олимпа быть нерушимыми?

Все утро Ахиллес ждал, что Агамемнон и его простоватый братец заявятся во главе оравы приспешников, чтобы вернуть себе власть над аргивской армией, снова втянуть людей в войну против людей и заручиться покровительством коварных, кровожадных богов. Однако бывший главнокомандующий с песьим взором и сердцем оленя пока не появился. Ахиллес решил убить его при первой же попытке мятежа. Его, рыжебородого юнца Менелая и любого, кто посмеет пойти за Атридами. Ахиллес уверен, что весть об обезлюдивших городах – всего лишь уловка Агамемнона, чтобы подстрекнуть трусливых данайцев к бунту.

Так что, когда центурион-лидер Меп Аху, роквек, отвечающий за артиллерию и энергетическую бомбардировку, отрывает взгляд от карты, которую они вместе изучают под шелковым навесом, и говорит, что его бинокулярное зрение различило странного вида армию, выходящую из Дыры со стороны Илиона, Ахиллес не удивляется.

Впрочем, он все же удивляется несколько минут спустя, когда Одиссей – самый зоркий среди командиров, собравшихся под хлопающим навесом, – говорит:

– Это женщины. Троянки.

– Хочешь сказать, амазонки? – переспрашивает Ахиллес, выступая под солнце Олимпа.

Час назад Антилох, сын речистого Нестора, старый друг Ахиллеса по бесчисленным схваткам, примчался на колеснице в ахейский стан, рассказывая всем и каждому о приезде тринадцати амазонок и клятве Пентесилеи убить Ахиллеса в единоборстве.

Быстроногий мужеубийца легко рассмеялся тогда, обнажив идеальные зубы. Можно подумать, он для того воевал десять лет, для того разбил десять тысяч троянцев и десятки богов, чтобы испугаться женской похвалы.

Одиссей качает головой:

– Их около двух сотен, и все в дурно пригнанных доспехах, сын Пелея. Это не амазонки. Они слишком толстые, низкорослые и старые, некоторые почти калеки.

– Изо дня в день, – ворчит Диомед, сын Тидея, владыка Аргоса, – нас затягивает все глубже в бездну безумия.

Тевкр, незаконнорожденный искусный лучник и единокровный брат Большого Аякса, говорит:

– Не выставить ли пикеты, благородный Ахиллес? Пусть остановят баб, какая бы дурь их сюда ни привела, и отведут обратно к ткацким станкам.

– Нет, – говорит Ахиллес. – Пойдем к ним навстречу, узнаем, что побудило женщин впервые пройти в Дыру к Олимпу и нашему лагерю.

– Может, они разыскивают Энея и своих троянских мужей, разбивших стан в нескольких лигах слева от нас? – предполагает Большой Аякс Теламонид, предводитель армии саламитов, которая этим марсианским утром защищает левый фланг мирмидонцев.

– Возможно. – В голосе Ахиллеса звучит насмешка, легкое раздражение, но ни капли убежденности.

Он идет вперед в бледных лучах марсианского дня, за ним тянутся ахейские цари, полководцы и самые верные воины.

Перед ними и впрямь беспорядочная толпа троянок. Ярдах в ста от них Ахиллес останавливается в окружении пятидесяти с чем-то героев и ждет. Женщины приближаются, лязгая бронзой и громко вопя. Быстроногий морщится: гогочут, словно гусыни.

– Видишь среди них кого-нибудь из благородных? – спрашивает Ахиллес у зоркого Одиссея, покуда они дожидаются, когда лязгающая толпа преодолеет последние ярдов сто разделяющей их багровой почвы. – Жену или дочь прославленного героя? Андромаху, Елену, неистовоющую Кассандру, Медезикасту или почтенную Кастианиру?

– Ни единой из них, – быстро отвечает Одиссей. – Достойных там нет, ни по рождению, ни по супружеству. Я узнаю одну лишь Гипподамию – рослую, с копьем и старым длинным щитом вроде того, что у Большого Аякса, – да и то лишь потому, что она гостила у нас на Итаке с мужем, дальностранствующим троянцем Тисифоном. Пенелопа водила ее по саду, а потом жаловалась: баба, дескать, кислая, как недозрелый гранат, и не умеет радоваться красоте.

Ахиллес уже и сам видит женщин.

– Сама она точно красотой не радуется, – говорит он. – Филоктет, ступай вперед, останови их и спроси, что им нужно на поле битвы с богами.

– А почему я, сын Пелея? – скулит престарелый лучник. – После вчерашней клеветы на погребении Париса не думаю, что мне следует...

Ахиллес оборачивается, строго глядит на него, и Филоктет умолкает.

– Я с тобой. Подсоблю, если что, – рокошет Большой Аякс. – Тевкр, давай с нами. Двое лучников и один искусный копейщик сумеют ответить этой ораве баб, даже если они станут еще страшнее, чем сейчас.

И все трое идут прочь от Ахиллеса и его спутников.

Дальнейшее происходит очень быстро.

Тевкр, Филоктет и Аякс останавливаются в двадцати шагах от запыхавшихся, с грехом пополам вооруженных женщин. Бывший предводитель фессалийцев и бывший изгнанник выступает вперед с легендарным луком Геракла в левой руке, подняв правую ладонь в знак мира.

Молодая женщина справа от Гипподамии швыряет копье. Это невероятно, немисливо, но оно попадает Филоктету – пережившему десять лет ядовитой язвы и гнев богов – прямо в грудь, чуть повыше легкого доспеха лучника. Острые проходит насквозь, рассекает позвоночник, и Филоктет безжизненно валится наземь.

– Убить суку! – в ярости кричит Ахиллес, устремляясь вперед и вытаскивая из ножен меч.

Тевкр, осыпаемый градом наудачу брошенных копий и плохо нацеленных стрел, не нуждается в подобных приказах. С неуловимой для смертного глаза быстротой он запускает руку в колчан, полностью натягивает тетиву и всаживает стрелу в горло убийце Филоктета.

Гипподамия с двумя или тремя десятками спутниц приближаются к Большому Аяксу. Одни потрясают пиками, другие неуклюже пытаются двумя руками поднять тяжелые мечи отцов, мужей или сыновей.

Аякс Теламонид всего лишь мгновение смотрит на Ахиллеса с некоторым даже весельем, затем поднимает свой длинный меч и, одним небрежным ударом отбросив меч и щит Гипподамии, сносит ей голову – как будто срубает сорняк во дворе. Другие женщины, остервеневшие настолько, что уже ничего не боятся, кидаются на двух воинов. Тевкр пускает стрелу за стрелой, целя в глазницы, бедра, колышущиеся груди, а несколькими секундами позже – в спины бегущих. Большой Аякс приканчивает тех, кому не достало ума удрать, – шагает между ними, точно взрослый среди малышни, оставляя за собой трупы.

К этому времени подбегают Ахиллес, Одиссей, Диомед, Нестор, Хромий, Малый Аякс, Антилох и другие, но около сорока женщин уже мертвы или умирают на алой земле, залитой алой кровью. Слышны мучительные вскрики. Остальные женщины бегут к Дыре.

– Во имя Аида, что это было? – говорит Одиссей, приближаясь к Большому Аяксу меж разбросанными телами, лежащими в изящных и не очень, но совершенно знакомых Одиссею позах, свидетельствующих о насильственной смерти.

Сын Теламона ухмыляется. Его лицо перепачкано, меч и доспехи залиты кровью.

– Не в первый раз убиваю женщин, – сообщает великан. – Но клянусь богами, впервые с таким удовольствием.

Из-за спин товарищей выходит, прихрамывая, Фесторид Калхас – верховный птицегадатель.

– Это нехорошо, – изрекает он. – Дурно это. Очень дурно.

– Заткнись, – обрывает его Ахиллес.

И глядит из-под ладони на Дыру, в которой как раз исчезают последние женщины; впрочем, вместо них оттуда появляется маленькая группа более крупных фигур.

– А это еще что? – спрашивает сын Пелея и богини Фетиды. – На кентавров похоже. Может, мой старый наставник и друг Хирон явился нам на подмогу?

– Нет, не кентавры, – отзывается зоркий и сообразительный Одиссей. – Другие женщины. Верхов.

– *Верхом?* – переспрашивает Нестор, щуря старческие глаза. – Не в колесницах?

– На лошадях, словно всадники из древних времен, – говорит Диомед; теперь он тоже их разглядел.

В нынешние времена никто не ездит верхом, коней запрягают в колесницы. Хотя однажды – еще до перемирия – Одиссей и Диомед во время ночной вылазки спаслись из пробуждающегося троянского стана, ускакав без седла на распряженных колесничных конях.

– Амазонки, – говорит Ахиллес.

15

Храм Афины. Тяжело дыша, с пунцовым лицом, Менелай надвигается на Елену. Та стоит на коленях, опустив бледное лицо и обнажив еще более бледные груди. Муж грозно нависает над ней. Поднимает меч. Ее белая шея, тонкая как тростинка, словно просится под удар. Многократно заточенное лезвие без усилия рассечет кожу, мясо, кости...

Менелай замирает.

– Не медли, супруг мой, – шепчет Елена почти без дрожи в голосе.

Менелай видит, как отчаянно бьется жилка у основания левой груди – тяжелой, в рисунке синих вен. Видит – и сжимает рукоять обеими руками.

Но пока не опускает клинка.

– Будь ты проклята, – хрипит Менелай. – Будь ты проклята.

– Да, – шепчет Елена, глядя в пол.

Над ними, в насыщенной благовониями мгле, по-прежнему висится золотое изваяние Афины.

Менелай с яростью душителя сжимает рукоять меча. Его руки дрожат от двойного напряжения – готовности обезглавить жену и усилия держать меч на весу.

– С чего мне тебя щадить, вероломная сука? – шипит он.

– Не с чего, муж мой. Я вероломная сука. И больше ничего. Покончи с этим. Исполни свой праведный приговор.

– *Не смей называть меня мужем*, чтоб тебе!

Елена поднимает голову. Об этих ее темных глазах Менелай грезил больше десяти лет.

– Ты мой муж. Единственный. И был им всегда.

От боли, пронзившей сердце, Менелай чуть не убивает ее. По его лбу стекает пот и капает на простое платье Елены.

– Ты бросила меня... Меня и нашу дочь... Ради этого... Хлыща. Молокососа.

– Да. – Елена вновь опускает лицо.

Менелай видит знакомую родинку на ее шее, как раз там, куда придется удар.

– Почему? – произносит он наконец.

Это последнее, что он скажет, прежде чем убьет изменщицу... или простит... или – то и другое сразу.

– Я заслуживаю смерти, – шепчет она. – За вину перед тобой, перед дочерью, перед нашей Спартой. Но я не по собственной воле покинула наш спартанский дворец.

Менелай стискивает зубы так, что и сам слышит их скрежет.

– Ты был далеко, – шепчет Елена, его жена, мучительница, вероломная сука, мать его ребенка. – Ты вечно куда-то уезжал со своим любимым братцем. На охоту. На войну. По бабам. На грабежи. Вы с Агамемноном были настоящей неразлучной четой, а я – свиноматкой. Когда Парис, этот хитрец, коварный, как Одиссей, но без его мудрости, взял меня силой, поблизости не оказалось мужа, что защитил бы свое.

Менелай тяжело дышит через рот. Меч как будто шепчет ему, словно живое создание, требуя крови. В голове режут бесчисленные голоса, почти заглушая тихие слова Елены. Один лишь призрак ее голоса мучил его четыре тысячи ночей, а теперь приводит в неистовство, выходящее за пределы безумия.

– Я раскаиваюсь, – говорит Елена, – хоть это теперь и не важно. Молю о прощении, но и это пустое. Сказать ли тебе, как часто в последние десять лет я поднимала меч или вязала петлю, однако мои рабыни, шпионки Париса, не давали исполнить задуманное, требуя думать не о себе, а о дочери. Похищение и долгий троянский плен были делом Афродиты, а не моим, о муж. Так освободи же меня могучим взмахом привычного меча. Убей меня, дорогой Менелай. Передай нашей дочери, что я любила ее и люблю по сей день. И знай, что я любила тебя и люблю.

Менелай с криком роняет меч, падает на колени рядом с женой и рыдает как дитя.

Елена снимает с него шлем, кладет ладонь ему на затылок и привлекает лицо мужа к своей обнаженной груди. Нет, она не улыбается. Ей не до улыбок. Короткая рыжая борода колется, слезы и жаркое дыхание обжигают грудь, на которой лежали Парис, Хокенберри, Деифоб и другие с тех давних пор, как Менелай касался ее в последний раз.

«Вероломная сука, – думает Елена Прекрасная. – Все мы такие».

Ей не приходит мысль, что это победа. Елена готова была умереть. Она ужасно, ужасно устала.

Менелай встает, сердито вытирает с рыжих усов слезы и сопли, поднимает с пола меч и толкает его обратно в ножны.

– Отбрось свой страх, жена. Что сделано, того не воротишь. На тебе вины нет, она на совести Париса и Афродиты. Там, возле алтаря, я видел одеяния храмовой девы. Возьми их, и мы навеки оставим этот проклятый город.

Елена встает, опирается, чтобы не упасть, на плечо мужа под львиной шкурой (раз она видела, как Диомед в этой шкуре рубил троянцев), молча надевает белый плащ и белое кружевное покрывало.

Они вместе выходят в город.

Ей трудно поверить, что она покидает Илион. После более чем десяти лет просто выйти из Скейских ворот, оставив все позади? А как же Кассандра? Их общие с Андромахой и другими замыслы? Война с богами, которую она помогла развязать? И даже как насчет бедного печального Хокенберри?

Душа ее взвивается к небу, словно отпущенная на волю храмовая голубка, когда Елена понимает, что это больше не ее заботы. Она отплывет в Спарту с законным мужем. Она скучала по Менелая, по его... простоте... И она увидит дочь, уже взрослую. Прошедшие десять лет превратятся в дурной сон. Она вступит в последнюю четверть жизни, такая же прекрасная, разумеется, по воле богов, не по своей. Ее приговор отсрочен во всех смыслах.

Муж и жена бредут по улице, точно во сне. Тут начинают звонить колокола, дозорные трубят в рога, кричат глашатаи. В городе разом поднимается тревога.

Менелай глядит на Елену из-под нелепого шлема с клыками вепря. Та смотрит на него сквозь покрывало храмовой девы. За несколько секунд они успевают прочесть в глазах друг друга и страх, и смятение, и даже мрачную усмешку над иронией происходящего.

Скейские ворота закрыты и заперты. Ахейцы снова напали на город. Троянская война продолжается.

Они в ловушке.

16

– А можно осмотреть корабль? – спросил Хокенберри, когда шершень вынырнул из голубого пузыря в кратере Стикни и начал подниматься навстречу красному диску Марса.

– Тот, что летит на Землю? – уточнил Манмут и, дождавшись кивка, произнес: – Конечно.

Моравек передал команду шершню, тот развернулся, обогнул пусковую башню и снова пошел вверх вдоль очень длинного, сочлененного космического судна, пока не поравнялся с люком ближе к верхушке.

Хокенберри хочет осмотреть корабль, по фокусированному лучу сообщил Манмут Орфу с Ио.

Мгновение на линии грохотали помехи, затем послышалось:

Ну и в чем загвоздка? Мы просим его рисковать жизнью в этом полете. Пусть поглядит, если ему интересно. Астиг/Че и прочие могли бы сами предложить небольшую экскурсию.

– Какова длина корабля? – вполголоса спросил Хокенберри.

Сквозь голографические окна ему казалось, что корпус уходит вниз на многие мили.

– В вашем двадцатом веке было такое здание – Эмпайр-стейт-билдинг. Корабль примерно такой же высоты, только круглее и толще местами.

Он точно не бывал в невесомости, передал Манмут. *Притяжение Фобоса его дезориентирует.*

Замещающие поля готовы, отпартовал Орфу. *Я устанавливаю их на восемь десятых g и нормальное земное давление. Пока вы доберетесь до переднего шлюза, на борту будет удобно и легко дышать.*

– А он не слишком велик для миссии, которую мы обсуждали? – спросил Хокенберри. – Даже если разместить тут сотни роквеков, все равно останется уйма лишнего места.

– Возможно, мы что-нибудь захотим прихватить с Земли, – ответил Манмут. *Орфу, ты где?*

Сейчас – в нижнем трюме, но я встречу вас в отсеке больших пориней.

– Что-нибудь вроде горных пород? Образцов почвы? – спросил Хокенберри.

Когда люди впервые высадились на Луну, он был подростком. Нахлынули воспоминания. Задний двор родительского дома. Крохотный телевизор на столе для пикника, провод удлинителя тянется к летнему домику. На экране – призрачные черно-белые снимки Моря Спокойствия. И где-то над головой, сквозь крону дуба, виден сам месяц.

– Что-нибудь вроде людей, – ответил Манмут. – Тысячи, а то и десятки тысяч человек. Держись, мы идем на стыковку.

Он беззвучно велел голографическим иллюминаторам отключиться. Стыковка с вертикальным корпусом под прямым углом на высоте более тысячи футов – зрелище не из приятных, тут у кого угодно голова закружится.

Во время осмотра Хокенберри почти не задавал вопросов, а говорил и того меньше. Он-то воображал технологии, превосходящие всякое воображение: виртуальные панели управления, исчезающие по мысленному приказу, кресла, сконструированные из энергетических полей, обстановку, рассчитанную на невесомость – без малейшего намека на верх или низ, – а вместо этого словно попал на гигантский пароход конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Внезапно он понял, на что это похоже. На экскурсию по «Титанику».

Все элементы управления были физические, из металла и пластика, как и кресла, рассчитанные, видимо, на команду из примерно тридцати моравеков (пропорции у них были не вполне человеческие), и отсеки с металло-нейлоновыми койками вдоль переборок. Целые уровни были заняты высокотехнологическими саркофагами для тысячи солдат-роквеков, которые, как объяснил Манмут, проведут все путешествие в состоянии не то чтобы смерти, но и не в сознании. В отличие от их полета на Марс, сказал моравек, теперь они отправляются вооруженными и готовыми к бою.

– Анабиоз, – кивнул Хокенберри.

Все-таки он иногда посматривал научно-фантастические фильмы. У них с женой под конец и кабельное телевидение было.

– Не совсем, – ответил Манмут. – Но типа того.

Вокруг были трапы, широкие лестницы, лифты и прочие механические анахронизмы. Шлюзовые камеры, лаборатории, оружейные отсеки... Мебель – да, здесь даже стояла мебель – была большой и громоздкой, как будто никого не заботил лишний вес. Из астрогационных пузырей управления открывался вид на борта кратера Стикни, вверх на Марс и вниз, на огни пусковой башни и суetyащихся моравеков. Имелись кают-компания, камбузы, спальные каюты и душевые. Все это, как торопливо объяснил Манмут, предназначалось для пассажиров-людей, буде они появятся.

– И сколько пассажиров-людей сюда влезет? – спросил Хокенберри.

– До десяти тысяч, – ответил Манмут.

Хокенберри присвистнул.

– Так это своего рода Ноев ковчег?

– Нет, – сказал маленький европейин. – Судно Ноя имело триста локтей в длину, пятьдесят в ширину и тридцать в высоту, что означает соответственно четыреста пятьдесят, семьдесят пять и сорок пять футов. У Ноева ковчега было три палубы общей вместимостью миллион четыреста тысяч кубических футов и грузоподъемностью тринадцать тысяч девятьсот шестьдесят тонн. Этот корабль в два с лишним раза длиннее, в полтора раза шире, хотя, как ты видишь, в некоторых секциях – жилой и грузовой – он раздувается еще больше, а его масса – сорок шесть тысяч тонн. Ноев ковчег был по сравнению с ним лодочкой.

Хокенберри не нашелся, что сказать в ответ.

Манмут пригласил его в маленькую стальную клетку лифта, и они начали спускаться палуба за палубой, мимо трюма, где, как объяснил Манмут, разместится его европейская подлодка «Смуглая леди», и того, что моравек назвал зарядным погребом. В этом сочетании Хокенберри почудилось что-то военное, но он убедил себя, что такого не может быть, да и вообще решил оставить вопросы на потом.

Орфу с Ио встретил их в машинном отделении, которое называл отсеком больших поршней. Хокенберри выразил радость, что видит ионийца с полным набором ног и сенсоров (хотя и без глаз), и они немного поговорили о Прусте и скорби, прежде чем экскурсия возобновилась.

– Даже не знаю, – начал наконец Хокенберри. – Вы как-то рассказывали о корабле, на котором летели с Юпитера, и я понимал, что речь о технологиях, превосходящих мое понимание. А здесь все выглядит... как будто...

Орфу громко зарокотал. Когда он заговорил, Хокенберри не в первый раз подумалось, что в голосе большого моравека звучат фальстафовские интонации.

– На твой взгляд, это, вероятно, напоминает машинное отделение «Титаника», – сказал Орфу.

– Ну да. А что, так и задумано? – Хокенберри очень старался не выставить себя еще большим невеждой, чем это было на самом деле. – Я хочу сказать, ваши моравекские технологии создавались на три тысячи лет позже «Титаника»... или даже моей смерти в начале двадцать первого века. Почему же вот это все?..

– Потому что корабль выстроен в основном по чертежам середины двадцатого столетия, – пророкотал Орфу с Ио. – Нашим инженерам требовалось что-нибудь быстрое и грубое, способное доставить нас на Землю как можно скорее. В данном случае примерно за пять недель.

– Однако вы с Манмутом говорили, что проскочили расстояние от Юпитера до Марса за считанные дни, – сказал Хокенберри. – Вы упоминали боровые солнечные паруса, термоядерные двигатели... много непонятных мне терминов. Тут такое есть?

– Нет, – ответил Манмут. – Тогда мы воспользовались энергией потоковой трубы Юпитера и линейным ускорителем на юпитерианской орбите – устройством, которое наши инженеры разрабатывали два с лишним столетия. Здесь, на марсианской орбите, ничего такого нет. Корабль пришлось строить с нуля.

– Но почему двадцатый век? – спросил Хокенберри, озираясь по сторонам.

Блестящие ведущие валы с гигантскими поршнями уходили под самый потолок, на высоту шестидесяти или семидесяти футов. Все это и впрямь походило на машинное отделение «Титаника» из фильма, только в увеличенном масштабе: больше поршней, больше сияющей бронзы, железа и стали. Больше рычагов. Больше клапанов. Что-то похожее на исполинские амортизаторы. И манометры, которые по виду измеряли давление пара в котле, а не что-то в термоядерном реакторе или чем-то таком. Пахло железом и машинным маслом.

– У нас были чертежи, – сказал Орфу. – Было сырье: что-то завезли с Пояса астероидов, что-то добыли здесь, на Фобосе и Деймосе. Были импульсные единицы...

Он запнулся.

– Что такое импульсные единицы? – спросил Хокенберри.

Болтун – находка для шпиона, передал по лучу Манмут.

Что я слышу? Ты хотел, чтобы я утаил от него их присутствие? – спросил Орфу.

Э-э-э... да. По крайней мере, пока мы не окажемся на миллионы миль ближе к Земле. Желательно с этим человеком на борту.

Он мог бы уже на взлете заметить необычный эффект и проявить любопытство, передал Орфу с Ио.

– Импульсные единицы – это... маленькие ядерные устройства, – сказал Манмут вслух. – Атомные бомбы.

– Атомные бомбы? – переспросил Хокенберри. – Атомные *бомбы*? На этом корабле? Сколько?

– Двадцать девять тысяч семьсот – в зарядном погребе, мимо которого вы проезжали в лифте по дороге сюда, – ответил Орфу. – Еще три тысячи восемь запасных – в хранилище под машинным отделением.

– Итого тридцать две тысячи атомных бомб, – тихо сказал Хокенберри. – А вы основательно подготовились к драке, ребята.

Манмут замотал красно-черной головой:

– Импульсные единицы нужны в качестве пропеллента. Чтобы доставить нас на Землю.

Хокенберри поднял ладони, показывая, что ничего не понял.

– Вот эти большие штуковины, похожие на поршни... они и есть поршни, – сказал Орфу. – Во время полета мы будем выталкивать бомбочки через отверстие в середине тяговой плиты у нас под ногами: по одной в секунду в течение первых часов, потом – по одной в час до конца полета.

– Импульсный цикл происходит следующим образом, – прибавил Манмут, – мы выбрасываем заряд (ты увидишь лишь облачко пара в космосе), впрыскиваем смазку, которая служит абляционной защитой плиты и сопла эжекторной трубы, бомба взрывается, и плазма ударяет в тяговую плиту.

– А она не развалится? – спросил Хокенберри. – Или весь корабль?

– Ни в коем разе, – ответил Манмут. – Ваши ученые разработали этот проект в пятидесятых. Плазма ударяет в плиту и приводит в движение огромные возвратно-поступательные поршни. Уже после нескольких сот взрывов корабль начнет набирать приличную скорость.

– А это?... – Хокенберри положил руку на датчик, который выглядел в точности как манометр для измерения давления пара.

– Манометр, измеряющий давление пара, – ответил Орфу с Ио. – Рядом с ним манометр давления масла. Выше – стабилизатор напряжения. Вы правы, доктор Хокенберри: инженер с «Титаника» в тысяча девятьсот двенадцатом году разобрался бы с устройством и управлением такого судна гораздо быстрее специалиста НАСА из вашего времени.

– Какова мощность бомб?

Сказать ему? – спросил Манмут.

Разумеется, ответил Орфу. *Поздно вато водить нашего гостя за нос.*

– Каждый заряд имеет мощность чуть более сорока пяти килотонн, – сказал Манмут.

– Сорок пять каждый, всего двадцать четыре тысячи с чем-то бомб... – пробормотал Хокенберри. – Оставят ли они радиоактивный след от Марса до Земли?

– Это довольно чистые бомбы, – сказал Орфу. – Для ядерных бомб, я имею в виду.

– Какого они размера? – спросил Хокенберри.

Он понял, что в машинном отделении, видимо, жарче, чем на остальном корабле. Подбородок, верхняя губа и лоб у него покрылись каплями пота.

– Давайте поднимемся на уровень выше, – сказал Манмут и направился к винтовой лестнице, достаточно широкой даже для Орфу. – Это проще показать.

Новое помещение – примерно сто пятьдесят футов диаметром и семьдесят пять высотой – почти целиком заполняли стойки с металлическими лотками, конвейерные ленты, храповые цепи и желоба. Манмут нажал огромную красную кнопку. Ленты, цепи, сортирующие устройства зажужжали, задвигались, перемещая сотни, а то и тысячи крохотных серебристых контейнеров, которые, на взгляд Хокенберри, выглядели банками кока-колы без этикеток.

– Такое впечатление, что мы внутри аппарата для продажи кока-колы, – неловко пошутил он, стараясь заглушить чувство обреченности.

– Компания «Кока-Кола», приблизительно тысяча девятьсот пятьдесят девятый год, – пророкотал Орфу с Ио. – Чертежи взяты с ее завода по розливу в городе Атланта, штат Джорджия.

– Бросаешь двадцать пять центов – получаешь баночку, – выдавил Хокенберри. – Только вместо колы сразу за хвостом корабля взрывается атомная бомба мощностью сорок пять кило-тонн. И так тысячи раз.

– Правильно, – согласился Манмут.

– Не совсем, – возразил Орфу с Ио. – Не забывайте, что речь о конструкции пятьдесят девятого года. Так что бросать нужно десять центов.

Иониец рокотал, пока серебристые банки на конвейерных лентах не задребезжали в своих металлических кольцах.

Уже в шершне, летящем к растущему диску Марса, Хокенберри обратился к Манмуту:

– Забыл спросить... У него есть имя? У корабля, в смысле?

– Да, – ответил Манмут. – Некоторые из нас решили, что имя нужно. Сначала подумывали назвать его «Орионом»...

– Почему? – спросил Хокенберри, наблюдая в иллюминатор, как за кормой стремительно исчезает Фобос, кратер Стикни и огромный космолет.

– Так ваши ученые середины двадцатого века называли проект корабля на бомбовом ходу. Однако в конце концов первичный интегратор, отвечающий за экспедицию к Земле, принял вариант, который предложили мы с Орфу.

– И какой же? – Хокенберри плотнее вжался в силовое кресло: шершень с ревом и шипением входил в марсианскую атмосферу.

– «Королева Маб», – сказал Манмут.

– «Ромео и Джульетта». Это было твоё предложение, угадал? Ты ведь у нас любитель Шекспира.

– Как ни странно, название предложил Орфу, – ответил Манмут.

Они были уже в атмосфере и летели над вулканами Фарсиды по направлению к Олимпу и бран-дыре в Илион.

– А при чем тут корабль?

Манмут покачал головой:

– Орфу не стал ничего объяснять. Лишь процитировал Астигу/Че и прочим отрывок из пьесы.

– Какой?

– Вот этот:

Меркуцио

Все королева Маб. Ее проказы¹⁰.

Она родоприемница у фей,

А по размерам – с камушек агата

В кольце у мэра. По ночам она

На шестерне пылинок цугом ездит

Вдоль по носам у нас, пока мы спим.

В колесах – спицы из паучьих лапок,

Каретный верх – из крыльев саранчи,

---

¹⁰ *Все королева Маб. Ее проказы.* – У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт I, сц. 4. Перев. Б. Пастернака. В оригинале экипаж королевы Маб везет «a team of little atomi», т. е. упряжка крохотных невидимых существ, однако для современного читателя это звучит как «упряжка атомов».

Ремни гужей – из ниток паутины,
И хомуты – из капелек росы.
На кость сверчка накручен хлыст из пены,
Комар на козлах – ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц.
Ее возок – пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц – жук и белка.
Она пересекает по ночам
Мозг любящих, которым снятся нежность,
Горбы вельмож, которым снится двор,
Усы судей, которым снятся взятки,
И губы дев, которым снится страсть.
Шалунья Маб их сыпью покрывает
За то, что падки к сладким пирожкам.

...И так далее и тому подобное, – закончил Манмут.

– И так далее и тому подобное, – повторил Томас Хокенберри, доктор филологических наук.

Олимп заполнял собою все носовые иллюминаторы. По словам Манмута, высота вулкана над уровнем марсианского моря составляла всего шестьдесят девять тысяч восемьсот сорок один фут – на пятнадцать тысяч футов меньше, чем считали люди во дни Хокенберри, но вполне внушительная... «Более чем достаточно», – подумал Хокенберри.

И там, на вершине – заросшей травой вершине, – под мерцающей эгидой, которая сейчас переливалась в лучах утреннего солнца, обитали живые существа. И не просто живые существа, а боги. Они воевали, дышали, ссорились, плели интриги, спаривались, не так уж сильно отличаясь от людей, знакомых Хокенберри по прошлой жизни.

И вдруг тяжелые тучи уныния, месяцами клубившиеся над головой Хокенберри, развеялись – как белые облака, которые сейчас уносил от вершины Олимпа северный ветер с океана, называемого морем Тетис. В этот миг Томас К. Хокенберри, д. ф. н., сполна ощутил простую и чистую радость быть живым. Отправится он в экспедицию или нет, он не поменялся бы местами ни с кем на каком угодно месте и в какой угодно эпохе.

Манмут повернул шершня к востоку от Олимпа, в сторону бран-дыры и Трои.

17

Пройдя силовое поле, окружавшее дом Одиссея на Итаке, Гера перенеслась напрямик на вершину Олимпа. Зеленые склоны и беломраморные здания с колоннами на берегу Кальдерного озера сияли в более слабых лучах более слабого солнца.

Поблизости материализовался колебатель земли Посейдон:

– Дело сделано? Громовержец уснул?

– Громовержец издает громовые раскаты своим храпом, – ответила Гера. – А на Земле?

– Все как мы задумали, о дочь Крона. Недели нашептываний и тайных советов Агамемнону и его военачальникам принесли плоды. Ахиллес, как всегда, бродит по красным долинам под нами, так что Атрид в эту минуту поднимает разгневанное большинство против мирмидонцев и других верных Ахиллесу войск, оставшихся в стане. Затем они направятся к стенам и открытым воротам Илиона.

– А троянцы?

– Гектор все еще отсыпается после ночного бдения у горящих костей брата. Эней по-прежнему здесь, у подножия Олимпа, но без Гектора никаких действий против нас не предпринимает. Деифоб с Приамом обсуждают намерения амазонок.

– А Пентесилея?

– Менее часа назад проснулась и облачилась в доспехи для смертного боя с Ахиллесом, и двенадцать ее спутниц тоже. Недавно они под приветственные крики горожан покинули город и только что миновали бран-дыру.

– Паллада Афина с ними?

– Я здесь. – Блистая золотыми латами, Афина материализовалась рядом с Посейдоном. – Пентесилея скачет навстречу своему року... и року Ахиллеса. Все смертные повсюду в смятении.

Гера пожала закованное в металл запястье богини:

– Знаю, как нелегко тебе пришлось, о сестра по оружию. Ахиллес от рождения был твоим любимчиком.

Паллада покачала головой в сияющем шлеме:

– Он мне уже не любимец. Этот смертный солгал, будто я убила Патрокла и похитила его тело. Он поднял меч на меня и на весь мой олимпийский род. Мне не терпится отправить его в сумрачный дом Аида.

– Меня страшит ярость Зевса, – вмешался Посейдон.

Его доспех оттенка зеленовато-синей глубоководной патины покрывали узоры из волн, рыб, каракатиц, левиафанов и акул. На шлеме отверстия для глаз были украшены боевыми клешнями крабов.

– Снадобье Гефеста заставит его ужасное величество храпеть без просыпа семь дней и семь ночей, – сказала Гера. – За это время нам необходимо достичь наших целей. Ахиллесу – изгнание или смерть, Агамемнону – власть над аргиевцами, Илиону – разрушение. Либо, по крайней мере, десятилетняя война должна возобновиться без всякой надежды на примирение. Когда Зевс проснется, мы поставим его перед фактами, которых ему не изменить.

– Но ярость его будет ужасна, – сказала Афина.

Гера рассмеялась:

– Ты *мне* будешь рассказывать о ярости Кронида? Да по сравнению с ним Ахиллес не гневался, а надул губки, как безбородый юнец, и пинал ногою камешки. Однако предоставь отца мне. Я как-нибудь разберусь с ним, когда мы исполним задуманное. Сейчас нам нужно...

Она не успела договорить. Вокруг, на лужайке перед Чертогом богов на берегу Кальдерного озера, начали возникать богини и боги. Летучие колесницы, влекомые голографическими жеребцами, приближались со всех сторон и опускались на склон одна за другой, так что вскоре вся лужайка заполнилась машинами. Бессмертные разделились на три группы. Одни вставали ближе к Посейдону, Гере, Афине и прочим защитникам греков, другие выстраивались за спиной мрачного Аполлона, главного поборника Трои: его сестра Артемида, за ней Арес и его сестра Афродита, их мать Лето, Деметра и все остальные, кто долгие годы сражался за Илион. Третьи не решались примкнуть ни к одной стороне. Вскоре вокруг уже теснились многие сотни божеств.

– Почему вы все здесь? – с картинным изумлением воскликнула Гера. – Неужто сегодня никто не охраняет бастионы Олимпа?

– Молчи, злокозненная! – прокричал Аполлон. – Не отрекайся, это твой план – погубить сегодня Илион. И никто не может найти владыку Зевса, чтобы тебе помешать.

– Ой, – сказала белорукая Гера. – Неужели сребролукий так напуган неведомыми событиями, что должен бежать к папочке?

Арес, бог войны, трижды возвращавшийся из целбно-воскресительного бака после поединков с Ахиллесом, выступил вперед и встал плечом к плечу с Фебом-Аполлоном.

– Женщина, – процедил сквозь стиснутые зубы грозный бог войны, принимая свой обычный боевой рост – пятнадцать футов с лишним. – Мы терпим тебя лишь из-за твоего кровосмесительного брака с нашим владыкой Зевсом. Иных причин у нас нет.

Гера издевательски рассмеялась.

– Кровосмесительный брак! – поддразнила она. – Забавно слышать такие слова от бога, который спит со своей сестрицей чаще, чем с любой иной богиней или смертной.

Арес вскинул длинную смертоносную пику. Аполлон натянул тетиву и нацелил стрелу. Афродита достала из-за спины маленький, но не менее убийственный лук.

– Поднимете ли вы руку на нашу царицу? – воскликнула Афина, закрывая Геру от нацеленных стрел и копья.

Все боги на лужайке при виде изготовленного оружия включили собственное защитное поле на максимальную мощность.

– Тебе ли о таком говорить! – рявкнул багроволицый Арес. – Какая дерзость! Забыла, как несколько месяцев назад подстрекала Диомеда, сына Тидея, ранить меня копьем! Или ты сама метнула в меня свое бессмертное копье и нанесла мне глубокую рану, думая, будто надежно укрыта маскирующим облаком?

Афина пожала плечами:

– Это было на поле битвы. Кровь ударила мне в голову.

– Кровь ударила в голову?! – взревел Арес. – Так ты оправдываешь свою попытку меня убить, бессмертная гадина?

– Скажи, где Зевс? – потребовал у Геры Аполлон.

– Разве я сторож мужу своему? – ответила белорукая Гера. – Хотя временами сторож бы ему не помешал.

– Где Зевс? – повторил сребролукий Аполлон.

– Зевсу не будет дела до людей и богов еще много дней, – ответила Гера. – А может, он и вовсе не вернется. Что случится дальше внизу, решим мы на Олимпе.

Аполлон вновь приладил на тетиву тяжелую, наводящуюся на тепло стрелу, но лука пока не поднял.

Фетида, морская богиня, nereida, дочь Нерея, Морского старца, бессмертная мать Ахиллеса от смертного Пелея, шагнула между двумя группами разгневанных богов. Она была без доспехов, в платье, расшитом узорами в виде ракушек и водорослей.

– Сестры, братья, кузены! – начала она. – Прекратим выказывать друг перед другом гордыню и вздорный нрав, пока не навредили сами себе, своим смертным детям и окончательно не рассердили всемогущего отца, который непременно вернется, где бы сейчас ни был, вернется с гневом на благородном челе и гибельными молниями в руках!

– Лучше заткнись! – заорал бог войны, беря копье наперевес. – Если бы ты не окунула свое плаксивое человеческое отродье в священную реку, чтобы сделать почти бессмертным, Илион одержал бы победу десять лет назад.

– Я никого не купала в реке. – Фетида выпрямилась в полный рост и скрестила на груди покрытые редкими чешуйками руки. – Не я, а Судьбы избрали моего милого Ахиллеса для великой участи. Когда он был младенцем, я, повинаясь их настоящему совету, вложенному в мои мысли, еженощно погружала его в Небесное пламя, дабы через боль и страдание – но даже тогда мой Ахиллес ни разу не закричал! – очистить ребенка от бранных частей отца. Ночами я жгла и обугливала его, днем смазывала почерневшее тельце амброзией, которой мы освежаем наши бессмертные тела, только благодаря тайной алхимии Судеб эта амброзия была еще действенной. И я сделала бы моего ребенка бессмертным, обеспечила бы ему беспримесную божественность, если бы за мной не подглядел мой смертный муж Пелей. Увидев, как его единственное дитя корчится в огне, он схватил младенца за пятку и вытащил из Небесного пламени за минуту до того, как процесс обожествления завершился бы окончательно. Потом,

глухой к моим возражениям, как любой муж, Пелей из самых добрых побуждений отнес нашего сына к Хирону – мудрейшему и наименее враждебному к людям кентавру, наставнику многих героев. Тот растил Ахиллеса, пользуя его травами и мазями, о которых ведают лишь кентавры-ученые, и питая печенью львов и костным мозгом медведей, дабы он вырос могучим мужем.

– Жалко, что твой ублюдок с самого начала не изжарился в огне, – заметила Афродита.

От этих слов Фетида обезумела и бросилась на богиню любви, хотя ничем не могла угрожать ей, кроме длинных ногтей, похожих на рыбы кости.

Хладнокровно, будто соревнуясь в меткости на дружеском пикнике за какой-нибудь глупый приз, Афродита натянула тетиву и пронзила стрелой левую грудь Фетиды. Та рухнула на траву, черная божественная субстанция заklubилась над ее телом, словно пчелиный рой. Никто не бросился нести ее к Целителю, в его баки с синими червями.

– Убийца! – грянуло из глубины, и сам древний Нерей, Морской старец, восстал из бездонной пучины кальдеры, куда удалился по собственной воле восемь месяцев назад, когда в его земные океаны вторглись люди и моравеки. – Убийца! – зычно повторило исполинское земноводное, вздымаясь над водой на добрых полсотни футов, потрясая мокрой бородой и заплетенными в косицы волосами, похожими на массу скользких извивающихся угрей. И Нерей запустил в Афродиту молнией чистой энергии.

Богиню любви отшвырнуло на сотню футов; сгенерированное божественной кровью защитное поле спасло ее от полного уничтожения, но не от ожогов и синяков, когда ее прекрасное тело снесло две огромные колонны перед Чертогом богов и пробило толстую гранитную стену.

Любящий брат Афродиты Арес метнул копье и попал Нерею в правый глаз. С оглушительным ревом, который могли услышать в Илионе, Морской старец вырвал наконечник вместе с глазным яблоком и скрылся в волнах, забурливших кровавой пеной.

Поняв, что началась Последняя Битва, Феб-Аполлон сориентировался прежде Афины и Геры и выпустил им в сердце наводящиеся по тепловому излучению стрелы. Даже бессмертному глазу было не уследить за тем, как Аполлон натягивал и спускал тетиву.

И все-таки неломаящиеся стрелы из титана, облученные собственными силовыми квантовыми полями, способными пробивать чужую защиту, застыли в воздухе. А потом расплавились.

Аполлон изумленно разинул рот.

Афина расхохоталась, запрокинув голову в сияющем шлеме:

– Высочка! Забыл, что, покуда Зевса нет, эгида запрограммирована подчиняться моим и Геры приказам?

– Ты первый начал, Феб-Аполлон, – тихо проговорила белорукая Гера. – Испытай же сполна проклятие Геры и гнев Афины.

Она легонько шевельнула пальцем – полутонная глыба, лежавшая у края воды, вырвалась из марсианской почвы и понеслась к Аполлону с такой скоростью, что дважды преодолела звуковой барьер, прежде чем угодить лучнику в висок.

Феб отлетел назад, бряцая и звеня золотом, серебром и бронзой, прокатился кувырком больше ста футов и остался лежать, разметав туго завитые кудри в пыли и озерной грязи.

Афина развернулась, метнула боевое копье, и оно упало на другой стороне Кальдерного озера. Над белым домом с колоннами, принадлежавшим Аполлону, вырос огненный гриб. Фонتان из несметных осколков гранита, мрамора и стали взметнулся на две мили в сторону гудящего силового поля над вершиной.

Сестра Зевса Деметра бросила в Афины и Геру ударную волну, которая лишь сотрясла воздух, без вреда обогнув пульсирующие эгиды богинь, зато Гефеста подкинула на сто ярдов и

швырнула далеко-далеко за вершину. Краснодоспешный Аид ответил лучом черного пламени, на пути которого плавилась и бесследно сгорали храмы, камни, земля, вода и воздух.

Девять муз завизжали и примкнули к шайке Ареса. С квитирававшихся ниоткуда колесниц заблестали молнии. Над Афиной взметнулась мерцающая эгида. Виночерпий Ганимед, бессмертный только на девять десятых, упал на ничейной земле и завыв от боли, когда божественное мясо задымилось на смертных костях. Дочь Океана Эвринома встала на сторону Афины, но сразу попала под атаку фурий. Хлопая крыльями, они набросились на нее, подобно громадным летучим мышам-кровососам. Эвринома лишь раз вскрикнула, и фурии унесли ее с поля боя за пылающие здания.

Олимпийцы кинулись врассыпную: кто в укрытие, кто к летучим колесницам. Некоторые квитиравались прочь, однако большинство собралось в отряды на разных берегах кальдеры. Энергетические поля полыхали алым, изумрудным, фиолетовым, голубым, золотым и мириадами других цветов, сплавляясь в единые боевые щиты.

Никогда в истории боги не воевали так – без милосердия, без жалости, без той профессиональной учтивости, какую обычно проявляли друг к другу, без твердой веры в воскресение от многочисленных рук Целителя, без упования на баки с червями, а что хуже всего – без вмешательства отца Зевса. Громовержец всегда был рядом; силой, уговорами, угрозами он хоть как-то сдерживал их вечную кровожадную вражду. Однако сегодня его здесь не было.

Посейдон квитиравался на Землю руководить ахейским разрушением Трои. Арес поднялся, истекая золотым ихором, и собрал вокруг себя шестьдесят верных Зевсу сторонников Илиона. Унесенный взрывом Гефест квитиравался обратно и распростер над полем битвы отравленный черный туман.

В следующие часы война богов охватила весь Олимп и докатилась до стен Трои. К заходу солнца вершина Олимпа полыхала, а часть Кальдерного озера выкипела, и теперь там бурлила лава.

18

Выезжая на бой с Ахиллесом, Пентесилея твердо знала: каждый год, месяц, день, час и минута ее жизни до этой секунды были только прелюдией к нынешнему триумфу. Все прежнее – обучение, успехи и поражения на поле битвы, каждый вздох и биение сердца – служило лишь подготовкой. В грядущие часы исполнится ее судьба. Либо она победит и Ахиллес погибнет, либо она погибнет и – что несравненно хуже – покроет себя позором и вскоре будет забыта.

Последний исход ее решительно не устраивал.

Проснувшись во дворце Приама, Пентесилея ощутила радость и прилив сил. Она неспешно приняла ванну, а когда одевалась, стоя перед полированным металлическим зеркалом в гостевом покое, долго и с редкостным для себя вниманием разглядывала свое лицо и тело.

Амазонка знала, что прекрасна по самым строгим меркам женщин, мужчин и богов, но душу воительницы это ничуть не трогало. Однако сегодня, неторопливо надевая выстиранное платье и сверкающие латы, она позволила себе полюбоваться собственной красотой. В конце концов, думала она, это будет последнее, что увидит быстроногий мужеубийца Ахиллес, прежде чем его глаза закроются навеки.

Амазонке было лет двадцать пять; большие зеленые глаза на ее девичьем личике казались еще больше в обрамлении коротко стриженных золотых кудрей. Губы, розовые и сочные, редко приоткрывались в улыбке. В металлическом зеркале отражалось тело, загорелое и мускулистое от долгих часов охоты, плавания и упражнений под солнцем, но ни в коем случае не худощавое. Застегивая пряжку серебряного пояса на стройной талии, Пентесилея чуть сердито надула губки при взгляде на свои полные женские бедра. Грудь у нее были круглее и выше, чем у

большинства женщин, даже амазонок, а соски – скорее розовые, чем коричневые. Она до сих пор оставалась девственницей и намеревалась хранить целомудрие до конца дней. Пусть старшая сестра – Пентесилея скривилась при мысли о гибели Ипполиты – поддалась на мужские уловки, разрешила увлечь себя в рабство, чтобы рожать детей какому-то волосатому самцу. Пентесилея никогда до такого не унижится.

Одеваясь, она достала серебряный флакон в форме граната и натерлась волшебным бальзамом – над сердцем, у основания горла и над вертикальной полоской золотистых волос на лобке. Так повелела богиня Афродита, явившаяся ей на следующий день после того, как Афина Паллада впервые заговорила с амазонкой и отрядила ее на подвиг. Афродита сказала, что сама подобрала состав этого бальзама, более мощного, чем амброзия, чтобы аромат действовал на Ахиллеса – и только на него, – внушая ему неодолимое вожделение. Теперь у Пентесилеи было два секретных оружия: копье Афины, быющее без промаха, и бальзам Афродиты. Пентесилея рассчитывала нанести Ахиллесу смертельный удар, когда тот будет стоять, охваченный похотью.

Одна из амазонок – скорее всего, верная Клония, – прежде чем отойти ко сну, начистила царицыны доспехи, и теперь бронза и золото блестели в металлическом зеркале. Обычно Пентесилея брала на битву лук, колчан с безупречно прямыми, оперенными красным стрелами, меч – короче мужского, но идеально сбалансированный и столь же опасный в ближнем бою, – и обоюдоострый боевой топор, любимое оружие амазонок. Но только не сегодня.

Она подняла копье – подарок Афины. Оно казалось почти невесомым, готовым лететь в цель. Длинный наконечник – не бронзовый и даже не железный, а выкованный из некоего особого олимпийского металла – ничто не могло затупить или остановить. Его кончик, объяснила Афина, смазан самым опасным ядом, какой только знают боги. Одна царапина на смертной пятке Ахиллеса – и яд проникнет в сердце героя, так что в следующие же секунды он упадет, а еще через несколько мгновений будет в Аиде. Древко гудело в руке, словно, как и сама амазонка, рвалось пронзить Ахиллеса, наполнить его глаза, рот и легкие смертной мглой.

Афина поведала Пентесилею об источнике мнимой неуязвимости Ахиллеса, рассказала, как Фетида пыталась сделать ребенка бессмертным, а Пелей вытащил сына из Небесного пламени. «Пята у Ахиллеса – смертная, – шептала Афина, – ее квантовые вероятности не изменены...» Последних слов Пентесилея не поняла, но уяснила главное: она убьет мужеубийцу – а также убийцу женщин, насильника, сгубившего множество дев и жен в почти двух десятках городов, которые он со своими мирмидонцами захватил, покуда другие ахейцы почивали на лаврах. Даже в дальних землях амазонок на севере юная Пентесилея слышала, что Троянских войн было две: ахейцы осаждали Илион, часто прерываясь на пиры и безделье, а тем временем Ахиллес уже десять лет нес разрушения по всей Малой Азии. Семнадцать городов пали под его натиском.

Теперь пришел его черед пасть.

Пентесилея с двенадцатью подругами выехали из города, охваченного смятением и тревогой. Глашатаи кричали со стен, что Агамемнон и его полководцы собрали большое войско. По слухам, греки вознамерились вероломно напасть, покуда Гектор спит, а храбрый Эней стоит со своим войском по другую сторону Дыры. Пентесилея заметила, что по улицам бесцельно бродят женщины в мужских доспехах не по росту, словно притворяясь амазонками. Дозорные на стенах затрубили в трубы, и великие Скейские ворота захлопнулись за всадницами.

Не обращая внимания на троянских воинов, которые торопливо строились в боевые порядки на равнине между городом и ахейским станом, Пентесилея повела соратниц на восток, к Дыре, которую уже видела по пути к Илиону, и все равно при этом зрелище сердце ее забилося учащенно. Перед нею высился идеально ровный двухсотметровый круг, вырезанный в зимнем небе и на четверть уходящий в каменистую землю к востоку от города. С севера и с востока никакой Дыры не было – это Пентесилея знала, поскольку приехала с той стороны.

Город и море просматривались полностью, без какого-либо намека на волшебный портал. И только с юго-запада Дыра становилась видна.

Ахейцы и троянцы – по отдельности, но не сражаясь между собой – торопливо выходили из Дыры длинными рядами, как пешим строем, так и на колесницах. Пентесилея заключила, что им поступили приказы из Илиона и из лагеря Агамемнона – покинуть передовую линию битвы с богами, дабы продолжить войну между собой.

Ее это не занимало. Она стремилась к единственной цели – убить Ахиллеса, и горе тому ахейцу или троянцу, что встанет у нее на пути! Она уже отправила в Аид легионы мужей и готова была, если потребуется, отправить туда еще легион.

Ведя двойную колонну верховых амазонок через Дыру, она задержала дыхание, однако почувствовала лишь странную легкость да еле заметную смену освещения, а когда наконец перевела дух, воздух показался ей более разреженным, словно на вершине горы. Конь тоже как будто почувствовал перемену и сильно натянул поводья, однако Пентесилея твердой рукой направила его вперед.

Она не могла отвести глаз от Олимпа. Вулкан заполнял собою весь западный горизонт... или нет, весь мир... нет, он и был миром. Прямо впереди, за маленькими отрядами людей и моравеков, на красной почве вроде бы лежали чьи-то тела, но амазонка внезапно утратила интерес ко всему, кроме Олимпа. За двухмильными отвесными обрывами у подножия обители богов начинался десятимильный склон, уходящий все выше, и выше, и выше...

– Царица...

Голос доносился как будто издалека и принадлежал Бремусе, ближайшей после Клонии помощнице Пентесилеи, однако амазонка не обращала на него внимания, как не обращала внимания на прозрачный океан справа от себя и ряд огромных каменных голов на берегу. Все бледнело на фоне колоссального Олимпа. Пентесилея чуть откинулась в седле, чтобы проследить взглядом горные склоны, уходящие выше, выше, выше и еще бесконечно выше в бледное голубое небо и за его пределы...

– Царица.

Пентесилея повернулась одернуть Бремусу, но увидела, что все ее спутницы остановили коней. Царица тряхнула головой, будто прогоняя остатки сна, и поскакала обратно к ним.

Только сейчас Пентесилея осознала, что все время, покуда она смотрела на Олимп, они проезжали мимо женщин. Те кричали, бежали, истекали кровью, спотыкались, рыдали, падали. Клония спешилась и положила себе на колено голову одной из несчастных, – казалось, та облачена в странное багровое одеяние.

– Кто? – спросила Пентесилея, глядя вниз как будто с огромной высоты.

Внезапно она поняла, что вот уже милю ехала мимо разбросанных окровавленных доспехов.

– Ахейцы, – прохрипела умирающая. – Ахиллес...

Если прежде на ней и были доспехи, они ее не спасли. Ей отсеки обе груди, сама она была почти голая, а то, что казалось багровым одеянием, было на самом деле ее кровью.

– Отвезите ее в... – начала Пентесилея и умолкла, потому что женщина испустила дух.

Клония забралась на лошадь и вернулась на свое всегдашнее место справа от Пентесилеи. Царица ощущала ярость, идущую от старой боевой подруги, словно жар от костра.

– Вперед! – сказала Пентесилея и прищипорила коня.

Топор был закреплен у нее на передней луке, в правой руке она держала копье Афины. Амазонки галопом проскакали последние четверть мили до ахейцев. Те грабили трупы других убитых женщин. В разреженном воздухе ясно слышался мужской смех.

Здесь пали примерно сорок женщин. Пентесилея пустила коня шагом, однако две колонны амазонок вынуждены были нарушить строй. Кони, даже боевые, не любят ступать по

трупам, а тела – исключительно женские – лежали так часто, что лошадям приходилось осторожно выбирать, куда поставить копыто.

Мародеры подняли головы. Пентесилея насчитала над женскими телами около сотни ахейцев, но никого из прославленных героев среди них не было. Амазонка посмотрела дальше и разглядела ярдах в пятистах-шестистах отряд благородных воинов, шагающих обратно к ахейской армии.

– Гляди-ка, опять бабы, – заметил самый паршивый из греков, сдиравших доспехи с убитых женщин. – Да еще и лошадей нам привезли!

– Как твое имя? – спросила Пентесилея.

Грек осклабился, показав редкие гнилые зубы:

– Меня зовут Молион, и я как раз ломаю голову, когда тебя отыметь: до того, как убью, или после?

– Трудная задача для куцего умишки, – невозмутимо ответила амазонка. – Знала я одного Молиона, друга Тимбрея. Правда, он был троянцем. И, кроме того, живым человеком. А ты всего-навсего дохлый пес.

Молион зарычал и схватился за меч.

Пентесилея, не спешиваясь, взмахнула боевым топором и снесла негодюю голову. Затем она пришпорила могучего жеребца, и еще трое ахейцев погибли под копытами, еле успев поднять щиты.

Амазонки с нечеловеческими воплями устремились в бой. Действуя точно и уверенно, будто жнецы с серпами на пшеничном поле, они топтали врагов конями, рубили сплеча и пронзали копьями. Те, кто не обратился в бегство, пали мертвыми. Тех, кто бежал, убили. Пентесилея собственноручно уложила по меньшей мере семерых.

Ее подруги Эвандра и Фермодоса догнали последнего из бегущих ахейцев – особенно безобразного мерзавца, сказавшего, что его зовут Терсит. Он жалобно скулил, моля о пощаде.

К изумлению соратниц, Пентесилея велела его отпустить.

– Скажи Ахиллесу, Диомеду, Аяксам, Одиссею, Идоменею и прочим аргивским героям, которые, как я вижу, смотрят на нас вон с того холма, – зычно провозгласила она, – что я, Пентесилея, царица амазонок, дочь Ареса, любимая Афиной и Афродитой, явилась, дабы оборвать жалкую жизнь Ахиллеса. Скажи, что я сражусь с Ахиллесом в поединке, если он согласен, но если они настаивают, мы с подругами убьем их всех. Иди, передай мое послание.

Безобразный Терсит убежал так быстро, как только могли нести его дрожащие ноги.

Ближайшая соратница Пентесилеи, некрасивая, зато беззаветно отважная Клония, подъехала ближе:

– Что ты такое молвишь, царица? Мы не можем дать бой всем ахейским героям. Каждый из них – легенда. Вместе они непобедимы, и никаким тринадцатью амазонками из рождавшихся на свет их не одолеть.

– Спокойствие и решимость, сестра моя, – ответила Пентесилея. – Залог нашей победы – воля богов. Когда падет Ахиллес, остальные ахейцы побегут, как бежали от Гектора и простых троянцев после гибели либо ранения куда меньших военачальников. И тогда мы развернем коней, проскачем через треклятую Дыру и сожжем их корабли, прежде чем так называемые герои устремятся за нами.

– Мы последуем за тобою на смерть, царица, – прошептала Клония, – так же как прежде шли к славе.

– И вновь стяжаете славу, любезная сестра, – ответила Пентесилея. – Гляди, этот крысomorphicный пес Терсит передал наше послание и ахейские вожди уже двинулись к нам. Видишь, латы Ахиллеса блестят ярче остальных. Сойдемся же с противником на поле битвы.

Она пришпорила коня, и тринадцать амазонок галопом поскакали в сторону Ахиллеса и ахейцев.

19

– Что еще за голубой луч? – спросил Хокенберри.

Они с Манмутом обсуждали исчезновение человечества, населявшего Землю троянской эпохи, за пределами двухсотмильного радиуса от Трои.

– Голубой луч бьет в небо из Дельф на Пелопоннесе, – сказал моравек, ведя шершня к Марсу, Олимпу и бран-дыре. – Он появился в тот день, когда исчезли все остальные люди. Мы полагали, что луч состоит из тахионов, но теперь в этом не уверены. Есть гипотеза... только лишь гипотеза... что всех остальных людей свели к их базовым струнным компонентам Калаби-Яу, закодировали и запустили в межзвездное пространство.

– Луч бьет из Дельф? – переспросил Хокенберри.

Он понятия не имел о тахионах и компонентах Калаби-чего-то, зато много знал о Дельфах и тамошнем оракуле.

– Да, и я могу его тебе показать, если у тебя будет перед возвращением минут десять, – ответил Манмут. – Самое странное, что с современной Земли, куда мы скоро полетим, бьет похожий луч, но из Иерусалима.

– Из Иерусалима, – повторил Хокенберри и вцепился в невидимые подлокотники невидимого силового кресла, поскольку шершень резко забрал вниз, направляясь к Дыре. – Лучи уходят в атмосферу? В космос? Куда?

– Мы не знаем. Похоже, определенной цели вообще нет. Лучи существуют длительное время и, разумеется, вращаются вместе с Землей, однако они ведут за пределы Солнечной системы – обеих Солнечных систем, причем ни один вроде бы не нацелен на конкретную звезду, звездное скопление или галактику. Однако голубые лучи двунаправленные. То есть поток тахионной энергии возвращается в Дельфы и, надо полагать, в Иерусалим, следовательно...

– Постой, – перебил Хокенберри. – Ты видел?

Они как раз проскочили сквозь бран-дыру под самым сводом верхней арки.

– Да, – ответил Манмут. – Только мельком и смазанно, но, похоже, на передовой войны с богами возле Олимпа люди сражались с людьми. И погляди вперед.

Моравек увеличил изображение в голографических иллюминаторах. Под стенами Илиона греки сражались против троянцев. Скейские ворота были закрыты – впервые за последние восемь месяцев.

– Господи Иисусе, – прошептал Хокенберри.

– Да.

– Манмут, можно вернуться туда, где мы впервые увидели сражение? На марсианскую сторону бран-дыры? Там что-то странное.

Его смутили всадники – очень маленький отряд, – нападавшие, по всей видимости, на пехотинцев. Ни у троянцев, ни у ахейцев конницы не было.

– Конечно, – ответил Манмут и круто развернул шершня.

Они вновь понеслись к Дыре.

Манмут, меня слышно? – донесся по фокусированному лучу голос Орфу, переданный сквозь Дыру через установленные в ней ретрансляторы.

Громко и отчетливо.

Доктор Хокенберри еще с тобой?

Да.

Оставайся на связи по фокусированному лучу. Не дай ему догадаться о нашем разговоре. Вы заметили что-нибудь необычное?

Да. Теперь вот летим проверить. На марсианской стороне бран-дыры кавалерия атакует аргивских гоплитов. На земной – греки воюют с троянцами.

– А нельзя как-нибудь замаскировать этого шершня? – спросил Хокенберри, когда они зависли в двухстах футах над конниками (тех было около дюжины, а пеших – человек пятьдесят). – Сделать его не таким приметным? Чтобы поменьше бросался в глаза?

– Конечно. – Манмут активировал полную стелс-маскировку и замедлил шершня.

Нет, я не о том, чем занимаются люди, передал Орфу. С браной ничего странного не происходит?

Манмут не только посмотрел глазами в широком спектре, но и подключился ко всем инструментам и сенсорам шершня.

Вроде бы все нормально, передал он.

– Давай приземлимся за спинами Ахиллеса и прочих ахейцев, – попросил Хокенберри. – Можем мы это сделать? Тихонько?

– Конечно, – ответил Манмут.

Он беззвучно посадил шершня футах в тридцати от аргивян. Со стороны главного войска приближался еще греческий отряд. Манмут видел среди людей нескольких роквеков и различил центурион-лидера Мепу Аху.

Нет, не нормально, передал Орфу. Наши приборы уловили бурные флуктуации в бран-дыре и остальном мембранном пространстве. Плюс что-то происходит на вершине Олимпа: квантовые и гравитационные показатели зашкаливают. Мы получаем свидетельства ядерных, водородных, плазменных и других взрывов. Однако сейчас нас больше всего беспокоит бран-дыра.

Каковы параметры аномалии? – спросил Манмут.

Долгие годы плавая на подлодке подо льдами Европы, он так и не удосужился изучить ни W-теорию, ни предшествовавшие ей M-теорию и теорию струн. Большую часть того, что Манмут знал теперь, он скачал у Орфу и из главных банков информации на Фобосе, чтобы хоть отчасти разобраться в дырах, которые помог создать между Поясом астероидов и Марсом – а также этой альтернативной Землей, – и понять, отчего все браны, кроме одной, в последние месяцы исчезли.

Сенсоры Строминджера-Ваффы-Сасскинда-Сена дают коэффициенты БПЗ, указывающие на рост дисбаланса между минимальной массой и зарядом браны.

БПЗ? – повторил Манмут.

Он догадывался, что дисбаланс заряда и массы – дурной знак, но не мог бы объяснить почему.

Богомольный, Прасад, Зоммерфельд, передал Орфу тоном, который прозрачно намекал: «Хоть ты и дурачок, а все равно мне нравишься». Пространство Калаби-Яу рядом с тобой претерпевает конифолдный переход¹¹.

– Отлично! – Хокенберри выскользнул из невидимого кресла и кинулся к опускающемуся трапу. – Чего бы я только не дал за прежнее снаряжение схолиаста: морфобраслет, остронаправленный микрофон, левитационную сбрую... Ты со мной?

– Да, сейчас, – проговорил Манмут. *Ты хочешь сказать, брана утрачивает стабильность?*

Я хочу сказать, что она схлопнется в любую секунду. Всем роквекам и моравекам в окрестностях Илиона и на побережье приказано срочно рвать когти. Мы думаем, что они

---

¹¹ Пространство Калаби-Яу рядом с тобой претерпевает конифолдный переход. – Конифолдный переход в теории струн – процесс, при котором пространство разрывается в непосредственной близости от конифолдной (имеющей коническую форму) сингулярности на многообразии Калаби-Яу и затем восстанавливается способом, который меняет топологию исходного многообразия, так что различные многообразия Калаби-Яу (многомерные пространства, которые, согласно теории струн, присутствуют в каждой точке четырехмерного пространства-времени) могут быть связаны посредством конифолдного перехода.

успеют загрузить оборудование, однако шершни и челноки вылетят в ближайшие десять минут со скоростью примерно три Маха. Приготовься к звуковым ударам.

Но тогда Илион останется без защиты. Олимпийцы смогут атаковать с воздуха либо квитируются в город! Манмута ужаснула мысль, что они бросают своих троянских и греческих союзников.

Это уже не наша забота, ответил Орфу. Астиг/Че и другие первичные интеграторы отдали приказ о немедленной эвакуации. Если эта дыра закроется – а так и будет, друг мой, поверь мне, – мы потеряем восемьсот техников, ракетчиков и всех прочих на земной стороне. Им уже велено отступать. Они и без того сильно рискуют, пакуя снаряды, энергетические излучатели и остальное тяжелое вооружение, однако интеграторы не хотят оставлять это все, пусть даже отключенное.

Я могу что-нибудь сделать?

Глядя в открытый люк на Хокенберри, бегущего к Ахиллесу и его людям, Манмут ощутил тоскливую беспомощность. Если бросить схолиаста, тот может погибнуть в бою. Если не улететь через Дыру прямо сейчас, другие моравеки, возможно, окажутся навсегда отрезанными от своего реального мира.

Погоди, я спрошу интеграторов и генерала Бех бен Ади, ответил Орфу. Через несколько мгновений по фокусированному лучу раздалось: *Оставайся пока на месте. Через твои объективы нам удобнее всего наблюдать за Браной. Можешь направить все сигналы на Фобос, выйти из корабля и добавить к каналу свою визуальную информацию?*

Да, это я могу.

Манмут снял с шершня покров невидимости, не желая, чтобы приближающаяся толпа греков и роквеков нечаянно в него врзалась, и поспешил вниз по трапу вслед за товарищем.

Хокенберри шагал к ахейцам, чувствуя, как сердце наполняет ощущение нереальности, смешанное со стыдом. «Это моя вина. Если бы восемь месяцев назад я не принял вид Афины и не похитил Патрокла, Ахиллес не объявил бы войну богам и ничего этого не случилось бы. Каждая капля крови, которая прольется сегодня, останется на моей совести».

Ахиллес первым отвернулся от приближающихся всадников и приветствовал его:

– Здравствуй, Хокенберри, сын Дуэйна.

Всадниц (теперь Хокенберри разглядел, что все они – женщины в сияющих латах) дожидались примерно пятьдесят ахейцев. Хокенберри узнал Диомеда, Большого и Малого Аясов, Идомею, Одиссея, Подарка с его юным приятелем Мениппом, Сфенела, Эвриала и Стихия. Хокенберри изумило присутствие косоглазого и хромононого Терсита. В обычное время быстроногой мужеубийца и на милю не подпустил бы к себе этого обирателя трупов.

– Что происходит? – спросил Хокенберри.

Рослый златокудрый полубог пожал плечами:

– Чудной сегодня выдался день, сын Дуэйна. Сначала бессмертные отказались выйти на бой. Потом на нас напала орава троянок, и Филоктет погиб от брошенного ими копья. Теперь сюда скачут амазонки, убивая наших людей, – по крайней мере, так говорит эта грязная крыса.

Амазонки!

Торопливо подошел Манмут. Большинство ахейцев уже привыкли к виду маленького моравека и, едва удостоив создание из металла и пластика беглым взглядом, снова повернулись к отряду всадниц.

– В чем дело? – спросил Манмут по-английски.

Вместо того чтобы ответить на том же языке, Хокенберри процитировал:

*Ducit Amazonidum lunatis agmina peltis,
Penthesilea furens, mediisque in milibus ardet,*

*aurea sunectens exwerta cingula mammae
bellatrix, audetque viris concurrere virgo.*

– Не заставляй меня загружать латынь, – сказал Манмут.

Огромные кони остановились менее чем в пяти ярдах от них. Над ахейцами повисло облако пыли.

– «Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолуния, – перевел Хокенберри, – Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом, груди нагие она золотой повязкой стянула, дева-воин, вступить не боится в битву с мужами»¹².

– Просто прекрасно, – ехидно произнес маленький моравек. – Но латынь... Полагаю, это не Гомер?

– Вергилий, – шепнул Хокенберри во внезапной тишине, в которой звук, с которым одна из лошадей переступила копытами, казался оглушительным. – Нас непонятным образом занесло в «Энеиду».

– Просто прекрасно, – повторил Манмут.

Роквеки загрузили почти всю технику и будут готовы взлететь с земной стороны минут через пять или меньше, сообщил Орфу. Кстати, тебе нужно знать еще кое-что. «Королева Маб» стартует раньше намеченного срока.

Насколько раньше? – с упавшим полуорганическим сердцем спросил Манмут. *Мы обещали Хокенберри двое суток на размышления и переговоры с Одиссеем.*

Что ж, теперь у него меньше часа, сообщил Орфу с Ио. Минут за сорок мы успеем накачать всех роквеков препаратами, распахать их по полкам и убрать оружие в хранилища. К тому времени вы оба должны либо вернуться, либо остаться.

А как же «Смуглая леди»? Манмут подумал, что даже не испытал многие из рабочих систем своей подлодки.

Ее уже грузят в отсек, передал Орфу с «Маб». Я чувствую, как сотрясается корабль. Закончишь свои проверки по дороге. Не тяни там, друг мой.

Линия затрещала, потом зашипела и умолкла.

Из-за спин воинов всего в одном ряду за жидкой передовой линией Хокенберри видел, насколько огромны скакуны амазонок. Словно першероны или будвайзеровские лошади¹³. Их было тринадцать, и Вергилий, земля ему пухом, оказался прав: доспех амазонок оставлял левую грудь нагой. Что ж, это здорово... отвлекало.

Ахиллес выступил на три шага вперед. Теперь он стоял так близко от коня белокурой царицы, что мог бы погладить его по морде, однако не стал этого делать.

– Чего ты хочешь, женщина? – спросил он; для такого мускулистого великана у него был необычно мягкий голос.

– Я Пентесилея, дочь бога войны Ареса и царицы амазонок Отреры, – объявила красавица из высокого седла. – И я хочу твоей смерти, Ахиллес, сын Пелея.

Ахиллес запрокинул голову и рассмеялся – настолько легко и беззаботно, что Хокенберри внутренне содрогнулся.

– Ответь мне, женщина, – мягко спросил Ахиллес, – как ты осмелилась бросить вызов нам, самым славным героям эпохи, воинам, взявшим в осаду Олимп? Многие из нас ведут род от самого Зевса Кронида. Ты в самом деле решила сражаться с нами, женщина?

---

¹² «Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолуния... Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом, груди нагие она золотой повязкой стянула, дева-воин, вступить не боится в битву с мужами». – Вергилий. Энеида. Кн. 1. Перев. С. Ошерова.

¹³ Словно першероны или будвайзеровские лошади. – Будвайзеровские лошади – тяжеловозы шотландской породы клейдесдаль, принадлежащие Будвайзеровской пивоварне, символ ее марки.

– Другие могут уйти, если хотят жить, – так же спокойно, но громче ответила Пентесилея. – Я не намерена биться ни с Аяксом Теламонидом, ни с сыном Тидея, ни с отпрыском Девкалиона, ни с Лаэртидом, ни с любым другим из собравшихся здесь. Только с тобой.

Перечисленные мужи – Большой Аякс, Диомед, Идомей и Одиссей – недоуменно округлили глаза, посмотрели на Ахиллеса и разом расхохотались. Остальные ахейцы подхватили их смех. Между тем с тыла приближались пять или шесть десятков ахейцев и с ними рокрек Меп Аху.

Хокенберри не заметил, как Манмут плавно повернул голову, и не знал, что центурион-лидер Меп Аху по фокусированному лучу сообщил тому о неизбежном коллапсе брандыры.

– Ты оскорбил богов своим жалким нападением на их обитель! – вскричала Пентесилея так, что ее слышали в сотне ярдов. – Ты причинил зло мирным троянцам, осадив их родной город. Однако сегодня ты умрешь, о женоубийца Ахиллес. Готовься к бою.

– Боже, – сказал по-английски Манмут.

– Господи Иисусе, – прошептал Хокенберри.

Тринадцать амазонок, крича на своем наречии, пришпорили боевых коней. Исполинские скакуны устремились в атаку. Воздух наполнили копья, стрелы и звон бронзовых наконечников, ударяющих в латы и стремительно вздетые щиты.

20

На побережье северного марсианского моря, называемого Северным океаном или морем Тетис, маленькие зеленые человечки, они же зеки, воздвигли более одиннадцати тысяч исполинских каменных голов. Каждое изваяние имеет высоту двадцать метров. Все они одинаковые. Каждое изображает лицо старика с носом как хищный клюв, тонкими губами, высоким лбом, сдвинутыми бровями, лысой макушкой, волевым подбородком и каймой длинных волос за ушами. Камень для них добывают в огромных карьерах, вырубленных в естественном нагромождении скал, известном как Лабиринт Ночи, на западном краю внутреннего моря протяженностью четыре тысячи двести километров, заполняющего рифт, который зовется долинами Маринера. В Лабиринте Ночи маленькие зеленые человечки грузят необработанные глыбы на широкие баржи и доставляют их через все долины Маринера. Дальше фелюги под косыми парусами ведут баржи по морю Тетис к берегу, где сотни МЗЧ стаскивают каждую глыбу на песок и обтесывают уже на месте. Когда остается изваять лишь волосы на затылке, толпа зеков вкатывает голову на подготовленную заранее каменную площадку (иногда ее приходится втаскивать на обрыв или тащить по болотам) и ставит стоймя, используя систему блоков, канатов и зыбучего песка. Наконец они опускают шейный стержень в каменную выемку и устанавливают голову. Команда из двенадцати МЗЧ высекает волнистые волосы, а прочие существа отправляются работать над следующей статуей.

Одинаковые лица все до единого смотрят на море.

Первую голову воздвигли почти полтора земных столетия тому назад – у подножия Олимпа, там, где плещут волны Тетиса. С тех пор маленькие зеленые человечки ставили по статуе через каждый километр, двигаясь сперва на восток, вокруг огромного грибообразного полуострова под названием земля Темпе, затем к югу, в эстуарий долины Касей, потом на юго-восток, по болотам Лунного плато, далее – по обе стороны огромного эстуария и моря равнины Хриса, по каменным обрывам широкого устья долин Маринера и, наконец, в последние восемь месяцев – на северо-запад, вдоль утесов земли Аравии, к северным архипелагам столовых гор Дейтеронил и Протонил.

Однако сегодня все работы прекращены. МЗЧ – метровые фотосинтезирующие гоминиды с прозрачной кожей, угольно-черными глазами, безо рта и ушей – переправились

на сотне с лишним фелюг к широким пляжам земли Темпе, километров за двести от Олимпа. Отсюда, если смотреть на запад, можно различить далеко в море островной вулкан Альба-Патера и громаду Олимпа над юго-восточным горизонтом.

В сотнях метров от воды по обрывам тянется ряд исполинских голов, но пляж широкий и ровный, и на нем сплошной зеленой массой струдились все семь тысяч триста три зека, оставив незанятым лишь полукруг диаметром пятьдесят один метр. Несколько марсианских часов кряду маленькие зеленые человечки стоят, не издавая ни звука, не шелохнувшись, и пристально смотрят черными глазами на пустой песок. Фелюги и баржи слегка покачиваются на волнах моря Тетис. Слышно только, как западный ветер иногда подхватывает песок и бросает в прозрачную зеленую кожу или очень тихо шелестит в низкорослых растениях под обрывом.

Внезапно воздух наполняется запахом озона – впрочем, у зек нет носов, чтобы его уловить. Нет у них и ушей, чтобы услышать многократные громовые раскаты близко над берегом. Хотя у МЗЧ нет ушей, они ощущают эти хлопки своей невероятно чувствительной кожей.

Метрах в двух над берегом вдруг появляется красный трехмерный ромбоид метров пятнадцати шириной. Он раздувается, потом сужается посередине и становится похож на две трюфельные конфеты. Между их вершинами возникает крохотный шар; он превращается в трехмерный зеленый овал, который будто бы поглощает породивший его красный ромбоид. Овал и ромбоид начинают вращаться в противоположных направлениях, взметая песок на сотни метров вверх.

МЗЧ безучастно смотрят перед собой, не обращая внимания на разразившуюся бурю.

Раскрутившись, трехмерный овал и ромбоид принимают вид сферы. В воздухе зависает десятиметровый круг, который понемногу погружается в песок, и вот уже бран-дыра высекает кусок из пространства-времени. Вокруг новорожденной бран-дыры еще видны слои и лепестки одиннадцатимерной энергии, защищающие песок, атмосферу, Марс и Вселенную от намеренно созданного разрыва в пространственно-временной ткани.

Из дыры появляется нечто вроде одноколки на паровом ходу. Слышатся громкое пыхтение и выстрелы в глушители. Невидимые гироскопы удерживают полуметаллическую-полудеревянную конструкцию на единственном резиновом колесе. Экипаж останавливается в точности посередине пространства, не занятого зеками. Распахивается затейливая резная дверца, деревянная лесенка опускается на песок и раскладывается подобно сложной головоломке.

Из экипажа выходят четыре войника – это двухметровые металлические двуногие с бочкообразной грудью, без шеи (их головы торчат подобно наростам). Пользуясь больше манипуляторами, чем руками-лезвиями, они принимаются собирать загадочный аппарат, между частями которого видны серебристые щупальца с маленькими параболическими проекторами на концах. Завершив работу, войники отступают к умолкнувшему паровому экипажу и застывают как вкопанные.

На берегу, между щупальцами-проекторами, возникает мерцающий силуэт – то ли человек, то ли проекция, которая затем обретает видимую материальность. Это старик в голубом одеянии, замысловато расшитом астрономическими символами. При ходьбе он опирается на длинный деревянный посох. Его ноги в золотых туфлях оставляют на мокром песке вполне реальные следы. Черты лица в точности как у каменных изваяний на обрывах.

Волшебник подходит к самой кромке прозрачной воды, останавливается и ждет.

Вскоре волны начинают бурлить, и сразу за полосой прибоя из моря поднимается нечто громадное. Оно движется медленно, скорее как встающий из пучины остров, чем как органическое существо вроде кита, дельфина, морской змеи или морского бога. По бороздам и складкам чудовищного создания потоками сбегает вода. Оно направляется к берегу. Зеки отступают назад и в сторону, давая ему место.

Формой и цветом оно напоминает исполинский мозг – розовый, как живой человеческий мозг, со множеством складок наподобие извилин, однако на этом сходство и заканчивается.

Между складками розовой плоти помещаются десятки пар желтых глаз и множество рук. Маленькие хваткие руки с разным числом пальцев тянутся из складок и колыхнутся, словно щупальца анемона в холодном течении, руки побольше на длинных стеблях отходят от глаз, и – это становится заметнее по мере того, как существо величиною с дом вылезает из воды на берег, – с нижней стороны и по бокам у него растут огромные руки, с помощью которых оно передвигается. Каждая ладонь – белесая, как личинка, или трупно-серая – размером с безголовую лошадь.

Двигаясь по-крабьи боком вправо-влево по мокрому песку, существо заставляет маленьких зеленых человечков отпрянуть еще дальше и замирает меньше чем в пяти футах от старца в голубых одеждах, который сначала тоже шагнул назад, позволяя существу расположиться на берегу, но тут же твердо застыл, опершись на посох и невозмутимо глядя в желтые холодные глазки чудовища.

Что ты сделал с моим любимым поклонником? – беззвучным голосом спрашивает многорукий.

– Мне больно говорить, но он вновь выпущен в мир, – вздыхает старик.

В какой из миров? Их чересчур много.

– На Землю.

На какую? Их тоже слишком много.

– На мою Землю, – отвечает старик. – Настоящую.

Гигантский мозг шумно втягивает слизь всеми отверстиями, запрятанными среди складок. Звук получается мерзкий, как если бы кит сморкался густой от водорослей морской водой.

Просперо, где моя жрица? Мое дитя?

– Которое дитя? Спрашиваешь ты про синеглазую свиноворону или, может, про рябого пащенка, не удостоенного человеческой формы, которого она извергла из себя на берегу моего мира?

Волшебник употребил греческое слово *сус* для свиньи и *коракс* для ворона, явно радуясь своему маленькому каламбуру.

Калибан и Сикоракса. Где они?

– Сука – неизвестно где. Пресмыкающееся – на свободе.

Мой Калибан сбежал со скалы, где ты держал его в заточении много столетий?

– А разве я не сказал этого только что? Продай бы ты лишние глазки за пару ушей.

Он пожрал уже всех людишек твоего мира?

– Не всех. Пока что. – Волшебник указывает посохом на каменные изображения собственной головы над обрывами. – Понравилось тебе жить под надзором, многорукий?

Мозг вновь фыркает морской водой и слизью.

Пусть зеленые человечки еще потрудятся, а потом я нашла цунами и утоплю их всех, а заодно смою и твои жалкие иппонские идолища.

– Почему не сейчас?

Ты знаешь, я могу, огрызается беззвучный голос.

– Знаю, гнусное существо, – говорит Просперо. – Однако, утопив эту расу, ты превысишь меру своего злодейства. Зеки – почти что идеал сострадания, воплощенная верность, они не переделаны тобой из прежнего, как здешние боги по твоему чудовищному капризу, а воистину созданы мною заново. Я их сотворил.

Тем слаще мне будет их истребить. Что проку от бессловесных хлорофилловых ничтожеств? Они все равно что ходячие бегонии.

– У них нет голоса, – говорит старец, – однако неправда, будто они бессловесны. Эти существа общаются при помощи генетически измененных пакетов информации, передаваемой на клеточном уровне при касании. Когда им нужно поговорить с кем-нибудь чужим, один из

них по доброй воле предлагает свое сердце, после чего умирает как индивид, но поглощается другими, а значит, продолжает жить. Это прекрасно.

«Manesque exire sepulcris»¹⁴, мыслешипит многорукий Сетевос. Ты всего лишь поднял мертвецов из могил. Заигрался в Медею.

Внезапно Сетевос поворачивается на ходильных руках и на двадцать метров выбрасывает из своих извилин руку на стебле. Серовато-белесый кулак ударяет первого попавшегося маленького зеленого человечка, пробивает грудь, хватает зеленое сердце и выдергивает его наружу. Безжизненное тело валится на песок. Внутренние соки растекаются по песку. Другие МЗЧ тут же встают на колени, чтобы впитать в себя клеточную сущность мертвого зека.

Сетевос втягивает змееподобную руку, выжимает сердце досуха, как губку, и с презрением отбрасывает прочь.

Пусто, как и в его голове. Ни голоса, ни послания.

– Да, для тебя там ничего нет, – соглашается Просперо. – Зато я получил печальный урок: никогда не говори открыто с врагами. От этого страдают другие.

Другие и должны страдать. Для того мы их и насоздавали.

– Да. И для того у нас в руках колки от струн душевных, дабы сердца на свой настроить лад¹⁵. Но твои создания нарушили все законы, Сетевос. Особенно Калибан. Вкруг моего державного ствола обвился он, как цепкая лиана, и высосал все соки...

– На то он и рожден.

– Рожден? – Просперо смеется. – Поганое отродье твоей ведьмы явилось на свет среди арсенала истинной шлюхи-жрицы – среди жаб, жуков, нетопырей и свиней, некогда бывших людьми. Порождение ехидны готово было превратить всю мою Землю в гадкий хлев, а я ведь обращался с этим животным как с человеком. Он жил в моей пещере. Я научил его словам, дал знание вещей, показал ему все качества людского рода... и какую пользу это принесло мне, или миру, или лживому рабу?

Все качества людского рода, фыркает Сетевос, делает пять шагов на огромных ходильных руках, так что старика накрывает его тень. Я научил его силе. Ты научил его боли.

– Когда это невежественное, дикое существо научилось выражать свои мысли и лишь мычало, как дикий зверь, я по заслугам заточил его в скалу, где составлял ему общество в собственном обличье.

Ты изгнал мое дитя на орбитальный камень и отправил туда одну из своих голограмм, чтобы столетиями мучить его и дразнить, лживый маг.

– Мучить? О нет. Но когда гнусное земноводное меня не слушалось, я насылал на него корчи и лому в костях, и оно так ревело от боли, что другие звери на орбитальном острове дрожали от его воя. Так я поступлю снова, как только его отловлю.

Поздно. Сетевос фыркает. Все его немигающие глаза устремляются на старика в голубых одеждах. Пальцы подергиваются и колышутся. Ты сам сказал, что мой любезный сын вырвался на волю. Разумеется, я об этом знал. И скоро к нему присоединюсь. Вместе с тысячами маленьких калибанов, которых ты так кстати создал, когда еще жил среди постлюдей и считал тот обреченный мир добрым, отец и внук превратят твой зеленый шарик в куда более приятное место.

¹⁴ «И выходят могильные тени» (лат.). Овидий. Метаморфозы. Книга VII. Перев. С. Шервинского. Медея у Овидия перечисляет свои магические способности. Слова Просперо «По моему велению могилы послушно возвратили мертвецов» (Буря. Акт V, сц. 1. Перев. М. Донского) представляют собой аллюзию на эти строки Овидия.

¹⁵ И для того у нас в руках колки от струн душевных, дабы сердца на свой настроить лад. – Ср.: «Держа в руках колки от струн душевных, он все сердца на свой настроил лад». У. Шекспир. Буря. Акт II, сц. 2. Здесь и далее цитаты из «Бури» в речи Просперо приведены в переводе М. Донского.

– В болото, ты хотел сказать? – говорит Просперо. – В гнилые топи, наполненные вонью, и гнусными тварями, и всякой нечистотой, и всякой заразой, что паром поднимается с трясин глухих болот, и горечью падения Просперо.

Да. Огромный розовый мозг как будто приплясывает на длинных пальценогах, раскачиваясь, словно под звуки неслышной собеседнику музыки или радостных возгласов.

– Тогда Просперо не должен пасть, – шепчет волшебник. – Никак не должен.

Ты сдашься, волшебник. Что ты такое? Лишь тень отзвука ноосферы, персонификация бездушного, неорганизованного биения никчемной информации, бессвязный лепет расы, давно впавшей в слабоумие; кибернетически сшитый кишечный газ на ветру. Ты падешь, и с тобой твоя жалкая биошлюха Ариэль.

Старик поднимает посох, словно хочет ударить чудовище, но тут же опускает и опирается на него, словно вдруг лишился последних сил.

– Она по-прежнему добрая и верная служанка нашей Земли. Ариэль никогда не покорится ни тебе, ни твоему гнусному сыну, ни твоей голубоглазой ведьме.

Зато послужит нам своею смертью.

– Ариэль *и есть* Земля, чудище, – выдыхает Просперо. – Моя милая выросла в полное сознание из ноосферы, вплетенной в осознающую себя биосферу. Уничтожишь ли ты целый мир в угоду своему гневу и тщеславию?

О да.

Сетебос прыгает вперед на исполинских пальцах и, схватив волшебника пятью руками, подносит к двум парам глазок.

Отвечай, где Сикоракса?

– Гниет.

Цирцея мертва? Дочь и наложница Сетебоса не может погибнуть.

– Она гниет.

Где? Как?

– Старость и злоба согнули ее в дугу, а я превратил в рыбу, которая сейчас портится с головы.

Многорукий издает хлюпающий звук, отрывает Просперо ноги и швыряет их в море. Потом отрывает ему руки, которые отправляет в глубокую пасть, разверзшуюся меж извилин и складок. Наконец он вспарывает волшебнику живот и всасывает кишки, словно длинную макаронину.

– Развлекаешься? – спрашивает голова Просперо, но серые обрубки-пальцы разламывают ее, как орех, и пихают в ротовое отверстие.

Серебристые щупальца на берегу начинают мерцать, параболические отростки вспыхивают, и старец как ни в чем не бывало появляется чуть поодаль на пляже.

– Какой же ты зануда, Сетебос. Вечно голодный, вечно злой, но скучный и утомительный.

Я все равно найду твое истинное телесное воплощение, Просперо. Можешь поверить. На твоей Земле, в ее коре, под ее морями или на орбите я отыщу ту органическую массу, что когда-то была тобой, медленно разжусю и съем. Не сомневайся.

– Надоел, – отмахивается волшебник. Вид у него усталый, печальный. – Какая бы судьба ни постигла здесь, на Марсе, моих зеков или твоих глиняных божков, что бы ни приключилось с любезными моему сердцу людьми на Земле Илиона – мы с тобой скоро встретимся. На сей раз – на Земле. Война между нами затянулась, настала пора к добру или к худу положить ей конец.

Точно.

Выплюнув кровавые ошметки, многорукое существо разворачивается на нижних ладонях, семенит к морю и скрывается под водой, выплеснув напоследок алый фонтанчик из отверстия между верхними складками.

Просперо вздыхает, затем, подав знак войникам, подходит к ближайшему МЗЧ и обнимает его.

– Возлюбленные, как я хотел бы поговорить с вами, узнать, о чем вы думаете. Но стариковское сердце не выдержит, если сегодня умрет еще кто-нибудь из вашего рода. В лучшие времена я непременно вернусь, а пока, умоляю, *corragio!*¹⁶ Мужайтесь, друзья! *Corragio!*

Войники отключают проектор и, как только волшебник растворяется в воздухе, бережно сворачивают серебряные шупальца, грузят аппарат в паровую одноколку и поднимаются по лесенке в обитый красным салон. Лесенка складывается. Мотор громко кашляет.

Пыхтя и переваливаясь, плюясь песком, громоздкий экипаж описывает круг по берегу – зеки молча расступаются – и неуклюже вкатывается в бран-дыру, где в то же мгновение исчезает.

Через несколько секунд бран-дыра съезживается обратно в одиннадцатимерный энергетический лист спектральных цветов, съезживается еще сильнее, мерцает и пропадает из виду.

Какое-то время на берегу слышен только плеск, с которым сонные волны накатывают на красный песок. Затем МЗЧ расходятся по фелюгам и баржам, поднимают паруса и вновь отправляются ставить каменные головы.

21

Уже пришпорив коня и замахнувшись копьем Афины для смертельного удара, Пентесилея осознала два своих, возможно роковых, упущения.

Прежде всего – трудно поверить, но Афина не уточнила, какая из пяток мужеубийцы уязвима, а царица не догадалась поинтересоваться. Амазонке почему-то представлялось, что смертный Пелей вытащил сына-младенца из Небесного пламени за правую ногу. Однако Афина сказала только, что уязвима одна из пяток.

Пентесилея понимала, как трудно будет попасть герою в пятку, пусть даже и зачарованным копьем. Ахиллеса нипочем не обратить в бегство, тут сомнений не было. Но амазонка заранее велела боевым подругам как можно яростнее атаковать ахейцев за спиной героя. Настоящий военачальник непременно обернется посмотреть, кто из его людей убит, а кто ранен. Вот тут царица и нанесет роковой удар. Правда, чтобы стратегия сработала, Пентесилея самой придется держаться сзади, позволив сестрам по оружию вырваться вперед. Ей, привыкшей повелевать и главенствовать, особенно в убийствах! И хотя амазонки знали, что так нужно, иначе быстрого не убить, царица покраснела от стыда, когда прочие всадницы налетели на мужчин, оставив ее позади.

И тут она осознала свою вторую ошибку. Ветер дул со стороны Ахиллеса, а не к нему. Исполнение замысла частично зависело от чудесных духов Афродиты, но для этого мускулистому идиоту нужно было *почувствовать* их. Если ветер не переменится – или Пентесилея не приблизится настолько, чтобы оказаться буквально над белобрысым ахейцем, – волшебный аромат не подействует.

«Плевать, Аид побери, – подумала Пентесилея, глядя, как подруги мечут копья и выпускают оперенные стрелы. – Да свершится воля Судеб! Арес, отец! Будь со мной и защити меня сегодня!»

Она почти ожидала, что бог войны появится рядом, может быть даже вместе с Афиной и Афродитой, ведь они хотели, чтобы Ахиллес сегодня погиб. Однако ни бог, ни богини не показались в последние мгновения до того, как огромные скакуны налетели на стремительно воздетые пики, копья застучали по быстро поднятым щитам и неудержимые амазонки столкнулись с неколебимыми аргивянами.

---

¹⁶ Мужество! (*ит.*)

Поначалу казалось, будто удача и боги на стороне воительниц. Кони-великаны, хотя некоторые из них угодили на острия копий, смяли ахейские ряды. Одни греки были убиты, другие отступили. Амазонки быстро взяли в кольцо человек пятьдесят вокруг Ахиллеса и принялись орудовать мечами и пиками.

Любимая помощница Пентесилеи, лучшая амазонская лучница Клония, беспрерывно спускала тетиву, поражая воинов за спиной Ахиллеса, так что тому приходилось то и дело оборачиваться. Ахеец Менипп рухнул с длинной стрелой в горле. Его товарищ Подарк, бесстрашный отпрыск Ификла и брат погибшего Протесилая, в ярости рванулся вперед, целя пикой в бедро наездницы Клонии, однако Бремуса на скаку рассекла древко пополам и мощным ударом наотмашь разрубила Подарку руку у локтя.

Кони боевых сестер царицы, Эвандры и Фермодосы, грохнулись на землю, пронзенные ахейскими копьями, но обе амазонки тут же вскочили, встали спина к спине, подняли сверкающие щиты в форме полумесяца и принялись отражать атаки вопящих греков.

Вторая волна увлекла Пентесилею вперед, и та начала пробиваться сквозь ахейские щиты бок о бок с подругами Алкивией, Деримахией и Дерионой, рассекая мечом перекошенные от злости бородатые лица. Стрела, пущенная из задних ахейских рядов, звонко ударила в ее шлем и отлетела в сторону. Глаза на миг застелил багровый туман.

Где Ахиллес?

В неразберихе битвы царица на миг утратила чувство направления... Да вот же он, в двадцати шагах справа от нее! Мужеубийцу окружали аргивские военачальники – Аяксы, Идомеи, Одиссей, Диомед, Сфенел, Тевкр. Издав боевой клич амазонок, Пентесилея ударила коня пятками по бокам и устремилась в самую гущу героев.

Тут толпа расступилась в тот самый миг, когда Ахиллес обернулся посмотреть, как один из его людей, не то Эвхенор, не то Дулихий, падает, сраженный в глаз длинной стрелой Клонии. Пентесилея отчетливо видела его голые икры под ремешками поножей, пыльные щиколотки, заскорузлые пятки.

Копье Афины как будто гудело в руке. Пентесилея откинулась назад и метнула его со всей силы. Копье угодило в цель – прямо в незащищенную правую пятку быстрого мужеубийцы – и... отскочило.

Ахиллес развернулся, вскинул голову. Его голубые глаза нашли Пентесилею. Он зловеще ухмыльнулся.

Амазонки схватились с основной группой противников, и тут удача от них отвернулась.

Бремуса метнула пику в Идомею, однако сын Девкалиона почти небрежно прикрылся круглым щитом, и древко переломилось пополам. Затем он бросил свое более длинное копье, оно вонзилось рыжеволосой Бремусе точно под левую грудь и вышло через хребет. Она спиной вперед упала со взмыленного коня. Дюжина незнатных греков бросилась к ней – снимать богатые доспехи.

Алкивия и Деримахия закричали от ярости и направили скакунов на Идомею, но два Аякса ухватили коней под уздцы, заставив этих великанов повиноваться своей мощи. Когда амазонки соскочили на землю, дабы сражаться пешими, Диомед, сын Тидея, обезглавил обеих одним взмахом меча. Пентесилея с ужасом видела, как голова Алкивии, все еще хлопая ресницами, упала в пыль, прокатилась и замерла; как Одиссей со смехом поднял ее за волосы.

Тут некий безымянный аргивянин впился царице в ногу. Та всадила второе копье ему в грудь, пронзив тело до кишок. Он беззвучно разинул рот и рухнул, но увлек ее копье за собой. Пентесилея схватила боевой топор и пришпорила коня, удерживаясь лишь коленями.

Дериону, ту, что ехала справа от царицы, стащил с лошади Малый Аякс. Лежа на спине, задыхаясь от удара, воительница потянулась к мечу. Малый Аякс захохотал и пронзил ей грудь копьем. Он поворачивал оружие до тех пор, пока амазонка не перестала корчиться.

Клония прицелилась ему в сердце, но латы отразили стрелу. Тут побочный отпрыск Теламона, Тевкр, лучший из лучников, проворно пустил в сопящую от злости Клонию три стрелы: первую – в горло, вторую – через доспехи – в живот, а третью – в обнаженную левую грудь, да так, что снаружи остались лишь перья да три дюйма древка. Ближайшая подруга Пентесилеи замертво пала с окровавленного скакуна.

Эвандра и Фермодоса по-прежнему бились спина к спине, хотя истекали кровью и чуть не падали от изнеможения. Внезапно атакующие ахейцы отхлынули от них, и Мерион, сын Мола, друг Идоменея и вождь критян, метнул обеими руками по тяжелому копыю. Наконечники пробили легкие латы амазонок, и сестры бездыханными рухнули в прах.

К тому времени все остальные всадницы были повержены. Пентесилея получила множество порезов и ран – правда, ни одной смертельной. Оба лезвия топора обагрила аргивская кровь, но у царицы не осталось сил поднимать тяжелое оружие. Она достала из ножен короткий меч. Между нею и Ахиллесом как раз открылся промежуток.

Словно по воле Афины копьё, отскочившее от правой пяты Ахиллеса, лежало на земле возле правого копыта ее утомленного боевого коня. В любое другое время амазонка на полном скаку наклонилась бы за божественным копьём, но сейчас она слишком устала, доспехи внезапно потяжелели, да и жестоко израненный скакун еле держался на ногах. Поэтому Пентесилея выскользнула из седла и вовремя пригнулась: над шлемом просвистели две оперенные стрелы Тевкра.

Выпрямившись, она уже никого не видела, кроме Ахиллеса. Все прочие ахейцы, направившие орущей толпой, превратились в расплывчатые пятна.

– Метни еще раз, – сказал Ахиллес, улыбаясь все той же жуткой ухмылкой.

Пентесилея вложила в бросок все свои силы без остатка, целясь в нагое мускулистое бедро под кругом прекрасного щита.

Ахиллес присел с проворством пантеры. Копьё Афины ударило в его щит, древко раскололось.

Пентесилея осталось лишь вновь сжать топор, но тут Ахиллес, все так же улыбаясь, поднял собственное копьё, то самое легендарное копьё, всегда попадавшее в цель, которые кентавр Хирон изготовил для его отца Пелея.

Он метнул копьё. Пентесилея подняла свой щит в форме полумесяца. Копьё пронизало его, не замедлившись, пропороло доспехи и правую грудь, вышло через спину и вонзилось в стоявшего позади коня, проткнув и его сердце.

Царица амазонок и ее боевой скакун вместе упали в пыль, тяжелое копьё, на которое были насажены они оба, качнулось маятником, так что ноги Пентесилеи высоко задрались. Ахиллес приближался с мечом в руках. Пентесилея пыталась удержать его затуманенным взором. Топор выпал из ее ослабевших пальцев.

– Фу-ты, черт, – прошептал Хокенберри.

– Аминь, – ответил Манмут.

Бывший схолиаст и маленький моравек во все время схватки находились почти сразу за Ахиллесом. Теперь они подошли туда, где он стоял над бьющейся в судорогах Пентесилеей.

– «*Tum saeva Amazon ultimus cecidit metus*», – пробормотал Хокенберри. – «Погибла амазонка, наш последний страх»¹⁷.

– Опять Вергилий? – спросил Манмут.

– Нет, это Пирр в трагедии Сенеки «Троянки».

И тут случилось нечто странное.

¹⁷ «Погибла амазонка, наш последний страх». – Сенека. Троянки. Перев. С. Ошерова.

Ахейцы уже столпились вокруг, намереваясь сорвать с мертвой или умирающей Пентесилеи ее доспехи. Ахиллес стоял, сложив руки на груди и раздувая ноздри, словно вбирал запах пролитой крови, конского пота и смерти. Внезапно быстроногий мужеубийца закрыл лицо огромными руками и зарыдал.

Большой Аякс, Диомед, Одиссей и прочие полководцы, которые подошли ближе – глянуть на убитую царицу амазонок, – замерли в недоумении. Крысомордый Терсит и кое-кто из вояк помельче, не обращая внимания на рыдающего полубога, по-прежнему спешили снять с Пентесилеи доспехи. Они сорвали шлем с ее головы, и кудри мертвой царицы рассыпались золотой волной.

Ахиллес запрокинул голову и застонал, как в то утро, когда Хокенберри в облике Афины якобы убил Патрокла и похитил его тело. Военачальники отступили еще на шаг от мертвой женщины и ее коня.

Терсит ножом перерезал ремни нагрудного доспеха и пояс, кромсая нежное тело мертвой царицы, – так спешил завладеть незаслуженным трофеем. Царица лежала почти нагая. Лишь один из поножей, серебряный пояс да одна сандалия остались на ее изрезанном, избитом, но по-прежнему совершенном теле. Длинное копье Пелея все еще прищипливало ее к мертвому коню, однако Ахиллес не спешил выдернуть свое оружие.

– Отойдите, – сказал он, и почти все мгновенно повиновались.

Безобразный Терсит (латы Пентесилеи – под мышкой одной руки, ее окровавленный шлем – под другой) расхохотался.

– И что ж ты за дурень, сын Пелея! – прокаркал он, срывая с умершей пояс. – Это же надо – так рыдать над убитой девкой, сокрушаясь о ее красоте! Поздно, теперь она пойдет на корм червям, и толку-то...

– Отойди, – повторил Ахиллес невыразительным – и оттого более жутким – тоном. По его пыльному лицу все так же катились слезы.

При виде бабьей слабости грозного мужеубийцы Терсит осмелел еще больше и, пропустив повеление мимо ушей, рванул серебряный пояс на себя, приподняв бедра Пентесилеи, и бесстыже задвигал ляжками, как если бы совокуплялся с трупом.

Ахиллес шагнул вперед, ударил Терсита кулаком, разбив тому скулу и челюсть, и вышиб все до единого желтые зубы. Терсит, перелетев через тела коня и Пентесилеи, рухнул в пыль. Кровь хлынула у него из носа и рта.

– Ни могилы тебе, мерзавец, ни погребения, – сказал Ахиллес. – Как-то раз ты скалил зубы над Одиссеем, и тот тебя простил. Теперь ты надумал издеваться надо мной, и я тебя убил. Сын Пелея не позволит насмехаться над собой безнаказанно. Ступай в Аид и дразни там бесплотные тени своими жалкими остротами.

Терсит закашлялся кровью, захлебнулся блевотиной и умер.

Ахиллес медленно, чуть ли не с нежностью, потянул на себя копье – вначале из праха, потом из конского трупа, затем из тела Пентесилеи. Ахейцы отступили еще дальше, недоумевая, отчего мужеубийца стонает и плачет.

– *«Aurea cui postquam nudavit cassida frontem, vicit victorem candida forma virum»*, – шепнул Хокенберри себе под нос. – «Но когда шлем золотой с чела ее пал, победитель был без сраженья сражен светлой ее красотой...»¹⁸ – Он посмотрел на Манмута. – Проперций, книга третья, одиннадцатая поэма «Элегий».

Манмут потянул схолиаста за руку:

– Кто-нибудь напишет элегию про нас двоих, если мы не унесем отсюда ноги. Причем *сейчас же*.

---

¹⁸ «Но когда шлем золотой с чела ее пал, победитель был без сраженья сражен светлой ее красотой». – Проперций. Элегии. Перев. Л. Остроумова.

– Почему? – Хокенберри огляделся и заморгал.

Гудели сирены. Воины-роквеки сновали среди отступающих ахейцев, усиленными механическими голосами побуждая их немедленно пройти в Дыру. Шло массовое отступление. На колесницах и бегом люди спешили на другую сторону, однако не громкоговорители моравеков гнали их прочь. Олимп извергался.

Земля... ну то есть марсианская земля, тряслась и содрогалась. Пахло серой. За спинами отступающих ахейцев и троянцев далекая вершина Олимпа светилась под эгидой красным, выбрасывая к небу многомильные столпы огня. По верхним склонам величайшего вулкана Солнечной системы уже текли лавовые потоки. Воздух наполнился красной пылью и запахом страха.

– Что происходит? – спросил Хокенберри.

– Боги вызвали здесь некое извержение, и еще бран-дыра закроется в любую минуту, – сказал Манмут, уводя Хокенберри от того места, где Ахиллес стоял на коленях над павшей царицей.

С остальных амазонок сняли доспехи, и все, за исключением главных героев, торопливо отступали к Дыре.

Вам надо оттуда выбираться, передал Орфу с Ио по фокусированному лучу.

Да, мы видим извержение, ответил Манмут.

Все куда хуже, раздался по фокусированному лучу голос Орфу. *По нашим данным, пространство Калаби-Яу сворачивается обратно в состояние черной дыры и кротовины. Струнные вибрации совершенно нестабильны. Олимп, возможно, разнесет эту часть Марса на куски, а возможно, не разнесет, но у вас не больше нескольких минут до того, как бран-дыра исчезнет. Скорее тащи Хокенберри и Одиссея на корабль.*

В просветы между движущимися латами и пыльными ляжками Манмут различил Одиссея – тот говорил с Диомедом шагах в тридцати от них.

Одиссей? Хокенберри не успел с ним даже поговорить, не то что убедить его лететь с нами. Нам правда нужен Одиссей?

Анализ первичных интеграторов утверждает, что да, передал Орфу. *Кстати, мы наблюдали за битвой через твои видеоканалы. Чертовски занятное зрелище.*

Для чего нам Одиссей? – спросил Манмут.

Почва гудела и колебалась. Безмятежное море на севере утратило свое обычное спокойствие. О красные скалы разбивались огромные валы.

Откуда мне знать? – пророкотал Орфу с Ио. *На твой взгляд, я похож на первичного интегратора?*

Может, есть предложения, как убедить Одиссея, чтобы тот бросил товарищей и войну с троянцами ради полета с нами? – передал Манмут. *Судя по всему, он и другие военачальники, за исключением Ахиллеса, сейчас вскочат на колесницы и устремятся в Дыру. Вонь и грохот от вулкана сводят коней с ума... Да и людей тоже. Как мне привлечь внимание Одиссея в таких обстоятельствах?*

Придумай что-нибудь, сказал Орфу. *Разве капитаны европейских подлодок не славятся умением проявлять инициативу?*

Манмут покачал головой и пошел к центурион-лидеру Мепу Аху, который в громкоговоритель убеждал ахейцев немедленно вернуться через бран-дыру. Даже его усиленный голос тонул в грохотании вулкана, топоте копыт и обутых в сандалии ног. Люди сломя голову бежали прочь от Олимпа.

Центурион-лидер? – обратился Манмут напрямую по тактическим каналам связи.

Двухметровый воин развернулся и замер по стойке смирно.

Да, сэр.

Формально Манмут не имел командирского звания, однако роквеки видели в нем и Орфу начальство уровня легендарного Астига/Че.

Идите к моему шершню и ждите дальнейших указаний.

Есть, сэр.

Передав громкоговоритель и свои полномочия одному из коллег, Меп Аху затрусил к летательному аппарату.

– Мне надо усадить Одиссея в шершень! – крикнул Манмут Хокенберри. – Поможешь?

Хокенберри, переводивший взгляд с содрогающейся вершины Олимпа на подрагивающую бран-дыру и обратно, рассеянно посмотрел на маленького моравека, потом кивнул и зашагал вместе с ним к ахейским полководцам.

Манмут и Хокенберри быстро прошли мимо двух Аяксов, Идоменея, Тевкра и Диомеда туда, где Одиссей мрачно смотрел на Ахиллеса. Хитроумный тактик казался погруженным в раздумья.

– Просто замани его к шершню, – шепнул Манмут.

– Сын Лаэрта! – позвал Хокенберри.

Одиссей вскинул голову и обернулся:

– В чем дело, сын Дуэйна?

– Мы получили известие от твоей жены.

– Что? – Одиссей нахмурился и положил руку на меч. – О чем ты?

– Я говорю о твоей жене Пенелопе, матери Телемаха. Она поручила нам передать тебе сообщение, доставленное при помощи магии моравеков.

– К Аиду магию моравеков! – рявкнул Одиссей, глядя на Манмута сверху вниз. – Убейся, Хокенберри, и заberi с собой эту мелкую железную пакость, пока я не раскроил вас обоих от мошонки до подбородка. Почему-то... Не знаю почему, но я нутром чую... Это вы навлекли на нас последние бедствия. Ты и проклятые моравеки.

– Пенелопа велела напомнить тебе про кровать, – сказал Хокенберри, импровизируя и надеясь, что правильно помнит перевод Фицджеральда. Обычно он рассказывал студентам про «Илиаду», оставляя «Одиссею» профессору Смиту.

– Кровать? – нахмурился Одиссей, отходя от толпы военачальников. – Что ты несешь?

– По словам Пенелопы, описание вашего супружеского ложа докажет тебе, что известие действительно от нее.

Одиссей вытащил меч и опустил отточенное лезвие на плечо Хокенберри:

– Если это шутка, то не смешная. Опиши мне кровать. За первую ошибку я отрублю тебе одну руку, за вторую – другую. Дальше примусь за ноги.

Хокенберри с трудом подавил желание убежать или обмочиться.

– Пенелопа велела сказать, что рама украшена золотом, серебром и слоновой костью, стянута ремнями воловьей кожи, окрашенными в яркий пурпур, и накрыта множеством мягких овчин.

– Пфа! – сказал Одиссей. – У каждого знатного человека такая постель. Проваливай, пока цел.

Диомед и Большой Аякс, подойдя к Ахиллесу, который по-прежнему стоял на коленях, убеждали его бросить тело убитой амазонки и поспешить с ними. Бран-дыра уже заметно вибрировала, ее края расплылись. Вулкан ревел так, что людям приходилось кричать.

– Одиссей! – воскликнул Хокенберри. – Это важно! Идем с нами, и узнаешь, что хочет сообщить тебе прекрасная Пенелопа.

Коренастый бородач, не опуская меча, грозно глянул на схолиаста и моравека:

– Скажи, куда я переставил кровать, когда привел молодую жену в супружескую спальню, и я, возможно, оставлю тебе обе руки.

– Ее нельзя переставить. – Несмотря на то что сердце у Хокенберри бешено колотилось, его громкий голос звучал ровно. – Пенелопа сказала, что, строя дворец, ты не стал корчевать огромную, прямую, словно колонна, маслину, которая пышно росла там, где теперь спальня. Возведя вокруг стены, ты отсек от дерева ветки, срубил ствол и приладил к отрубку раму. Вот что велела передать твоя жена, дабы ты поверил нашим словам.

Минуту Одиссей молча смотрел на чужака. Потом вложил меч в ножны и произнес:

– Передай мне ее сообщение, сын Дуэйна. Да побыстрее. – Он покосился на грозное небо и грохочущий Олимп.

Внезапно три десятка шершней и военно-транспортных кораблей вылетели из Дыры, унося моравеков в безопасность. На марсианскую почву посыпались звуковые удары, так что бегущие люди в страхе пригнулись и закрыли руками голову.

– Давай отойдем к моравекской машине, сын Лаэрта. Эта новость не для чужих ушей.

Они прошли через вопящую толпу туда, где стоял на инсектоидных шасси черный шершень.

– Говори же! – сказал Одиссей, крепкой рукой беря Хокенберри за плечо.

Манмут по фокусированному лучу передал Мепу Аху:

У вас есть тазер?

Да, сэр.

Отключите Одиссея и погрузите его в шершень. Поручаю вам управление. Мы немедленно стартуем на Фобос.

Роквек тронул Одиссея за шею. Сверкнула искра, и бородач рухнул в шипастые руки моравекского воина. Меп Аху втащил бесчувственного Одиссея на борт, запрыгнул следом и включил двигатель.

Манмут огляделся – никто из ахейцев вроде бы не заметил, как похитили одного из их вождей, – и вскочил в открытую дверь.

– Давай сюда, Хокенберри. Дыра схлопнется в любую секунду. Любой, кто застрянет на этой стороне, останется на Марсе навечно. – Он кивнул на Олимп. – А если вулкан взорвется, эта вечность будет измеряться минутами.

– Я не лечу с вами, – сказал Хокенберри.

– Не сходи с ума! – крикнул Манмут. – Глянь! Все ахейское начальство – Диомед, Идомей, Тевкр, Аяксы – бежит к Дыре.

– Ахиллес не бежит, – ответил Хокенберри, наклоняясь ближе, чтобы Манмут его слышал.

Вокруг сыпались искры, барабания по шершню, словно огненный град.

– Ахиллес спятил! – крикнул Манмут, думая про себя: «Сказать ли Мепу Аху, чтобы он и Хокенберри оглушил тазером?»

Словно прочитав его мысли, Орфу вышел на связь по фокусированному лучу. Манмут забыл, что по-прежнему в режиме реального времени передает изображение и звук на Фобос и на «Королеву Маб».

Не надо его отключать, передал Манмут. Мы у Хокенберри в долгу. Пусть сам решает. К тому времени, как он примет решение, его не будет в живых, ответил Орфу с Ио.

Он уже умирал, сказал Манмут. Быть может, он хочет умереть снова.

Хокенберри он крикнул:

– Давай! Запрыгивай! Ты нужен на корабле, Томас.

При звуке своего имени Хокенберри заморгал. Потом мотнул головой.

– Разве ты не хочешь снова увидеть Землю? – крикнул маленький моравек.

Почва вибрировала от марсотрясения, шершень качался на черных шипастых шасси. Вокруг бран-дыры, которая вроде стала меньше, клубились тучи пепла и серы. Манмут вдруг

осознал, что, если удержать Хокенберри разговором еще на минуту-две, тому не останется иного выбора, кроме как лететь с ними.

Однако Хокенберри отступил от шершня на шаг и указал на последних бегущих ахейцев, на мертвых амазонок, на конские трупы, на далекие стены Илиона и сражающиеся армии, едва различимые сквозь подернувшуюся рябью бран-дыру.

– Я заварил эту кашу, – сказал он. – По крайней мере, помог заварить. Думаю, я должен остаться и попытаться исправить дело.

Манмут указал на сражающихся по другую сторону бран-дыры:

– Илион падет, Хокенберри. Силовых щитов, воздушного заслона и антиквит-поля больше нет.

Хокенберри снова улыбнулся, прикрывая лицо от падающих углей и пепла.

– «*Et quae vagos vincina prospiciens Scythas ripam catervis Ponticam viduis ferit escisa ferro est, Pergannum incubuit sibi!*» – крикнул он.

«Ненавижу латынь, – подумал Манмут. – И наверное, филологов-античников тоже». Вслух он сказал:

– Опять Вергилий?

– Сенека! – крикнул Хокенберри. – «И те, что с кочевыми рядом скифами над Понтом скачут толпами безмужними... – Он имел в виду амазонок. – Мечами разоренный, наземь пал Пергам...»¹⁹ Ну ты знаешь, Манмут. Илион, Троя...

– Живо на борт, Хокенберри! – заорал Манмут.

– Удачи, Манмут. – Хокенберри отступил еще дальше. – Передай привет Земле и Орфу, мне будет недоставать их обоих.

Он развернулся и неспешной трусцой пробежал туда, где коленопреклоненный Ахиллес по-прежнему рыдал над мертвой Пентесилеей – все живые бежали, оставив его наедине с мертвой, – а затем, когда шершень Манмута взлетел и устремился в космос, Хокенберри со всех ног рванул к заметно уменьшившейся Дыре.

---

¹⁹ «И те, что с кочевыми рядом скифами над Понтом скачут толпами безмужними... Мечами разоренный, наземь пал Пергам...» – Сенека. Троянки. Перев. С. Ошерова.

Часть 2

22

После веков субтропического тепла в Ардис-холл пришла настоящая зима. Снег еще не выпал, но почти все деревья в окрестных лесах облетели, и только самые упрямые листья еще цеплялись за ветки. Теперь даже после запоздалого рассвета в тени огромного дома целый час не таял иней. Каждое утро Ада смотрела, как солнечные лучи понемногу стирают со склонов западной лужайки белую изморозь, оставляя лишь узенькую искристую полосу перед самым домом. Гости рассказывали, что две речушки, пересекающие дорогу к факс-узлу в миле с четвертью от Ардис-холла, затянуты хрупкой коркой льда.

Сегодняшний день был одним из самых коротких в году; вечер подкрался рано, и Ада прошла по дому, зажигая керосиновые лампы и бесчисленные свечи. Несмотря на пятый месяц беременности, она двигалась с завидным изяществом. Старинный дом, возведенный восемь столетий назад, еще до финального факса, до сих пор сохранял дух радушного уюта. Две дюжины растопленных каминов, которые прежде лишь развлекали и радовали гостей, теперь по-настоящему обогревали большую часть из шестидесяти восьми комнат. Для остальных Харман, сиглировав чертежи, соорудил то, что называл «франклиновскими печами»²⁰. Они так жарили, что Аду, когда та поднималась по лестнице, клонило в сон.

На третьем этаже она помедлила у большого сводчатого окна в конце коридора. Ей подумалось, что впервые за тысячи лет леса вновь падают под ударами людей с топорами. И те рубили деревья не только на дрова. В зимних сумерках за кривыми стеклышками высился серый частокол, который уходил вниз по южному склону, загораживая вид, но успокаивая сердце. Частокол опоясывал весь Ардис-холл, местами подступая к дому на тридцать ярдов, местами удаляясь от него на добрую сотню к самой кромке леса позади дома. По углам вздымались дозорные башни, тоже бревенчатые, и еще больше деревьев ушло на то, чтобы превратить летние палатки в дома и казармы для более чем четырехсот нынешних обитателей Ардиса.

Где Харман?

Ада часами гнала от себя назойливую тревогу, находила десятки домашних дел, чтобы отвлечься, но беспокойство нарастало. Ее любимый – сам он предпочитал архаичное слово «муж» – ушел после рассвета с Ханной, Петиром и Одиссеем (который теперь требовал называть его «Никто»), ведя запряженные волом дрожки. Им предстояло прочесывать луга и леса за десять миль и далее от реки – охотиться на оленей и разыскивать разбежавшийся скот.

«Почему их до сих пор нет? Харман обещал вернуться задолго до темноты».

Ада спустилась на первый этаж и пошла в кухню. В большом помещении, которое столетиями видело лишь сервиторов, да еще войникисы изредка приносили сюда оленей, забитых в охотничьих угодьях, теперь кипела жизнь. Сегодня готовкой руководили Эмма и Реман (в самом Ардис-холле ели обычно около пятидесяти человек). Примерно десять помощников и помощниц пекли хлеб, резали салаты, жарили мясо на вертеле в огромном старом очаге и в целом создавали ту уютную суматоху, которая завершалась накрытым длинным столом.

Эмма поймала взгляд Ады:

– Вернулись уже?..

---

²⁰ ...соорудил то, что называл «франклиновскими печами». – Печь Франклина («циркуляционная печь» или «пенсильванский камин») – экономичная чугунная печь, изобретенная Бенджамином Франклином и используемая в основном для отопления помещений. Франклиновские печи требуют куда меньше дров и дают значительно больше тепла, чем традиционный английский камин.

– Нет еще. – Ада улыбнулась с деланой беззаботностью.

– Скоро вернутся, – сказала Эмма и похлопала ее по бледной руке.

Не впервые и без злости (Эмма была ей симпатична) Ада мысленно подивилась, отчего люди считают, будто беременных можно сколько угодно трогать и гладить.

Она сказала:

– Вернутся, конечно. И я надеюсь, с дичью и по меньшей мере с четырьмя пропавшими бычками... а еще лучше двумя бычками и двумя коровами.

– Нам нужно молоко, – согласилась Эмма; она еще раз похлопала Аду по руке и продолжила руководить готовкой.

Ада выскользнула наружу. От холода у нее на миг перехватило дыхание, однако она плотнее укутала шалью плечи и шею. После жаркой кухни ледяной воздух покалывал щеки. Ада постояла во дворике, давая глазам привыкнуть к темноте.

«К черту!»

Она подняла левую ладонь и, вообразив зеленый треугольник внутри желтого круга, в пятый раз за последние два часа вызвала ближнюю сеть.

Над ладонью возник синий овал, но голографические картинки по-прежнему были размытые и с помехами. Харман как-то предположил, что эти временные перебои в работе ближней и дальней сети и даже старой поисковой функции не связаны с их телами («Наноаппараты у нас по-прежнему в генах и крови», – сказал он со смехом), но как-то зависят от спутников и передатчиков на астероидах п- либо э-кольца, быть может из-за ночных метеоритных дождей. Ада подняла глаза к вечеряющему небу. Полярное и экваториальное кольца вращались над головой двумя перекрещенными полосами света. Каждое состояло из тысяч отдельных светящихся объектов. Почти все двадцать семь лет Адиной жизни их вид успокаивал и обнадеживал: там лазарет, где человеческое тело обновляется каждые два десятилетия, там живут постлюди, которые за ними приглядывают и к которым они вознесутся после Пятой и последней Двадцатки. Но после того как Харман и Даэман там побывали, Ада знала, что постлюдей на кольцах нет. Пятая Двадцатка оказалась многовековой ложью – финальным факсом к смерти от зубов человекоядного существа по имени Калибан.

Падучие звезды – на самом деле обломки орбитальных объектов, которые Даэман и Харман столкнули восемь месяцев назад, – прочерчивали небосвод с запада на восток, но это был уже слабенький метеоритный дождик по сравнению с ужасной бомбардировкой в первые недели после Падения. Ада задумалась об этом слове, прочно вошедшем в обиход за последние месяцы. *Падение*. Падение чего? Падение обломков орбитального астероида, уничтоженного по воле Просперо при участии Хармана и Даэмана, падение сервиторов, отключение электричества и то, что войниксы, прежде верно служившие людям, вышли из-под контроля в ту самую ночь – ночь Падения. Все рухнуло в тот день чуть больше восьми месяцев назад – не только небо, но и целый мир, каким его знали современники Ады и многие поколения людей старого образца на протяжении четырнадцати Пяти Двадцаток.

К горлу подступила тошнота, от которой Ада страдала первые три месяца беременности, однако причина была не в токсикозе, а в беспокойстве. Голова трещала от напряжения. «Отменить», – подумала Ада, и окно ближней сети погасло. Она попробовала дальнюю сеть. Бесплезно. Попробовала примитивную поисковую функцию, но трое мужчин и женщина, которых она хотела найти, ушли слишком далеко, и значок не загорался красным, зеленым или желтым. Ада отменила все ладонные функции разом.

Всякий раз, как она включала какую-нибудь функцию, ей хотелось читать книги. Ада глянула на светящиеся окна библиотеки. Она видела головы сиглирующих людей, и ей хотелось оказаться с ними, скользить ладонями по корешкам новых томов, привезенных в последние дни, смотреть, как золотые буквы текут по рукам в сердце и разум. Однако за этот короткий

зимний день она прочла пятнадцать толстых книг, и от одной мысли о сиглировании ее замутило еще сильнее.

«Чтение – по крайней мере, сигл-чтение – чем-то похоже на беременность», – подумала Ада и, довольная сравнением, принялась его развивать. Оно тоже вызывает чувства, к которым ты не готова. Ощущаешь себя наполненной и не совсем собой, двигаешься к некой определенной минуте, которая переменит твою жизнь навсегда.

Интересно, *что* сказал бы по этому поводу Харман, беспощадный критик собственных метафор и аналогий? Неприятное ощущение поднялось от живота к сердцу, беспокойство вернулось.

«Где они? Где он? Как там мой милый?»

С бьющимся сердцем Ада зашагала туда, где мерцал открытый огонь в обрамлении деревянных подмостков – литейная площадка Ханны. Теперь здесь круглосуточно изготавливали оружие из бронзы, железа и других металлов.

– Добрый вечер, Ада-ур! – воскликнул один из молодых людей, которые поддерживали огонь, высокий и худой Лоэс. После стольких лет знакомства он до сих пор предпочитал официально-почтительное обращение.

– Добрый вечер, Лоэс-ур. Ничего не слышно с дозорных башен?

– Ничего, к сожалению! – крикнул сверху Лоэс, отступая от круглого отверстия в куполе.

Ада рассеянно отметила, что он сбрил бороду и что лицо у него красное и потное. Лоэс работал голым по пояс, и это ближе к ночи, от которой все ожидали снега!

– Сегодня будет литье? – спросила Ада.

Ханна всегда предупреждала ее заранее – на ночное литье стоило полюбоваться. Однако Ада плавильной печью не занималась и не особо следила, что там происходит.

– К утру, Ада-ур. Я уверен, что Харман-ур и остальные скоро вернуться. При свете колец и звезд легко найти дорогу.

– Да, конечно! – крикнула Ада. – Кстати, – вдруг припомнила она, – ты не видел Даэмана-ур?

Лоэс утер лоб, негромко посоветовался с товарищем, который уже спускался за дровами, и крикнул:

– Даэман-ур сегодня вечером отправился в Парижский Кратер, помнишь? Хочет забрать оттуда свою мать.

– Ах да, конечно. – Ада прикусила губу, однако не удержалась от вопроса: – Ушел-то он засветло? Очень надеюсь, что так.

В последние недели войники все чаще нападали на людей по пути к факс-узлу.

– Само собой, Ада-ур. Он ушел к павильону задолго до заката и взял с собой один из новых арбалетов. И он дождется рассвета, прежде чем возвращаться с матерью.

– Вот и хорошо, – сказала Ада, глядя на северный частокол, за которым начинался лес; здесь, на открытом склоне холма, уже стемнело, последний свет на западе скрыли тучи, и она могла вообразить, как темно под деревьями. – Увидимся за ужином, Лоэс-ур.

– До скорой встречи, Ада-ур.

Налетел холодный ветер, и Ада накинула на голову шаль. Она шла к северным воротам и дозорной башне, хотя знала, что не дело отвлекать часовых беспокойными расспросами. К тому же сегодня она уже простояла там час, глядя на север и почти упиваясь радостным ожиданием. Тогда тревога еще не накатила, как дурнота. Ада бесцельно брела в обход восточной стороны Ардис-холла, кивая часовым, которые стояли, опираясь на копья. Вдоль подъездной дороги горели факелы.

Она не могла вернуться в дом – слишком много тепла, веселья и разговоров. На пороге юная Пеаэн говорила с одним из своих юных поклонников, переехавших в Ардис из Уланбата после Падения, учеником Одиссея в ту пору, когда старик еще не замкнулся в молчании и не

велел называть его Никто. Аде не хотелось даже здороваться, и она повернула в сумрак заднего двора.

Что, если Харман умрет? Что, если он уже погиб где-то там, в темноте?

Наконец-то страх обрел форму слов, и на сердце немного полегчало, дурнота отступила. Слова подобны предметам, они придают идее вещественность, делают ее менее похожей на отравленный газ, больше – на жуткий куб кристаллизованной мысли, который можно вертеть в руках, разглядывая ужасные грани.

Что, если Харман умрет?

Трезвый рассудок подсказывал: Ада перенесет и это горе. Продолжит жить, родит ребенка, возможно, полюбит снова...

От последней мысли опять накатила тошнота. Ада села на холодную каменную скамейку, с которой могла видеть пылающий купол плавильной печи и закрытые северные ворота.

До Хармана Ада никого по-настоящему не любила. И девушкой, и молодой женщиной она понимала, что флирт и мимолетные романы – это не любовь. В мире до Падения и не было ничего, кроме флирта и мимолетных романов – с другими, с жизнью, с самим собой.

До Хармана Ада не ведала, какое счастье – спать с любимым, и здесь она употребляла это слово не как эвфемизм, а думала о том, чтобы спать с ним рядом, просыпаться рядом с ним ночью, чувствовать его руку, погружаясь в дрему и пробуждаясь утром. Она знала, как Харман дышит, знала его прикосновения и запах – мужской запах природы, ветра, кожаной сбруи и осенней листвы.

Ее тело помнило его касания – не только частые занятия любовью, но и то, как Харман мимоходом гладил ее по спине, плечу или руке. Она знала, что будет тосковать по его взгляду почти так же, как по телесным прикосновениям. Ада привыкла чувствовать его заботу, его внимание как нечто осязаемое. Она закрыла глаза и вообразила, как его широкая, шершавая, теплая ладонь сжимает ее тонкие бледные пальцы. Этого тепла ей тоже будет не хватать. Ада осознала, что, если Хармана не станет, ей будет больше всего недоставать воплощенного в нем будущего. Чувства, что *завтра* означает видеть Хармана, смеяться с Харманом, есть вместе с Харманом, обсуждать с Харманом их еще не рожденного ребенка и даже спорить с Харманом. Ей будет недоставать чувства, что жизнь – это не просто еще один день, но подаренный ей день, который она во всем разделит с любимым.

Сидя на холодной скамье под вращающимися над головой кольцами и усилившимся метеоритным дождем, глядя на свою длинную тень, протянувшуюся по заиндевевшей траве в отблесках плавильной печи, Ада осознала, что легче думать о собственной смертности, чем о смерти любимого. Это не стало для нее таким уж откровением: она и прежде воображала такую перспективу, а воображать Ада умела очень-очень хорошо. Однако ее поразила реальность и полнота этого чувства. Как и ощущение новой жизни внутри, любовь к Харману и страх его потерять наполняли ее целиком и были каким-то образом больше не только ее самой, но ее способности чувствовать и мыслить.

Ада ждала, что близость с Харманом ей понравится; ей хотелось соединиться с ним и узнать те радости, которые может принести ей его тело. Однако она с удивлением обнаружила, что каждый из них как будто открыл для себя другое тело – не его и не ее, но что-то общее и необъяснимое. Об этом Ада не говорила ни с кем, даже с мужем, хотя знала, что он разделяет ее чувства, и думала, что Падение высвободило в человеческих существах нечто доселе неведомое.

Восемь месяцев после Падения должны были стать для Ады временем скорби и тягот. Сервиторы перестали работать, легкая и праздная жизнь закончилась, мир, который она знала с детства, исчез навсегда, мать, отказавшаяся вернуться в опасный Ардис-холл, осталась в Поместье Ломана на восточном побережье вместе с двумя тысячами человек и вместе с ними погибла при нападении войников, кузина и подруга Ады Вирджиния исчезла из своего

жилища под Чомом за Северным полярным кругом, людям впервые за много столетий было нужно бороться за выживание, за то, чтобы не умереть от голода и холода. Лазарета не стало, восхождение на кольца после Пятой Двадцатки оказалось злонамеренным мифом, людям пришлось осознать, что когда-нибудь они умрут и даже жизнь в Пять Двадцаток им больше не гарантирована, каждый может умереть в любую минуту... Казалось бы, двадцатисемилетнюю женщину это должно сломить и вогнать в тоску.

А она была счастлива, как никогда прежде. Испытания приносили ей радость – радость находить в себе мужество, радость полагаться на товарищей, радость принимать и дарить любовь, невозможную в мире вечных праздников и безотказных сервиторов, в мире факсов и ни к чему не обязывающих связей. Ада, естественно, страдала, когда Харман уходил на охоту, или возглавлял атаку на войников, или улетал в соньере то к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу, то в какие-нибудь другие древние места, или отправлялся учить людей в какой-нибудь из трехсот с лишним факс-узлов, где еще теплилась жизнь – *со дня Падения население Земли уменьшилось по меньшей мере вдвое, к тому же теперь мы знаем, что постлюди солгали нам столетия назад и нас всегда было меньше миллиона*, – но тем сильнее она радовалась всякий раз, как Харман возвращался. И как же она была счастлива даже в холодные, полные опасностей дни, когда он был рядом с ней!

Если ее любимого Хармана не станет, она будет жить дальше – Ада знала в душе, что будет жить дальше, родит и воспитает ребенка, возможно, полюбит снова, но окрыляющая радость последних восьми месяцев уйдет навсегда.

«Хватит глупить», – приказала себе Ада.

Она встала, поправила шаль и собралась идти в дом, когда на сторожевой башне ударили в колокол и от северных ворот донесся голос дозорного:

– Трое приближаются со стороны леса!

На литейной площадке все побросали работу и, схватив копья, луки и арбалеты, бросились к ограде. Часовые из западного и восточного дворов тоже бежали к лестницам и парапетам.

Трое. Ада окаменела. Утром ушли четверо. У них были переделанные дрожки, запряженные волом. Они бы не бросили дрожки и вола в лесу, не случись что-нибудь ужасное. И если бы кто-нибудь сломал или вывихнул ногу, его привезли бы на дрожках.

– К северным воротам подходят трое! – крикнул дозорный. – Откройте ворота! Они несут тело!

Ада уронила шаль и со всех ног побежала к частоколу.

23

За несколько часов до нападения войников у Хармана возникло предчувствие чего-то ужасного.

В их вылазке не было особой нужды. Одиссей – вернее, Никто, напомнил себе Харман, хотя для него коренастый силач с курчавой седеющей бородой так и остался Одиссеем, – решил добыть свежего мяса, разыскать хотя бы часть пропавшего скота и провести разведку на северных холмах. Петир предлагал не мудрить и полететь на соньере, но Одиссей возразил, что даже в оголившись лесах тяжело разглядеть корову с высоты. К тому же ему хотелось поохотиться.

– Войникам тоже, – заметил Харман. – Они нагледят с каждой неделей.

Одиссей – Никто – пожал плечами.

Харман отправился в эту маленькую экспедицию, хотя и понимал, что у всех ее участников есть дела поважнее. Ханна сейчас готовилась бы к утреннему литью; ее отсутствие могло нарушить все планы. Петир составлял бы каталог книг, доставленных в библиотеку за последние две недели, помечая те, которые нужно сиглировать в первую очередь. Никто обещался

взять соньер и в одиночку полететь наконец на поиски заброшенного автоматизированного завода на берегу водоема, когда-то называвшегося озером Мичиган. Сам Харман, вероятно, провел бы весь день, с упорством одержимого пытаясь проникнуть во всеобщую сеть и открыть новые функции. Впрочем, возможно, он отправился бы с Даэманом – помочь другу перевезти мать из Парижского Кратера в Ардис-холл.

Однако сегодня Никто, который постоянно уходил охотиться в одиночку, отчего-то пожелал общества. Бедная Ханна, влюбленная в Одиссея со встречи на мосту Золотые Ворота в Мачу-Пикчу более девяти месяцев назад, вызвалась пойти с ними. Тогда Петир – он был учеником Одиссея перед Падением (в то время, когда старик еще преподавал свою странную философию), а теперь смотрел в рот только Ханне, в которую был безнадежно влюблен, – объявил, что пойдет с ними. В конце концов и Харман согласился к ним примкнуть, потому что... он сам толком не знал почему. Возможно, просто не хотел отпускать злосчастных влюбленных в лес втроем, на целый день и с оружием.

«Злосчастных влюбленных»! Шагая за этими тремя по морозному лесу, Харман невольно улыбнулся. Слово «злосчастный» впервые попало ему лишь день назад, когда он читал – глазами, не прибегая к сигл-функции, – пьесу «Ромео и Джульетта».

В ту неделю он упивался Шекспиром. Три пьесы за два дня! Он удивлялся, как держится на ногах, как может поддерживать беседу. Мозг переполняли невообразимые ритмы, разум захлебывался потоками неведомых доселе слов, а главное – Харман заглянул в сложность человеческой природы глубже, чем смел надеяться. Ему хотелось плакать.

Если бы Харман заплакал, то (как он осознавал со стыдом) не от красоты и мощи пьес – сама концепция театрального действия была для него совершенно нова. Нет, он плакал бы от эгоистичного сожаления, что узнал о Шекспире лишь за три месяца до конца отпущенных ему пяти двадцатилетий. Хотя Харман своими руками помог уничтожить орбитальный лазарет и твердо знал, что больше никто из людей старого образца не отправится на кольца в свою Пятую Двадцатку (да и в какую бы то ни было), – трудно было отделаться от убеждения, с которым он прожил девяносто девять лет, – что его жизнь оборвется в полночь накануне сотого дня рождения.

В преддверии сумерек четверка брела по краю обрыва, возвращаясь домой с пустыми руками. Они не могли идти быстрее, чем запряженный в дрожки медлительный вол. До Падения повозка балансировала на одном колесе за счет встроенных гироскопов, а вез ее войникс. Теперь, без подпитки, треклятые колымаги не держали равновесия, так что люди повывинчивали из них механическую начинку, раздвинули дышла пошире и смастерили хомуты для тягловой скотины. Изящное центральное колесо заменили парой более широких на специально выкованной оси. Харману эти самодельные устройства казались до обидного нескладными, но, с другой стороны, то были первые изготовленные человеком повозки за пятнадцать с лишним выброшенных на ветер веков.

От этой мысли ему еще сильнее хотелось плакать.

Они прошли мили четыре на север – в основном по низким обрывам над притоком реки, которая, как знал теперь Харман, когда-то звалась Екей, а еще раньше – Огайо. Дрожки взяли, чтобы везти олени туши (хотя Никто, бывало, проходил целые мили с убитым оленем на плечах), так что они плелись со скоростью неторопливого вола.

Время от времени двое оставались у повозки, а двое других уходили в лес с луками и арбалетами. Петир захватил дротиковую винтовку – один из немногих огнестрелов в Ардис-холле, – однако четверка предпочитала охотиться с более бесшумным оружием. Войниксы, хотя и не имеют ушей, слышат отлично.

Все утро трое людей старого образца проверяли свои ладони. Непонятно почему, но поисковая функция, дальняя сеть и редко используемая общая не показывали войниксов, но обычно показывала ближняя. С другой стороны, как узнали Харман и Даэман с Сейви девять

месяцев назад в месте под названием Иерусалим, войникисы тоже отслеживали людей по ближней сети.

Впрочем, сегодня это не имело значения. К полудню функции отказали полностью. Полагаясь лишь на собственные глаза, охотники, шагая по лугам или над невысокими обрывами, еще внимательнее всматривались в кромку леса.

Северо-восточный ветер пробирал до костей. Старые распределители отключились в день Падения, а до того теплая одежда была почти не нужна, так что на трех людях старого образца были грубые плащи и пальто из шерсти и шкур. Одиссей... Никто... словно не чувствовал холода и носил все те же нагрудные латы и набедренник да еще короткую красную накидку на плечах.

Они не встретили ни одного оленя, что было странно. По счастью, аллозавры и другие восстановленные по РНК динозавры им тоже не попадались. Обитатели Ардис-холла сошлись на том, что немногих динозавров, которые до сих пор охотились так далеко на севере, прогнали на юг морозы. Дурная новость состояла в том, что саблезубые тигры, явившиеся прошлым летом, не мигрировали вслед за крупными рептилиями. Никто первым указал на свежие отпечатки огромных лап неподалеку от тропы, по которой большую часть дня шел отряд.

Петир на всякий случай проверил, что в винтовке есть еще полная обойма флешетт.

Они повернули назад после того, как наткнулись на остовы и окровавленные кости двух растерзанных коров. Десять минут спустя они увидели шкуру, позвоночник и череп, оскالившийся причудливо изогнутыми зубами.

Никто вскинул голову и, двумя руками сжимая копье, повернулся вокруг своей оси, оглядывая каждый валун или дерево.

– Его убил другой саблезубый тигр? – спросила Ханна.

– Либо так, либо это был войникс, – ответил Никто.

– Войникисы не едят, – сказал Харман и тут же понял, что ляпнул глупость.

Никто покачал головой, тряхнув седеющими кудрями:

– Да, но, возможно, тигр напал на стаю войниксов, а съели его другие тигры либо падальщики. Видите вон там, на рыхлой земле, отпечатки лап? Рядом с ними следы войниксов.

Харман увидел следы, но лишь после того, как Никто на них указал.

Они вновь повернули назад, но глупый вол тащился медленнее обычного, хотя Никто подгонял его древком копья, а порой и острым наконечником. Колеса и ось скрипели; один раз пришлось остановиться и править расшатавшуюся втулку. Ветер нагнал низкие тучи, стало еще холоднее. Когда начало смеркаться, до дому оставалось еще две мили.

– Они подержат наш ужин в тепле, чтобы не остыл, – сказала Ханна; до своей несчастной любви эта высокая спортивная девушка всегда была оптимисткой, но сейчас ее беззаботная улыбка смотрелась вымученной.

– Попробуй ближнюю сеть, – посоветовал Никто.

У старого грека не было ладонных функций. Зато его тело древнего образца, свободное от двух тысячелетий наногенного вмешательства, не регистрировалось ни в одной из сетей, которыми пользовались войникисы.

– Только помехи, – сказала Ханна, глянув на голубой овал над ладонью, и отключила поиск.

– Что ж, они нас тоже не видят, – отозвался Петир; молодой человек нес в руке копье, на плече у него висела дротиковая винтовка, но смотрел он только на Ханну.

Они двинулись через луг. Высокая острая трава царапала ноги, починенные дрожки скрипели громче обычного. Харман глянул на голые икры Одиссея над ремнями сандалий и подивился, отчего их не покрывает сплошная сеть рубцов.

– Похоже, целый день прошел зря, – заметил Петир.

Никто пожал плечами:

– Теперь мы знаем, что нечто большое истребляет оленей в окрестностях Ардиса. Месяц назад на такой долгой охоте я добыл бы двух или трех.

– Новый хищник? – спросил Харман и закусил губу.

– Может, и так, – ответил Никто. – Или же войникисы убивают дичь и угоняют скот, чтобы уморить нас голодом.

– Им хватит на такое ума? – спросила Ханна.

Люди старого образца привыкли смотреть на органико-механических существ как на рабочую силу – бессловесную и тупую, способную лишь выполнять команды, запрограммированную, подобно сервиторам, заботиться о людях и защищать их. Однако в день Падения сервиторы сломались, а войникисы убежали и стали смертельно опасными.

Никто снова пожал плечами:

– Хотя войникисы могут действовать автономно, они выполняют приказы. Всегда. Чьи и откуда – я точно не знаю.

– Не Просперо, – тихо заметил Харман. – После того как мы побывали в Иерусалиме, который кишел войниками, Сейви сказала, что ноосферная сущность по имени Просперо создала Калибана и калибанов для защиты от войников. Они не из нашего мира.

– Сейви... – хмыкнул грек. – Не могу поверить, что старухи больше нет.

– Она мертва, – сказал Харман; на орбитальном острове они с Даэманом видели, как чудовище по имени Калибан убило Сейви и уволокло ее тело. – Как долго ты ее знал, Одиссей... Никто?

Старик погладил короткую седую бороду:

– Давно ли я знал Сейви? В пересчете на реальное время – несколько месяцев... растянутых на более чем тысячу лет. Иногда мы спали вместе.

Ханна даже остановилась.

Никто рассмеялся:

– Она – в своей криоколыбели, а я – в моем временном саркофаге на Золотых Воротах. Рядышком, но по отдельности. Очень прилично. Два младенца в отдельных люльках. Если помянуть все имя одного из моих соотечественников, я бы назвал это *платоническими* отношениями. – Никто от души рассмеялся, хотя ни один из его спутников даже не улыбнулся. Отсмеявшись, он произнес: – Не верь всему, что говорила тебе старуха. Она о многом врала, а многого не знала сама.

– Я не встречал более мудрой женщины, – ответил Харман. – И никогда не встречу такую, как она.

Никто холодно улыбнулся:

– Насчет второго ты прав.

Им пришлось пересечь ручей, опасно балансируя на камнях и поваленных стволах – не хотелось в такой холод промочить одежду или ноги. Вол шагал по ледяной воде, таща за собою дрожки. Петир добрался до берега первым и встал на страже с дротиковым ружьем наготове, дожидаясь товарищей. Они шли не той же тропой, что от дома, но были сейчас в нескольких сотнях ярдов от нее. Оставалось перевалить через пологий лесистый увал, миновать длинный каменистый луг, потом еще один луг, а там уже – Ардис-холл, тепло, еда и относительная безопасность.

Солнце село в тучи на юго-западе. Через несколько минут стемнело так, что свет давали почти только одни кольца. В дрожках были два фонаря, а у Хармана в рюкзаке – свечи, однако пока хватало звезд и колец.

– Интересно, Даэман отправился за своей матерью? – сказал Петир, которого, видимо, тяготило долгое молчание.

– Лучше бы он подождал меня, – ответил Харман. – Или, по крайней мере, дня на той стороне. В Парижском Кратере теперь небезопасно.

Никто хмыкнул:

– Удивительно, но из всей вашей братии Даэман лучше других может о себе позаботиться. Он ведь и тебя удивил, Харман?

– Не особенно, – ответил Харман и тут же понял, что это неправда.

Меньше года назад, при первой встрече, перед ним предстал вечно ноющий, пухлый маменькин сынок, у которого в жизни было две страсти: ловить бабочек и соблазнять молодых женщин. Более того, Харман был убежден, что Даэман приехал тогда в Ардис-холл с целью соблазнить свою кузину Аду. В начале их походов Даэман трусил и постоянно на все жаловался. Однако Харман вынужден был признаться себе, что события изменили молодого человека в лучшую сторону куда сильнее, чем самого Хармана. Именно голодный, но решительный Даэман, потерявший сорок фунтов, зато злой как черт, одолел Калибана в условиях почти нулевой гравитации на орбитальном острове Просперо. Даэман вытащил Хармана и Ханну живыми. Со дня Падения Даэман стал молчаливее, серьезнее и упорно осваивал все навыки борьбы и выживания, которым учил Одиссей.

Харман даже немного завидовал. Он считал себя естественным вожаком Ардиса: все-таки самый старший, самый мудрый, каких-то девять месяцев назад – единственный на Земле, кто умел – или желал – читать книги, единственный, кто знал, что Земля круглая... Почему те же испытания, что закалили Даэмана, ослабили дух и тело Хармана? «Неужели дело в моем возрасте?» Внешне он выглядел лет на сорок, как любой мужчина на Пятой Двдцатке в эпоху до Падения. Синие черви и булькающие химикаты в лазарете успешно обновляли его во время четырех прошлых визитов. А психологически? Вот о чем стоило беспокоиться. Возможно, старость есть старость, как бы искусно ни восстанавливали человеческое тело. Это чувство усугублялось тем, что Харман до сих пор хромал после увечья, полученного на адском острове Просперо девять месяцев назад. Не было больше лазаретных баков, где устраняли любое повреждение, сервиторы больше не подплывали перевязать и залечить последствия самых мелких несчастных случаев. Харман знал: нога никогда не станет вполне здоровой, он обречен хромать до конца дней. Веселее от этой мысли не становилось.

Охотники шли через лес в молчании, и каждый чувствовал, что и остальные погружены в тяжелые думы. Харман в свой черед вел в поводу вола, который с наступлением темноты начал упрямыться еще сильнее. Если норовистая скотина свернет не туда и разобьет дрожки о дерево, им придется либо всю ночь чинить клятую повозку, либо бросить ее на дороге. И то и другое было плохо.

Одиссей-Никто ступал легкой походкой, подстраиваясь под шаг медлительного вола и хромого Хармана. Тот посмотрел на Ханну, которая пожирала глазами Одиссея, и на Петира, пожирающего глазами Ханну, – и ему захотелось сесть на холодную землю и зарыдать о мире, где насущные заботы не оставляют места слезам. Ему вспомнилась потрясающая, только что прочитанная пьеса Шекспира – «Ромео и Джульетта». Неужели некоторые страсти свойственны людям даже теперь, спустя почти два тысячелетия самоэволюции, нанотехнологии, генетических манипуляций?

Возможно, я зря разрешил Аде забеременеть. Эта мысль мучила Хармана сильнее всего.

Она хотела ребенка. Он хотел ребенка. Более того, они, может быть единственные на нынешней Земле, мечтали о семье, когда мужчина остается с женщиной и родители, а не сервиторы вместе воспитывают дитя. До Падения люди старого образца знали матерей, но почти никто не знал, да и не хотел знать, кто его отец. В мире, где мужчины оставались молодыми и здоровыми до Пятой и последней Двдцатки, при малочисленном населении (возможно, меньше трехсот тысяч на всей планете) и культуре вечных праздников и коротких романов, в которой больше всего ценилась юная красота, почти наверняка многие отцы, не ведая того, спали с дочерьми, молодые люди – с матерями.

Хармана это тревожило с тех самых пор, как он выучился читать и получил первое – *запоздалое!* – представление о прежних культурах и давно утраченных ценностях, однако никого больше девять месяцев назад инцест не смущал. Те же генноинженерные наносенсоры в теле женщины, которые позволяли ей выбирать между пакетами спермы, тщательно законсервированными на месяцы и даже годы после каждого соития, не дали бы ей предпочесть близкого родственника в качестве производителя. Такого просто не могло произойти. Нанопрограмма не допускала промашек, хотя человечество совершало их на каждом шагу.

Но теперь все иначе, думал Харман. Семьи необходимы – это вопрос выживания. Дело даже не в нападениях войников и трудностях, обрушившихся на людей после Падения; семьи помогут людям организовать для войны, которая, по словам Одиссея, скоро начнется. Старый грек ничего не добавил к своему пророчеству в ночь Падения, но тогда он сказал, что грядет великая война. Некоторые предполагали, что она будет связана с осадой Трои, которую они смотрели в туринских пеленах до того, как вшитые микросхемы тоже перестали работать. «Новые миры возникнут на твоём дворе», – сказал Одиссей Аде.

Они вышли на широкий луг перед последним кольцом леса. Харман чувствовал, что устал и напуган. Устал от постоянных попыток решить, что правильно. Кто он такой? По какому праву уничтожил лазарет, возможно, выпустил на волю Просперо, а теперь поучает других, что им надо создавать семьи и объединяться для самозащиты? Что он знает – девятистодевятилетний Харман, растративший почти всю жизнь и не научившийся мудрости?

Его пугала не столько смерть (хотя все они впервые за полтора тысячелетия вновь испытывали этот страх), сколько перемены, виновником которых он стал. И ответственность.

«Верно ли мы поступили, позволив Аде забеременеть?» В новом мире они решили, что правильно будет – даже невзирая на тяготы и неопределенность – завести семью, хотя им трудно было даже думать о том, чтобы родить больше чем одного ребенка. В полуторатысячелетнее правление постлюдей женщинам старого образца разрешалось иметь лишь одного ребенка. Аде и Харману трудно было свыкнуться с мыслью, что они могут родить нескольких детей, если захотят и биология позволит. Не нужно записываться в очередь, не нужно ждать, когда сервиторы доставят подтверждение от постлюдей. С другой стороны, они не знали, может ли человек завести более чем одного ребенка. Допустят ли это их измененная генетика и нанопрограммы?

Они решили завести ребенка сейчас, пока Аде еще нет тридцати, надеясь показать другим, не только в Ардис-холле, но и в остальных уцелевших общинах у факс-узлов, что это такое – семья, где есть отец.

Все это пугало Хармана. Пугало, хотя он и не сомневался в своей правоте. Во-первых, переживут ли мать и дитя роды вне лазарета? Никто из ныне живущих людей старого образца не видел, как появляется на свет ребенок. Рождение, как и смерть, происходило на э-кольце, куда факсировали в одиночку. И подобно восстановлению после тяжелой травмы или преждевременной смерти, как это было с Даэманом, когда того съел аллозавр, роды считались травматическим событием и полностью стирались из памяти. Женщина помнила о родах в лазарете не больше младенца.

Сервитор сообщал, что настало время, женщина факсировала на небо и возвращалась через два дня, стройная и здоровая. В следующие месяцы о малыше заботились исключительно сервиторы. Матери обычно поддерживали связь с детьми, но почти не участвовали в их воспитании. Мужчины до Падения даже не подозревали о своем отцовстве, ибо между половым актом и рождением ребенка подчас проходили годы, а то и десятилетия.

И вот сейчас, когда Харман и другие читали в книгах о древнем обычае деторождения, процесс казался невероятно опасным и варварским, даже если происходил в больнице (примитивной версии лазарета) под присмотром профессионалов, а ведь на Земле не осталось людей, хотя бы видевших рождение ребенка.

Кроме Одиссея. Грек однажды признался, что в прошлой жизни – той невероятной жизни, полной кровопролитных сражений, которую показывали туринские пелены, – хотя бы частично видел процесс рождения детей, в том числе своего сына Телемаха. Теперь Одиссей был повитухой Ардис-холла.

В новом мире, где не было врачей – никто не знал, как лечить даже простейшие травмы или проблемы с сердцем, – Одиссей-Никто стал верховным целителем. Он умел ставить компрессы, зашивать раны, вправлять переломы. В своих почти десятилетних странствиях через пространство и время после бегства от некоей особы по имени Цирцея он усвоил некоторые современные познания в области медицины – например, что надо помыть руки и нож, прежде чем резать по живому.

Девять месяцев назад Одиссей рассчитывал пробыть в Ардис-холле всего две-три недели. Теперь, соберись он уходить, его бы наверняка скрутили и связали, лишь бы удержать при себе столь опытного наставника, умеющего делать оружие, охотиться, свежевать дичь, готовить еду на костре, ковать металл, шить одежду, программировать соньер, лечить, перевязывать раны... или помочь малышу появиться в мир.

Они уже видели луг за краем леса. Тучи напозли на кольца, надвигалась кромешная тьма.

– Я хотел сегодня увидаться с Даэманом... – начал Никто.

Это было последнее, что он успел сказать.

Войникисы прыгнули на них с деревьев бесшумно, словно огромные пауки. Их было не меньше дюжины, и все до единого выпустили убийственные лезвия.

Двое приземлились на спину волю и перерезали ему горло. Двое напали на Ханну, полетели брызги крови и клочья одежды. Ханна отскочила назад, попыталась поднять арбалет, но войникисы свалили ее с ног и склонились над жертвой, дабы закончить дело.

Одиссей закричал, активировал меч (подарок Цирцеи, как он рассказал им когда-то давно) и бросился вперед. Полетели обломки панцирей и механических рук, Хармана обдало белой кровью и синим маслом.

Один из войниксов прыгнул на Хармана и чуть не вышиб из него дух, но тот успел откатиться из-под режущих лезвий. Другой войникс приземлился на четвереньки и резко выпрыгнул, двигаясь будто в ускоренном ночном кошмаре. Харман кое-как вскочил, поднял копье и ударил второго войникса в то самое мгновение, когда первый полоснул его по спине.

Грянул выстрел: это Петир вскинул винтовку. Флешетты просвистели у Хармана над ухом. Войникс, напавший сзади, завертелся и рухнул под ударами тысячи хрустальных дротиков. Харман обернулся в ту самую секунду, когда второй войникс прыгнул, и вогнал копье тому в грудь. Тварь упала, но в падении вырвала у него копье. Харман выругался, потянулся к древку, но тут же отскочил и сорвал с плеча лук: еще три войникса бросились в его сторону.

Четверо людей встали спиной к повозке. Восемь оставшихся войниксов окружили их и начали сужать кольцо, лезвия поблескивали в гаснущем свете.

Ханна всадила две арбалетные стрелы в грудь ближайшему войниксу. Тот упал, но продолжал атаковать на четвереньках, подтягивая себя вперед лезвиями. Одиссей-Никто шагнул вперед и Цирцеиным мечом рассек его надвое.

Три войникса бросились на Хармана. Тому некуда было отступать. Он выпустил единственную стрелу, увидел, как она отскочила от металлической груди, и все три войникса атаковали разом. Харман пригнулся, почувствовал, как что-то рассекло ему ногу, прокатился под дрожками – чувствуя запах бычьей крови, металлический привкус во рту – и выпрыгнул по другую сторону повозки. Три войникса прыгнули через нее.

Петир резко повернулся, присел и выпустил по тварям обойму из нескольких тысяч флешетт. Три войникса разлетелись на куски в брызгах органической крови и машинного масла.

– Прикройте, мне нужно перезарядить! – крикнул Петир и сунул руку в карман за новой обложкой.

Харман отбросил лук (враги были слишком близко), вытащил меч, выкованный под присмотром Ханны всего два месяца назад, и принялся рубить ближайшие металлические фигуры. Однако те двигались куда стремительнее его. Один воиникс увернулся. Другой выбил у Хармана меч.

Ханна запрыгнула на дрожки и выстрелила из арбалета в спину атакующему Хармана войнику. Чудище развернулось и тут же снова бросилось на человека, подняв металлические руки с вращающимися лезвиями. У него не было ни рта, ни глаз.

Харман упал на руки, уворачиваясь от смертоносного удара, и пнул тварь по ногам. Это было все равно что пинать вмурованные в бетон железные трубы.

Теперь уже пятеро оставшихся войников были по одну сторону дрожек и атаковали Хармана с Петиром. Молодой человек не успел даже поднять винтовку.

В это мгновение Одиссей, обежав дрожки, с бешеным воплем ринулся на врагов. Все пять войников повернулись к нему, их руки и вращающиеся лезвия разом пришли в движение.

Ханна подняла тяжелый арбалет, но никак не могла прицелиться: Одиссей был в самой гуще боя, и все двигались чересчур быстро. Харман схватил с дрожек запасное охотничье копьё.

– Ложись, Одиссей! – крикнул Петир.

Грек упал – то ли потому, что услышал совет, то ли под натиском войников. Двух он разрубил, но оставшиеся трое были невредимы и по-прежнему смертоносны.

TppppppppppppppppppTppppppppppppppppTpppppppp!

Очередь из винтовки, переведенной в автоматический режим, прозвучала словно грохот деревянного весла по лопастям включенного вентилятора. Последних трех войников отшвырнуло на шесть футов; их панцири, утыканые десятью с лишним тысячами хрустальных флешетт, блестели в гаснущем свете колец, словно мозаика из битого стекла.

– Господи Иисусе, – выдохнул Харман.

Войникс, которого ранила Ханна, поднялся за ее спиной по другую сторону дрожек.

Харман метнул копье, вложив в бросок все оставшиеся силы. Войникс зашатался, вытащил копье из своей груди и переломил древко.

Харман запрыгнул на дрожки и схватил со дна повозки еще копьё; Ханна выпустила в войника еще две арбалетные стрелы. Одна улетела во мглу между деревьями, другая попала в цель. Харман соскочил с повозки и вогнал последнее копьё в грудь последнего войника. Тварь дернулась и отступила еще на шаг.

Харман выдернул копьё – и в иступлении безумия всадил обратно, провернул зазубренный наконечник, вытащил его наружу и снова вонзил.

Войникс рухнул на спину, лязгнув о корни векового вяза.

Харман встал над поверженной тварью, не обращая внимания на судорожно дергающиеся металлические руки и лезвия, занес над головой копьё, облитое молочно-голубой жидкостью, вонзил его, повернул, вытащил, поднял, загнал еще глубже в корпус, вырвал, вогнал туда, где у человека находился бы пах, сделал несколько оборотов, чтобы как можно сильнее покалечить мягкие внутренние части, выдернул вместе с изрядным куском панциря и воткнул с такой яростью, что наконечник вошел в корни и почву. Он снова выдернул копьё, вогнал еще раз, выдернул, занес для нового удара...

– Харман... – Петир положил ему руку на плечо. – Он мертв. Он мертв.

Харман огляделся. Он не узнал Петира и никак не мог набрать в легкие достаточно воздуха. В ушах стоял грохот, и он понял, что это его собственное натужное дыхание.

Кольца скрылись за тучами, под деревьями было темно, хоть глаз коли. В сумраке могли таиться еще пятьдесят войников, готовых к прыжку.

Ханна зажгла фонарь.

В круге света новых войников не было. Поверженные уже не дергались. Одиссей по-прежнему лежал на земле, придавленный убитым войником. Ни тот ни другой не шевелились.

– Одиссей! – Ханна, держа фонарь, спрыгнула с дрожек и ногой отшвырнула труп войника.

Петир подбежал к ней и встал на одно колено рядом с лежащим. Харман дохромал до них, опираясь на копье. Глубокие порезы на спине и ногах как раз начали болеть.

– Ой, – проговорила Ханна. Она стояла на коленях и держала фонарь над лицом Одиссея. – Ой, – повторила она.

Нагрудный доспех был сорван, ремни рассечены. Широкую грудь исполосовали глубокие раны. Один удар отхватил кусок левого уха и часть кожи с головы.

Однако ахнул Харман не из-за этого.

В тщетной попытке заставить Одиссея выронить меч Цирцеи войники искромсали ему правую руку в клочья, а потом почти совсем оторвали от тела. Фонарь озарил кровавое месиво, в котором белела кость. И все же рука по-прежнему сжимала гудящий меч.

– Боже мой, – прошептал Харман.

За восемь месяцев после Падения никто в Ардисе или в других уцелевших поселениях не выжил с такими ранами.

Ханна молотила по земле свободным кулаком. Другую руку она прижимала к окровавленной груди Одиссея.

– Я не слышу сердцебиения, – сказала она почти спокойно, и только блестящие в темноте белые глаза выдавали ее истинное состояние. – Не чувствую сердцебиения.

– Положим его на дрожки... – начал Харман.

Он чувствовал знакомые слабость и тошноту, как всегда после выброса адреналина. Нога и рассеченная спина кровоточили.

– К черту дрожки, – сказал Петир.

Он повернул рукоять Цирцеиногo меча – вибрация прекратилась, клинок опять сделался видимым, – отдал Харману меч, винтовку и две запасные обоймы, затем нагнулся, встал на одно колено, закинул на плечи мертвого или бесчувственного Одиссея и встал.

– Ханна, пойдешь впереди с фонарем. Перезаряди арбалет. Харман, ты с винтовкой прикрываешь тыл. Стреляй по всему, что движется.

Петир, шатаясь, побрел к лугу с окровавленным телом на плечах. По жестокой иронии он походил сейчас на Одиссея, когда тот гордо возвращался с убитым оленем.

Харман осоловело кивнул, отбросил копье, повесил на пояс Цирцеин меч и с винтовкой наперевес двинулся из лесу следом за двоими уцелевшими.

24

Факсировав в Парижский Кратер, Даэман сразу пожалел о своей поспешности. Надо было дождаться рассвета. Или хотя бы возвращения Хармана. Или взять иного попутчика.

Было около пяти вечера и уже смеркалось, когда он дошел до частокола факс-павильона в миле от Ардис-холла. Здесь, в Парижском Кратере, был час ночи, в непроглядной темноте хлестал ливень. Даэман факсировал в узел, ближайший к маминому домкомплексу, – факс-павильон, по неведомым никому из живых причинам называемый «Инвалидный отель», – и вышел из факс-портала с поднятым арбалетом. С крыши павильона потоками бежала вода, и Даэман смотрел на город словно через водопад.

Это его разозлило. Уцелевшие жители Парижского Кратера не охраняли свои факс-узлы. Примерно в трети сохранившихся общин по примеру Ардиса вокруг павильонов возвели стены и поставили круглосуточный караул, но обитатели Парижского Кратера попросту отказались

это делать. Никто не знал, могут ли войниксы факсировать (возможно, они в этом и не нуждались, их и без того было много повсюду), но люди этого и не выяснят, если общины вроде здешней не будут следить за своими узлами.

Поначалу в Ардисе павильон охраняли не от войниксов, а от беженцев, хлынувших туда после Падения. Когда отказали серверы и отключилось электричество, люди бросились искать еду и надежное укрытие, так что в первые недели и месяцы десятки тысяч беспорядочно метались между случайными факс-узлами, сменяя за день полсотни участков; истощали запасы продуктов и факсировали дальше. Тогда мало где существовали собственные пищевые склады, а по-настоящему безопасных мест не осталось вовсе. Ардисская община одной из первых вооружилась и первая остановила нашествие обезумевших беженцев. Здесь принимали лишь тех, кто владел каким-нибудь полезным навыком. Однако после четырнадцати с лишним веков того, что Сейви назвала «тошнотворной никчемностью элоев», полезных навыков не было почти ни у кого.

Через месяц после Падения, когда неразбериха чуть улеглась, Харман на ардисском совете настоял, что надо искупить своей прежний эгоизм – отправить в другие узлы представителей, которые научат выживших растить зерно, защищаться от врагов, забивать и разделять скот. После того как Харман нашел сигл-функцию, к этим занятиям добавились семинары, как получить из старых книг необходимые для жизни сведения. Вдобавок Ардис менял оружие на продукты и теплую одежду, а также раздавал советы по изготовлению луков, стрел, арбалетов, пик, ножей, наконечников для копий и другого оружия. По счастью, почти все люди старого образца пол-Двадчатки смотрели туринскую драму и были знакомы со всем, что проще арбалета. Наконец Харман отправил в триста с лишним узлов представителей Ардиса с просьбой ко всем уцелевшим помочь в поиске легендарных автоматизированных заводов и распределителей. Он показывал одну из немногочисленных винтовок, которые добыл из музея на Золотых Воротах в Мачу-Пикчу во время второго визита, и объяснял, почему для выживания человеческим общинам нужны тысячи таких.

Вглядываясь во мрак через струи воды, Даэман осознал, что охранять все факс-узлы в городе было бы очень трудно. Каких-то восемь месяцев назад Парижский Кратер был одним из самых больших поселений на планете: двадцать пять тысяч жителей, больше десяти действующих факс-порталов. Теперь, если верить маминым друзьям, здесь осталось менее трех тысяч мужчин и женщин. Войниксы беспрепятственно рыскали по улицам, лазили по подвешенным дорогам и жилым небоскрегам. Даэману давно следовало забрать маму отсюда. Но та упрячилась, а Даэман, всю жизнь – почти две Двадчатки – исполнявший любую ее прихоть, не мог настоять на своем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.